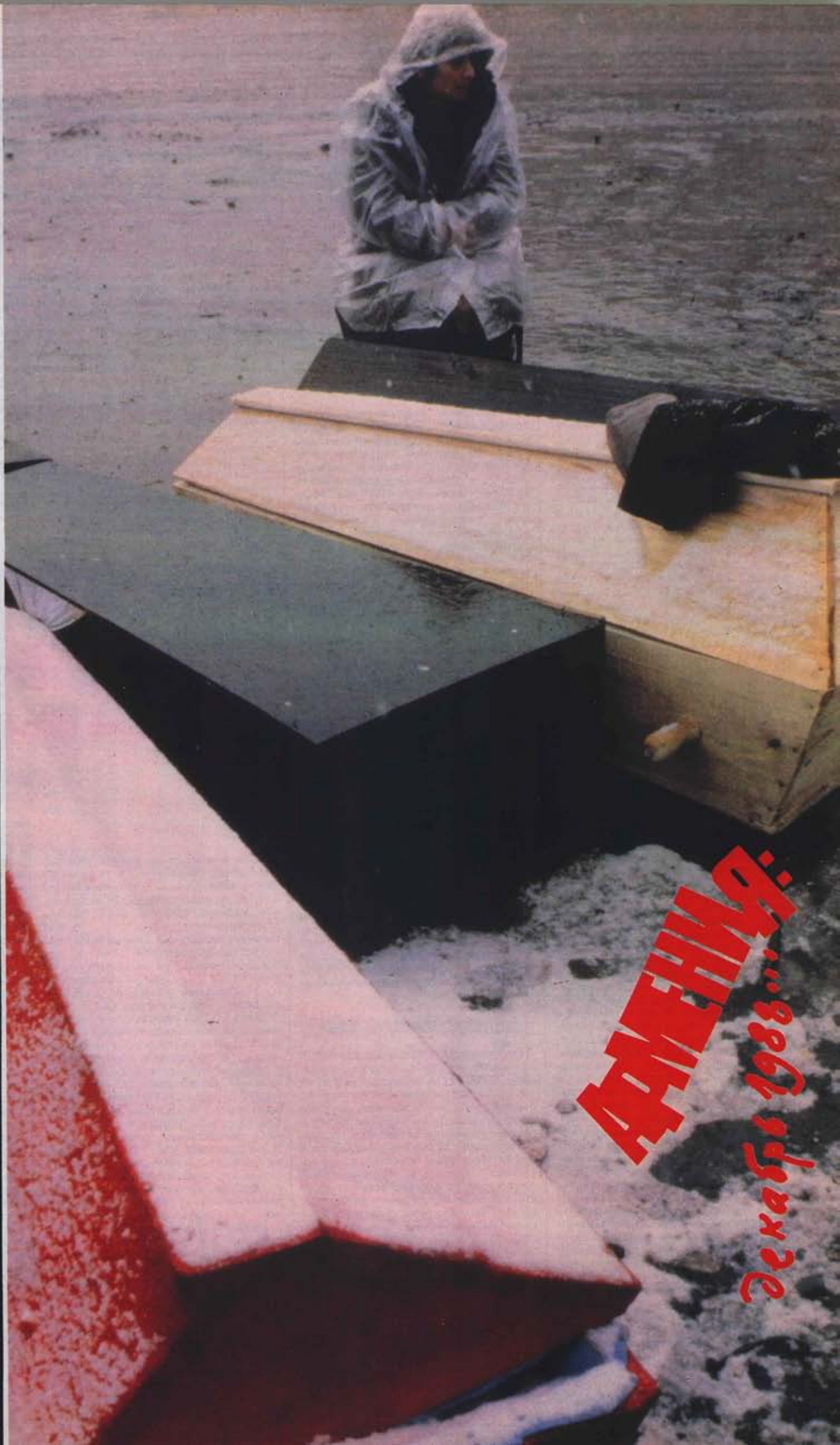

1988 г. 01/31 — 6036

Волжская

2

Волжская драма. Позиция ведомств.
 После приговора. Новая модель колонии
 Поэт о поэте. В. Корнилов о В. Ходасевиче
 Николай Леонов. Новая повесть.
 Музыканты из Свердловска

ДЛЯ МЕНЯ
 декабрь 1988 г.

Экологический кризис в Волго-Каспийском бассейне вышел за рамки регионального, принял масштаб национальной драмы. Печальный, но, скажем прямо, закономерный результат нашей неадекватности, ведомственного произвола. Каскад гидросооружений, отравляющие воздух заводы, безвозвратное изъятие волжской воды, непрекращающийся сброс промышленных, хозяйственных и сельскохозяйственных стоков... Гибнет природа, хиреет матушка-Волга, заболевает и вырождается рыба... А главное — хозяйственная деятельность человека на самом же человеке и отражается. Под угрозой здоровье людей, потребляющих волжскую рыбу и воду, дышащих астраханским воздухом. Ситуация приблизилась к той роковой черте, когда невольно задаешься вопросом: что же будет дальше?... Таков смысл статьи «Водилась рыбка золотая», опубликованной в 14-м номере за прошлый год.

КУДА ПОТЕЧЕТ ВОЛГА?

Потечет она... в Калмыцкую АССР, Ставропольский край... Так планируют Минводхоз и Госагропром СССР, стремящиеся во что бы то ни стало построить каналы Волга — Чограй и Волга — Дон-II, без которых, дескать, не поднять сельское хозяйство. Между тем многие авторитетные ученые, к примеру, академики Б. Ласкорин, В. Большаков, А. Жирмунский, Б. Соколов, А. Румянцев и другие, убеждены в обратном: каналы — авантюра с миллиардными убытками. Она грозит засолением и заболачиванием почв, прочими бедами.

Мы полагаем, что министерства и ведомства, упомянутые в нашем материале, по-деловому отреагируют на критику. Увы, Минводхоз СССР, Госкомгидромет, Госагропром СССР редакция не ответили. Но получены официальные отклики Астраханского облисполкома, Госкомприроды СССР, Госплана, Мингазпрома, Минрыбхоза.

Из сообщений Госплана и Госкомприроды узнаем, что государственной экспертной комиссии поручено провести эколого-экономическую экспертизу проекта канала. И так, стройка идет, истрачено около 50 миллионов рублей, уже вырыта огромная 20-километровая траншея, а комиссия только сейчас разбирается в проблемах, связанных с сооружением канала!

Получив госплановское письмо, мы заинтересовались, что успела сделать комиссия? Так вот, она установила: проект канала Волга — Чограй, выполненный пятигорским «Севкавгипроводхозом», имеет уйму недостатков, — они изложены на 35 страницах! «Работы по строительству канала Волга — Чограй прекратить» — таково заключение.

Кстати, экспертная комиссия АН СССР и ВАСХНИЛ на своем пленарном заседании (19 января 1988 года) сделала аналогичное заключение: «Письмо, направленное в ЦК КПСС академиком Ласкориным Б. Н., членом-корреспондентом АН СССР Яблоковым А. В. и членом-корреспондентом АН СССР Ковдой В. А. «О недопустимости строительства канала Волга — Чограй» считаем обоснованным. Комиссия считает, что проект канала Волга — Чограй технически несовершенен, экономически и экологически не обоснован. В связи с этим финансирование начавшегося строительства канала необходимо прекратить. Планируемое изъятие стока нижней Волги, последующий сброс коллекторно-дренажных вод в Северный Каспий приведет к разрушению водных экосистем и окажет резко отрицательное воздействие на рыбные ресурсы внутренних вод СССР, поставит под реальную угрозу уничтожения уникальные стада осетровых рыб (около 90% мировых запасов).

При создании комплексной схемы использования водных ресурсов нижней Волги требования рыбного хозяйства должны считаться приоритетными. ...Для решения экологических и социально-экономических проблем Калмыцкой АССР необходима проработка альтернативных вариантов: реконструкция и рациональное использование пастбищ, агролесомелиорация, приведение поголовья скота к реальной емкости и несущей способности пастбищ; строительство сети групповых водопроводов, восстановление колодцев...»

Но вот на внеочередном заседании Президиума АН СССР и ВАСХНИЛ (7.XII.88 г.) принимается решение: канал можно строить, но проект доработать!.. Прямо скажем, Президиум удивил, удивил, ибо предпринята очередная попытка «протолкнуть» научно необоснованный, экологически опасный и незаконный (нет утвержденного технико-экономического обоснования) минводхозовский объект. И кем? Академией, сливающей независимой организацией! А на самом деле... Удастся ли ученым, выступающим против ведомственного диктата, безоглядного и примитивного хозяйствования, отстоять свою позицию, это тоже вопрос. Лишний раз убеждаешься, нам ой как необходим независимый природоохранный орган, способный провести своевременную и объективную экологическую экспертизу, противостоять давлению министерств, центральных органов. На наш взгляд, эти острые проблемы не разрешились с созданием Госкомприроды СССР. О возможностях комитета, его позиции мы скажем ниже, прикасаемся еще к одной болевой точке — Астраханскому газоперерабатывающему заводу (АГПЗ).

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО — ЗОНА

Облисполком, Госкомприроды СССР и Госплан не обошли своим вниманием АГПЗ. По их мнению, сам проект завода обеспечивает экологическую безопасность, но строители оставили массу недоделок — главным образом на сооружениях и установках по предотвращению загрязнения окружающей среды. Некоторые объекты (например, система оборотного водоснабжения, сооружения по биологической очистке сточных вод) не завершены до сих пор. Кроме того, заводчане постоянно допускают нарушения технологии производства, из-за чего и происходят выбросы окиси серы, сернистого ангидрида, сернистого газа, — они во много раз превышают предельно допустимые концентрации!

В письме Госкомприроды СССР утверждается, что Комитет обратился в Совмин СССР с предложением приостановить строительство второй оче-

реди завода до устранения недоделок первой. Но на ученом совете Всесоюзного научно-исследовательского института морского хозяйства и океанографии, на котором мне довелось присутствовать, заместитель директора по науке В. Исаев сообщил: Госкомприроды СССР дал «добро» на сооружение второй очереди АГПЗ! В беседе, опубликованной в «Комсомольской правде» 8 ноября 1988 года, председатель комитета Ф. Моргун говорит: «После соответствующей экспертизы комитет может наложить вето на любой проект, который не отвечает требованиям по охране природы». И такая фраза: «Сложнейшая проблема на Астраханском газоконденсатном комплексе...» Отточие не наше, «Комсомольской правды». И ничего об этих сложнейших проблемах! Где логика в позиции Госкомприроды СССР? На словах одно, на деле — другое. Зачем же вводить в заблуждение общественность, говоря о возможностях комитета? Да и от экспертизы второй очереди союзный Комитет уклонился, проводит ее Госкомприроды РСФСР.

Здесь вот что еще надо уточнить.

ской обстановки в районе комплекса...» И вновь предполагается предпринять очередные меры по сокращению выбросов. Среди прочего: «ПО «Астраханьгазпром» поручено обеспечить ввод в действие всех природоохранных объектов 1 очереди в срок до 1 ноября 1988 г., а также опережающее строительство природоохранных объектов 2 очереди...»

Письмо тов. Джашитова датировано 16 ноября 1988 года, однако в нем нет ни слова о том, ввело ли объединение эти объекты в установленный срок... Что касается второй очереди, тут Мингазпром действительно спешит: директивными органами установлен жесткий срок ее сдачи — сентябрь 1989 года. Однако, как заявил по местному радио один из руководителей «Астраханьгазпрома», технологическая готовность второй очереди вызывает беспокойство, судя по всему, не удастся добиться высокого качества работ... Заранее покажись, дав понять — приказ есть приказ.

Вернемся к письму замминистра. Ссылаясь на комиссию Минздрава СССР, тов. Джашитов сообщает: «Ко-

Сергей КАЛЕНИКИН

Вторая очередь сооружается незаконно, в обход существующего положения. Нет необходимых согласований — к примеру, Минздрава СССР. Возражения медиков прежние: не устранены технологические недостатки первой очереди, взрослые и дети не выселены из восьмикилометровой зоны, а она, в свою очередь, не расширена до 20 километров... Свои соображения и обоснования Минздрав отправил в Совмин, Госкомприроды СССР, Мингазпром СССР... Реакция одна — спешное сооружение второй очереди, готовится третья, не исключена четвертая, пятая... Созвонившись по телефону с главным инженером ПО «Астраханьгазпром» В. Немковым, я узнал, что упреки в адрес АГПЗ технически не обоснованы, неграмотны, а такие публикации, как «Водилась рыбка золотая», деморализуют коллектив. Санитарно-защитную зону АГПЗ расширять не думает, — нечего, мол, отгораживаться от мира «китайской стеной». И вообще вот-вот начнут мощную разъяснительную работу среди населения. Так и сказал — «мощную»...

Насчет «неграмотности» и «деморализации» в письме замминистра газовой промышленности Э. Джашитова ничего не сказано. Напротив, говорится, что «в 1988 году на объектах Астраханского газового комплекса выполнен ряд природоохранных мер». Правда, они, — признает замминистра, — «до сих пор не обеспечили полную нормализацию экологиче-

миссия установила, что в обследуемых районах какой-либо закономерности в перинатальной смертности, мертворождаемости и детской смертности не выявлено. Тщательная проверка состояния заболеваемости коренного взрослого и детского населения, проведенная в 1988 году специальной комиссией Астраханского облздравотдела с участием кафедр Астраханского госмединститута, не обнаружила патологии от действия природного газа».

Воистину: не верь глазам своим! Что же, специально для Мингазпрома процитируем письмо Минздрава СССР, адресованное первому заместителю министра газовой промышленности В. Шеремету от 26.08.88 г.:

«В результате клинического медицинского обследования населения, проживающего в зоне влияния АГК, проведенного Астраханским облздравотделом в 1988 году, установлен рост уровня общей заболеваемости детей по сравнению с 1983 годом по всем врачебным участкам, в том числе пос. Комсомольский — в 5,5 раза, пос. Сеитовка — в 3,2 раза, совхоза «50 лет ВЛКСМ» — в 4 раза. В 1987 году по сравнению с 1985 годом у детей пос. Комсомольский возросла заболеваемость железодефицитными анемиями (малокровие. — С. К.).

У детей, проживающих в зоне влияния выбросов АГК, установлен достоверный сдвиг в системе имму-

нитета...», они отстают в физическом развитии, страдают легочными заболеваниями,— говорится все в том же письме.

Сообщение в Совмин от 09.06.88 г. за подписью замминистра здравоохранения СССР И. Н. Денисова:

«Врачи-педиатры Астраханской области приводят данные об увеличении на 16 процентов в 1988 году числа детей, умерших по причине генетических уродств, по сравнению с 1985 годом, о случаях массовой гибели птиц и рыбы, свидетельствующих о крайне неблагоприятной обстановке в районе г. Астрахани».

Почему молчит правительство? Ведь не без его содействия построено предприятие величайшей экологической опасности. Только по проекту завод должен ежегодно выбрасывать в атмосферу 100 тысяч тонн вредных веществ! По проекту, а по факту — в несколько раз больше!

А какие чувства могут вызвать у нормального человека вот эти мингазпромовские строки? Не письмо, а фронтовые сводки химической войны: «Для обеспечения безопасности произ-

случилось? Почему молчит пункт газовой безопасности?.. Пункт информации не располагал, АГПЗ — тоже... А позже открылось: произошла авария, вызвавшая увеличение концентрации сероводорода в Сеитовке до 17 ПДК, превышение было и в других населенных пунктах...»

При такой расторопности и противогазы могут не понадобиться, и автобусы не поспеют... Такова действительность. А как, кстати, ее оценивают в Прокуратуре СССР? Старший прокурор: Управления общего надзора Василий Наземцев убежден: предприятия Волго-Каспийского бассейна, включая АГПЗ, открыто губят окружающую среду. Экологических преступлений предостаточно, но найти истинных виновников, доказать их вину — дело сложное. Против директора объединения «Астраханьгазпром» было возбуждено уголовное дело, но его пришлось закрыть, так как В. Д. Шугорев попал под амнистию.

А разбирались ли Прокуратура СССР с руководителями Мингазпрома и других министерств, которые игнорируют природоохранные требования?

— Мы занялись Мингазпромом,—

бумаге присягать. Прогнозы же облисполкома таковы: «дальнейшее крупномасштабное антропогенное воздействие на экологию этого региона может привести к катастрофическим последствиям».

Облисполком не преувеличивает. Похоже, Волго-Каспийская проблема — крупная западня. Не будем обманываться: в ближайшее время не удастся восстановить утраченное. Но то, что по силам сделать сегодня, надо делать сегодня. Любыми мерами остановить экологическую преступность, восстановить законность. В конце концов надо считаться и с тем, что дельта Волги внесена в список водно-болотных угодий, имеющих международное значение. В низовьях дельты расположен Астраханский государственный биосферный заповедник, который также включен в число международных!

ПИСЬМО № 04-5/176

А какого качества ныне астраханская рыба, можно ли ее потреблять, безопасна ли она? — тревожатся наши читатели. Дать информацию по столь важному вопросу — редакционный долг. Увы, ведомства нам об этом ничего не сообщили, будто и разговора о рыбе не было. Но все же удалось почтительно некоторые официальные бумаги, побеседовать со специалистами.

Киевский научно-исследовательский институт гигиены питания провел эксперименты на белых мышах и крысах, дал свое заключение о качестве осетровых. После этого появилось вот такое письмо Минздрава СССР, адресованное первому замминистра рыбного хозяйства Н. П. Кудрявцеву. Цитируем наиболее важную его часть:

«В опытах на белых мышах наблюдали взъерошенность шерстного покрова, в 10 процентах имели место случаи их гибели. В контрольных группах (крысы и мыши) изменения не выявлены.

Полученные результаты экспериментальных исследований являются предварительными и свидетельствуют о возможности неблагоприятного влияния на организм потребления осетровой рыбы с расслоившейся тканью.

Для окончательного решения вопроса пищевого использования осетров Волго-Каспийского бассейна необходимо осуществление хронических гигиенических, а также медико-биологических исследований в соответствии с общепринятыми требованиями в течение не менее двух лет с учетом выявления возможных отдаленных последствий.

До завершения указанных работ использование осетровых рыб с расслоением мышечной ткани по линии специпитания не может быть рекомендовано.

Продукты питания из этих осетровых с учетом их полного соответствия требованиям действующей нормативно-технической документации могут быть реализованы при условии их максимального рассредоточения в сети общественного питания.

Заместитель министра
Главный Государственный
Санитарный врач СССР

А. И. Кондрусев».

Но как не рассредоточивай, а потребитель, пользуясь случаем, рыбу может взять впрок. Да и кто знает, в каком количестве и с какой частотой могут (или не могут) есть рыбу дети, беременные женщины, больные, старики?.. Сегодня никто не может сказать, как отразится на здоровье человека рыба, пораженная миопатией. Сам же

т. Кондрусев признает, что необходимы длительные исследования, и между тем дает «добро» на реализацию! Хотели бы знать, кто будет нести персональную ответственность, если выяснится, что допущена роковая ошибка?

— Нельзя считать, будто осетровые проверяются по всем параметрам, в настоящее время определяется только 15 токсических элементов, что явно недостаточно,— говорит заведующий лабораторией контроля производства и качества рыбных продуктов ВНИРО Анатолий Головин.— Не выявляются, к примеру, такие опасные для человека химические вещества, как нитрозоамины, диоксин... Наши исследования показали, что в печени осетровых — повышенное содержание кадмия, никеля и других элементов. Целесообразно отказать от промысла в летний период, когда в рыбе особенно выражено расслоение мяса.

Ученые ВНИРО бьют тревогу: в рыбе обнаружены пестициды и тяжелые металлы, пора прекращать промысел ярового осетра, увеличивается объем мертвой икры и икры с опухольными заболеваниями; есть отклонения в углеводном обмене — необходимо сократить промысел и озимого осетра...

Чтобы проводить более тщательные исследования, лабораторию ВНИРО необходимо срочно оснастить современной контрольно-измерительной аппаратурой. А ее наша промышленность пока не выпускает. Можно купить за границей, но... проблемы с валютой.

Безусловно, Минрыбхоз СССР принимает какие-то меры. У рыбы удаляются пораженные части, предприятия переходят на мелкую расфасовку, сняты с производства некоторые консервы. Но, оказывается, под подозрением и частиковая рыба (судак, лещ, сазан, щука...), которая после обработки имеет жесткую кость, чего раньше, как утверждают специалисты, не наблюдалось...

На карту поставлено само существование уникального стада осетровых как биологического и промыслового вида. Разрабатывается программа репрофилирования предприятий рыбного хозяйства на случай, если будет запрещен промысел осетровых. Проблем несть числа. Это тот самый случай, когда для спасения Волго-Каспия нужны не ведомственные, а общегосударственные усилия, необходим комплексный подход. Вероятно, это отразится в постановлении об улучшении экологической обстановки в бассейне Каспийского моря. Оно вот-вот появится. И мы еще вернемся к этой проблеме.

И два слова о гласности. Если министерства, Академия наук и другие центральные органы принимают какие-либо решения, которые затрагивают экономические, социальные и экологические интересы миллионов, то люди вправе ожидать вразумительных публичных пояснений, чем вызваны эти решения, почему им отдается предпочтение и кто является их автором.

Напрашивается вывод: ни Мингазпром, ни другие министерства и ведомства не способны навести порядок на Астраханском газоперерабатывающем заводе, тем более — во всем Волго-Каспийском регионе. Даже Минздрав, призванный стоять на страже здоровья людей, — и тот не в силах противостоять сомнительным, мягко говоря, решениям. Поскольку складывается такая тревожная ситуация, мы считаем необходимым обратиться от лица наших читателей непосредственно в Совет Министров СССР: не пора ли остановить ведомственный производ?

АДЛЯ

водственного персонала и населения в объединении «Астраханьгазпром» созданы газоспасательная и противодымная службы численностью 440 человек. Службы оснащены приборами, аппаратурой и специальным оборудованием.

В постоянной готовности находятся 30 автобусов для возможных эвакуационных мероприятий.

...Количество противогазов в настоящее время доведено до нормы. Проведено обучение воспитателей детских учреждений правилам пользования импортными средствами индивидуальной защиты. Ежедневно в селах, расположенных в восьмикилометровой зоне, проводятся радиосообщения об экологической обстановке на комплексе и в данном населенном пункте».

Мы проверили: да, противогАЗами детишки теперь обеспечены. Но допустимо, нравственно ли в мирное-то время облачать детей в противогАЗы?! Неужели и в Совмине думают таким образом разрешать экологические проблемы?

Что касается «ежедневных радиосообщений об экологической обстановке», то тут замминистра выдает желаемое за действительное. Таких ежедневных сообщений нет, уточняют жители села Сеитовки. Да и всю систему контроля за состоянием воздушной среды товарищ Джашитов явно перехваливает.

В ночь с 10 на 11 ноября прошлого года жители Сеитовки, почувствовав сильный запах газа, бьют тревогу: что

отвечает Наземцев.— Что можно сказать? Вот убеждают нас, мол, АГПЗ не ухудшает экологическую обстановку. Но мы располагаем иными фактами. Ведомственные амбиции очень четко просматриваются...

Прокуратура — серьезное учреждение. Но, боюсь, все дело кончится составлением очередных справок «наверх»! А между тем безо всяких преувеличений и натяжек можно утверждать, что астраханский регион — одна из самых горячих экологических точек страны. Специалисты сетуют: не все предприятия доступны для проверок, — некоторые, в сущности, вне контроля.

Настораживает и перспектива развития региона. «...ведется обустройство Тенгизского и Карачаганского месторождений, что вызовет дополнительную нагрузку на природные условия Волго-Каспийского региона», — сообщается в письме облисполкома.— Начато проектирование технических средств для освоения месторождений нефти и газа на маловодном шельфе заповедной зоны Северного Каспия, что противоречит ряду ранее принятых постановлений»...

На месте работников облисполкома я бы добавил: надо правительству разобрататься в собственных постановлениях, чтобы выдавать новые с учетом принятых. Не помешало бы и спецрешение: каких постановлений ныне надо придерживаться. Нужно это для элементарного порядка, а то на местах, судя по всему, не всегда могут понять, какой

Владимир ЛИКИН

Фото Евгения СТЕЦКО

На Армению обрушилось горе...

Мы все еще долго будем осмысливать, осознавать эти дни. Дни горя и братства, бедствий и мужества. И себя — в них.

Но важно взглянуть сейчас на случившееся глазами очевидца, запечатлевшего в блокноте, на фотопленке каждый миг трагедии и возрождения. Телевидение, радио, газеты старались донести до нас жгучее дыхание беды, болевой крик и горестный, исступленный шепот тех, чья жизнь, судьба оказались в этот страшный час на изломе событий.

Мы уже знаем примерное число жертв, но знаем и сколько людей, техники пришло на помощь армянской земле!

Мы видели напряженные лица Михаила Сергеевича Горбачева и Николая Ивановича Рыжкова, они были вместе с потрясенным народом, в гуще его.

Этот номер журнала читатель получит в конце января.

Уже схлынет первая волна боли и сердечного напряжения.

Жизнь постепенно берет свое: будут отстраиваться порушенные города, села; затягиваться раны земли и души человеческой...

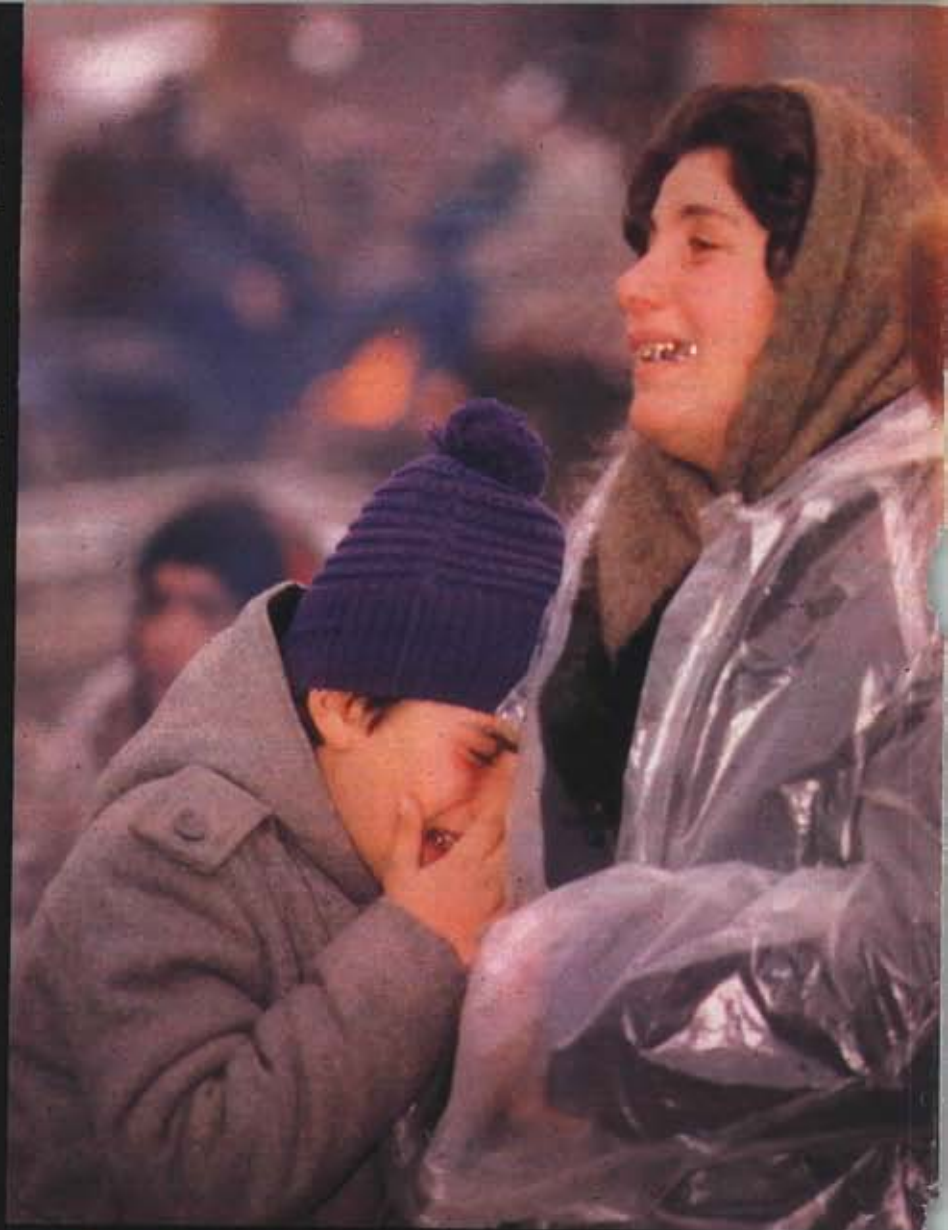
В летопись катастрофы и становления жизни лягут новые страницы.

Но память еще не раз вернется к тем, первым кровоточащим дням.

Из штрихов боли, отчаяния, стойкости, надежды сложится грандиозная картина всенародного единства, где перемешаются разные цвета и оттенки.

Всего неделю были наши журналисты в эпицентре трагических событий.

Целую неделю! Там время и пространство обретали иное измерение. Вглядитесь, вчитайтесь: свидетельства очевидцев — документ истории.

НЕУБИТАЯ ЗЕМЛЯ

Седьмого декабря 1988 года случилось страшное. Потрясенная в самом буквальном, изначально смысле армянская земля лишилась двух городов: 260-тысячного Ленинакана и 20-тысячного Спитака. Пострадал Кировакан, были разрушены села...

Все городские часы в Ленинакане остановились в 11.41.

...Самолеты в ереванском аэропорту «Звартноц» рулили, как велосипеды. Взлетные полосы были забиты «ТУ» и «АНами». Здесь же поднимали раненых на

борт. Некоторые из потерпевших хватали врачей за рукава:

— Я не хочу умирать! Не хочу...

Комната милиции. В ней — трое смертельно уставших мужчин.

— Как позвонить в город?

— Нет связи.

На полу люди, рюкзаки, сумки, чемоданы. Какой-то «взвэшник» с синими кругами под глазами, с автоматом через плечо рассматривает через стекло «Союзпечати» открытки с видами Ленинакана: городской парк, площадь, улица Ширакаци. Не верилось, что эта красота — теперь лишь на открытках.

Дорога в эпицентр катастрофы. Туда — «ЗИЛы», «КамАЗы», бульдозеры и экскаваторы. Обратное — битком набитые автобусы из Ленинакана и Спитака. Грузовики с нехитрым скарбом. Все, что удалось извлечь из-под обломков.

Мы уже отъехали от Еревана километров сто, но видимых следов разрушений так и не увидели. На личных подворьях спокойно работали люди. И подумалось на миг: а может, не было никакого землетрясения, может, это — чудовищная галлюцинация? Массовый гипноз?

Но были, были траурные ленты на флагах.

Был рев дизелей тягачей и сирены «скорой». Были и легко-втушки с гробами в открытых багажниках.

Прошло всего два дня после страшного удара стихии. Два дня, кажется, навсегда стершие улыбки с людских лиц. Бились в каменных склепах развалин человеческие жизни, подавали слабые голоса заточенные там люди. И уже работали, стиснув зубы, первые отряды спасателей. Все понимали: мы не одни в своем горе.

Со всех концов страны, мира стекалась в Армению помощь.

...Люди выбиваются из сил. Спят на ходу. Иные присядут на

крышку гроба, забудутся на минуту-другую и снова за работу. (Выбиваются из сил не только спасатели, но и их помощники — специально натренированные для поисков людей собаки.) В первую очередь осматривают развалины больниц, школ, детских садов. Рядом с армянами, русскими, литовцами работают французы, австрийцы, американцы...

— Мы не предполагали масштабов трагедии, — сказал первый секретарь Ленинанского горкома партии М. Мкртчян. — Сложно сориентироваться сразу. Поэтому, случалось, на некоторых завалах работали по три — пять кранов, а где-то их не было вообще...

Да, мы не были готовы к бедствиям такого рода. Есть огромное желание помочь, но нет опыта, хотя многие страны мира имеют специальную программу действий при подобных ситуациях. Кажется, только сейчас мы осознали наконец, как необходима и нам такая программа и такая служба!

Кто бы мог подумать, что дороги, ведущие во второй по величине и значимости город республи-

ки, окажутся такими узкими. А ночи станут столь длинными и холодными. И наскоро сколоченные гробы будут главной приметой Ленинкана.

...У разбитого сарая лицом к стенке с поднятыми руками стояли задержанные мародеры. На лицах запеклась кровь. Два автоматчика не спускали с них глаз, держа этих шестерых на мушке АКМов. Трое солдат едва сдерживали разъяренную толпу.

— Отдайте их нам! — кричали мужчины. — Не тратьте на эту мразь свинец! Мы их разорвем руками!

— За что их? — спросил я у милицейского сержанта.

— Шакалы! Снимали с убитых кольца, потрошили карманы...

Это тоже правда. Но правда и то, что в Москве, Астрахани, Курске, в сотнях городов страны стояли очереди у местных станций переливания крови...

На одной из главных улиц — Ширакати, на рекламной открытке такой ухоженной и милой, сейчас можно было бы снимать фильм ужасов: мертвые на тротуарах, резкий трупный запах, вой пожарных машин. Маяк на крыше нашего УАЗика бесшумно

помочь выбраться из пробки. На него уже внимания никто не обращает. Но свет «мигалки» выхватывает из темноты лица людей, работающих на развалинах, подчеркивает черноту пустых гробов, наваленных на тротуары.

Людям не хватало прожекторов, они подсвечивали фонарями. Не было фонарей, зажигали свечи. И со стороны свет их был схож с огоньками поминальных свечей на могильных холмах...

Еще одна долгая ночь опускается на разрушенный город. Костры разрывают мрак. На площади Ленина — целый палаточный городок. У одного из костров греются спасатели с Урала, спелеологи из подмосковной Балашихи. Они работают на развалинах центрального универмага. Им удалось высвободить из-под обломков шестерых человек.

Большая часть людей, с которыми мы встречались, без сна и отдыха трудилась в зоне бедствия. В истории дней скорби и боли, объявивших Армению, будет много горестных страниц. Но эти страницы расскажут и о человеческой солидарности, стойкости, мужестве — той силе, что помогла выстоять, спастись...

Я открыл дверцу патрульной машины и, чтобы выйти на тротуар, перелез через капот соседнего «Москвича». Подошел к костру, вокруг которого сгрудились тени.

— Здесь был ваш дом?

— Здесь. — Человек показал на развалины и горько махнул рукой.

— В его семье погибли все, — сказал кто-то из темноты.

— Скажите, а как у вас с продуктами? Есть хлеб, вода?

— Оставьте это, вы лучше напишите: нам не нужен хлеб, можно перебиться и без воды. Но, ради бога, пусть присылают технику: бульдозеры и экскаваторы...

— Умоляем! Что сделаешь с ломом и лопатой? А ведь под обломками — наши родные. И они, быть может, еще живы...

К нашей машине то и дело подбегали люди:

— Срочно нужен бензовоз. Бульдозер остановился.

Еще через сто метров:

— Помогите, там что-то загорелось, а в подвале — люди. Свяжитесь с пожарными по вашейрации.

Еще одна остановка:

— Быстрее, здесь рядом человека завалило.

Когда мы поднялись на холм из битого кирпича, женщина приложила палец к губам. Прислушались. Действительно, откуда-то из-под земли доносились слабые стоны. Не сговариваясь, стали разбирать завал: камни, проволока, электрическая плитка, книжка, битая тарелка, гнутая пельменница, опять камни... Наконец докопались и до плиты. Собралась толпа. Один из спасателей нырнул в образовавшуюся щель. А через несколько секунд он появился:

— Дела плохи. Плитой женщине придавило руку. Нужен кран. И врач.

Положение было нелепым до ужаса: рядом с нами умирал человек, а мы ничем не могли ему помочь. Лейтенант нагнулся, взял в руку кусок бетонной плиты, с силой его сжал.

— Ты посмотри, он же в руке крошится. До службы в милиции я окончил строительный техникум, работал на стройке. И, поверь, в бетоне толк знаю. Это не бетон. Почему в московский бетон, пока вобьешь дюбель, семь потов сойдет, а бетон местной

марки можно перешибить лопатой? Я тебя спрашиваю: почему дома, которые должны были защищать людей, стали могилами склепами? Дома должны защищать, а не убивать...

Наконец приехал врач. В узкую нору просунуться ему не удалось.

— Парни,— обратился он к спасателям,— надо кому-то решиться.

— На что? — не поняли спасатели.

— Отсечь руку.

— ...

— Решайтесь быстрее. Женщина лежит уже вторые сутки. Рядом — труп. Еще немного, и для нее все будет кончено...

— Кто пойдет?

Решился рядовой Игорь Веселов. Врач протянул ему небольшой топорик.

— Запомни, нужен только один сильный и точный удар.

Женщина лежала на боку. На вид ей было лет под пятьдесят. Седые волосы, лицо в испарине. А в глазах — безразличие.

«Господи,— подумал Игорь,— только бы с первого удара».

Он поднес лезвие топора к ее руке, и в это мгновение женщина

открыла глаза. Она все поняла и тихо заплакала...

Когда он показался из норы, волоча за собой полуживую пленницу, губы его дрожали, а ноги подгибались от усталости. Кто-то протянул Игорю стакан с водой, но от одного лишь вида воды его вывернуло наизнанку.

В трауре народ, которому испокон веков было присуще бороться и строить. Но устарело утверждение о том, что «ни один город республики не стоит на таком удобном для застройки месте, как Ленинанкан». Сейчас на местах, где еще совсем недавно высились дома, огромные завалы. На них — люди, потерявшие кров. Но не потерявшие надежду, что кого-то удастся спасти из каменного заточения. Время от времени подходят они к спасателям, работающим дни и ночи на завалах:

— Не слышно голосов?

И даже убедившись, что не слышно, все равно надеются — а вдруг...

Начальник УВД Ленинанкана полковник Галустян говорит со мной с закрытыми глазами. Третьи сутки на ногах.

— Мы потеряли восемьдесят

процентов личного состава. Многие наши офицеры потеряли семьи. Но мы не можем дать им ни полдня на поиски.

И пока я записывал в блокнот эти слова, Галустян, как показало мне, заснул.

— ...О чем вы спрашиваете? Где штаб? Их КПП через дорогу.

В первые часы трагедии не хватало пожарных, врачей, не было транспорта. Офицеры, чтобы отправить в госпиталь потерпевших, бросались чуть ли не под колеса попутных машин.

— Спасти людей, спасти тех, кто погребен под руинами домов и школ, больниц и фабрик, помочь раненым — было главным в первые часы,— сказал майор Шаповалов.— За три первых дня наш батальон откопал шестьдесят четыре живых и пятьдесят шесть погибших. Трое суток солдаты и офицеры разгребали завалы буквально руками. Они не отступили, порой забывая, что такое сон и отдых. Понимали: от них зависела жизнь многих людей.

В последнее время в прессе публиковалось немало критических материалов об армии, но ко-

гда пришла беда, армия, по сути, оказалась единственной реальной силой, способной не потерять голову в этом хаосе. Не случайно многие жители Ленинакана, Спитака, Кировакана с теплотой, с благодарностью говорили о солдатах, офицерах. Военные в первый же день отдали населению все свои пайки.

На одной из улиц у грузовой машины с наспех сделанным трафаретиком «Связь» толпятся ленинканцы. Прямо на капоте, на багажнике пишут телеграммы родным и близким, сообщают о погибших и о тех, кто жив. На-

лаживают работу армейские связисты. Кое-где появился электрический свет. В город постоянно приходят машины с продовольствием, с питьевой водой. Еду раздают прямо с борта, независимо от того, день или ночь. Штаб старается обеспечить равномерное распределение продовольствия по всему городу. То же и в отношении техники, рабочих рук.

С каждым днем действия всех служб становились более четкими, более скоординированными. В одном из районов буквально на глазах за ночь вырос целый

палаточный город. Задымили армейские кухни. Со всего мира в район бедствия направляются палатки, сборные домики, теплые вещи, одеяла, передвижные электростанции.

Но вот факты и другого рода: на главной площади Ленинакана с подъехавших машин стали раздавать электрообогреватели — и это в городе, где нет электроэнергии. Не проще ли было дать людям теплую одежду, ту самую, которая была на складе готовой продукции швейной фабрики. Но продукция эта мокла под снегом, затапывалась в грязь.

Поиск людей продолжался. Швейцарские, французские, американские спасатели готовы работать сколько нужно. Но, увы, не всегда удается четко координировать действия по оказанию помощи тем, кто погребен живо. Не поспевает техника к завалам, не оказывается рядом в нужную минуту «скорая», плохо с организацией освещения во время ночных работ...

Об этом говорил и полковник Анатолий Цыганков, приехавший из Тбилиси (там он проходит службу) сразу после того, как узнал о трагедии. Здесь, в Армении, у него живут сын, жена. Желудок засыпало на месте работы...

16 декабря в 11 часов 33 минуты «ожили» электронные часы в отделении Госбанка Ленинакана.

Символично, что часы включились почти в то же время, когда их остановила стихия. И нам показалось — часы начали отсчитывать новое время в истории древнего города.

Сотрудники журнала «Смена» перечисляют однодневный заработок в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении.

- Комсомол: не ждать, а действовать.
- Помнить о жертвах.
- Межнациональные браки: «за» и «против».
- Почему Аэрофлот не доверяет летчикам?
- Вуз для инвалидов?

Людей сплачивает совместное дело. Для многих из нас общее дело — комсомол. Но почему-то сплачивает он нас далеко не всегда. Значит, плохо работаем. Значит, что-то надо менять в комсомоле.

Вот, к примеру, выборы. Скажем, на областной конференции выбирают члена обкома. Каждый район, как правило, уже заранее определил, кого выдвинуть из своей организации. Называют кандидатуру. Делегаты голосуют. Но только считается, что они высказывают свое мнение. Чтобы его иметь, надо, как минимум, знать человека, за которого голосуешь. Но ведь этого нет! А если заранее знакомить делегатов с возможными кандидатами, их программами? Тогда, мне кажется, будет толк. А не предоставить ли районным конференциям право официально утверждать своего представителя членом обкома? И так на всех выборах ступенях?

Пора, мне кажется, отменить номенклатурную систему. У комсомольской организации фактически отобрана самостоятельность. Скажем, в районе считают, что их заговор «не тянет». Но пока вышестоящий обкомовский заговор не дает «добро» на освобождение, все на своих местах. А если не тянет первый секретарь? Почему его «родное» бюро не может принять не подлежащее ничьему визированию решение?

Номенклатурная система ставит аппарат над коллективной волей, хотя по логике должно быть наоборот. Почему ЦК, а не областная конференция разрабатывает штатное расписание обкомов, устанавливает им оклады? Это лишает возможности на местах действовать в зависимости от ситуации.

Да, в Уставе ВЛКСМ записано: «Структура и штаты комсомольского аппарата определяются в соответствии с порядком, установленным ЦК ВЛКСМ». И мы обязаны руководствоваться Уставом. Однако жизнь так стремительна, что отдельные положения даже недавно принятого документа могут быстро устаревать.

Из Устава неясно, на какой срок формируется аппарат, когда, как. Не правильнее ли на работу в аппарат направлять решением собрания «первичек»?

И потом, уставные слова: «работники аппарата систематически отчитываются о своей деятельности в комсомольских организациях», звучат расплывчато. Систематически отчитываться можно и раз в год, и раз в пять лет.

«Выборные комсомольские органы», — записано в Уставе, — руководят деятельностью соответствующего аппарата, проводят их аттестацию». Однако в аттестационную комиссию того же обкома входят, как правило, одни и те же люди, и в основном его аппаратные работники. Выходит, аппарат контролирует сам себя? Может, будет полезнее, если сотрудники аппарата встанут на учет в сельских, заводских, вузовских и других первичных комсомольских организациях?

«Выборный актив» — зачастую формально выбранный пассив. Почему-то считается не обязательным присутствие складывающих полномочия чле-

нов комитета на последней для них конференции. А ведь фактически они ответственны за характер работы своего комсомольского органа, и к ним, а не только к первому секретарю, членам бюро или завотделами могут возникнуть у делегатов вопросы; с них должен быть спрос.

Давно пора продумать и систему формирования: рядовые комсомольцы не знают, что происходит, о чем говорится на пленумах, на бюро.

Нужно ли нам вообще столько аппаратчиков в обкомах или ЦК? Не оставить ли только секретариат, а также орготдел и отдел финансово-хозяйственный? Члены выборных органов, с учетом их возможностей, составят внештатные отделы. Упорядочение их работы, координация станут задачей секретариата. Обкомы ведь в нынешнем их состоянии даже не вторичны, а «третичны», если учесть, что существуют еще райкомы. Однако любая работа так или иначе замыкается на «первичке». Ведь даже когда обком не занят работой с нижестоящими номенклатурными кадрами, а спускается к «первичкам», даже в этом можно увидеть определенный минус. Обком «отбирает хлеб» у райкома, подменяет его.

Итак, работа на аппарат — плохо, работа на «первичку» — подмена. Что остается? А остается, на мой взгляд, укрепить райкомы за счет обкомов. А заодно усилить «первички», выделяя ставку освобожденного работника в зависимости не от числа членов ВЛКСМ, а от количества молодежи, с которой любой комсорг все равно обязан вести работу.

XX съезд комсомола все более отдаляется от нас. Но чтобы улучшить наш молодежный союз, мне кажется, не надо ждать решений следующего съезда. Давайте вместе думать, решать и отставлять в сторону старые методы.

Георгий ЛОРИЯ,
Актюбинск

В этом году советский народ будет праздновать 44-ю годовщину Победы над фашистской Германией. Все участники войны наденут ордена и медали. У каждого, кроме прочих наград, обязательно есть и медаль «За Победу над Германией». На лицевой стороне медали изображен Сталин. После всего того, что мы узнали о его злодеяниях, нам еще носить медаль с его изображением? Не пришло ли время не только выбросить его останки с Красной площади, но и обменять имеющиеся медали за Победу?

Предлагаю всем участникам войны сдать медали с изображением тирана в переплавку, чтобы на майские праздники мы одевали новые медали «За Победу над Германией», не оскверненные образом Сталина.

В. ПЛЕТНЕВ,
инвалид Великой Отечественной войны,
Горьковская область

Создается Мемориал памяти жертвам сталинщины, милосердные люди посылают на строительство памятника деньги. Все это правильно. Но ведь остались еще пережившие ужасы репрессий старики, о которых за полвека никто не вспомнил, не сказал доброго слова, не оказал им даже самой мизерной помощи. Обидно живым ветеранам, когда оказывают честь только мертвым. Лично я провел в концлагерях ГУЛАГа 18 лет (с 1932 по 1950 г.) плюс 5 лет ссылки (по 1954 г.). А когда пятидесяти пяти лет ушел «на отдых» как полярный геолог, в 1968 году мне назначили пенсию меньше, чем продавцу, — 55 руб.

В годы застоя я не жаловался, подобное отношение к жертвам сталинщины было обычным делом. Награждая свое окружение боевыми орденами, Брежнев не удостоил ни одного реабилитированного ветерана хотя бы медали за труд, которому была посвящена вся наша лагерная жизнь.

Поверьте, обидно, что и сейчас, когда мы говорим про перестройку, о нас забыли.

К. ФЛУГ,
Волгоград

Сегодняшние комсомольцы напоминают мне участников «деловой игры». Но с одной существенной оговоркой: они не имеют или почти не имеют выхода на практику.

И вот, наконец, появляется реальная возможность участия молодежи в политической жизни страны — выборы представителей комсомола на Съезд народных депутатов СССР и в местные Советы. Уровень, на который может быть поднята «планка» политической активности комсомольцев, зависит от них самих.

Многие молодые люди уповают сегодня на Закон о молодежи. Вот, мол, будет он принят — и все проблемы молодежи решатся сами собой. Однако очевидно: каким бы хорошим ни был закон, действовать он не будет, если у людей, заинтересованных в его реализации, не будет реальной власти.

Итак, совершенно ясно: если комсомольцам дорого будущее своей деревни, своего района, города, страны, они не могут не участвовать в выборах депутатов от комсомола в Советы.

О. КУРГУЗОВ,
Москва

Формализм. Что еще может быть отвратительнее этого явления! Это главное оружие очковтирателей и казнокрадов. Я — штурман Ту-154, поэтому речь об Аэрофлоте, а точнее, о спецконтроле (продолжаю разговор, начатый вашим читателем из Одессы. «Смена» № 19).

Ах, какой этот контроль строгий — муха не пролетит!.. Под контроль взяты даже члены аэрофлотских экипажей, т. е. контролируются работники Аэрофлота, которые обязаны во время полета защитить всеми доступными средствами (вплоть до применения оружия) самолет, жизнь и достоинство пассажиров. Что же ищут контролеры в наших карманах и портфелях? Ответить невозможно. Оружие? Если оно у нас есть, мы и так покажем, без обиды.

Я работник Аэрофлота. На мне летная форма, пропуск — с красной полосой. Я знаю все слабые стороны спецконтроля. И как пронести оружие (и даже орудие) на самолет. Знаю сто один способ, в том числе и как это сделать без формы и без пропуска. Но

вид у контролеров такой, будто они делают нужное дело. Что это? Косность? Рутинность? Бюрократизм?

Таких примеров можно привести сколько угодно, когда мы перегоняем самолет, летим пассажирами и тому подобное. Действующее летное свидетельство — вот документ, который должен освободить работников Аэрофлота от спецконтроля. Вместо этого работники милиции на глазах пассажиров перебирают наши носки и трусы. Муха не пролетит!..

А хотите эксперимент? Я, пассажир, почти не таясь, пронесу мимо милиционера на спецконтроле пистолет на самолет. И, если пронесу, виноват даже не столько данный контролер, сколько формальная система контроля с покаянной.

В. ИВАНОВ,
Новосибирск

Прочитал статью «В графе «национальность»» («Смена» № 21, 1988 г.). С вашим выводом, что в целом «рост числа и доли национально-смешанных браков, несомненно, очень прогрессивное явление», не согласен. Не следует, разумеется, запрещать смешанные браки, но не надо их рекламировать. Как вы себе представляете сохранение этнической самобытности, национальной культуры, если процент смешанных браков будет с каждым годом все больше? Как быть с оседлостью и связанным с ней чувством малой родины? Что прогрессивного в миграции? Посмотрите, что происходит со средней полосой России — на глазах ведь гибнет русская национальная жизнь! А русские уходят с насиженных мест кто куда — в Прибалтику, Казахстан, Якутию... Русская нация как бы растворяется в другой природно-этнической среде. И что же здесь прогрессивного? Веками складывалась русская нация. А теперь мы должны пассивно взирать, как в промышленном котле перевариваются нации и национальности, а в итоге получится серое бесцветное «варево»? А родителям разных национальностей до вступления в смешанный брак, не лишне было бы подумать, перед какими трудностями выбора в будущем они поставят своих детей. В фильме «Маленькая Вера» показан негртеночек от смешанного брака; кем он вырастет и кем станет — русским или украинцем?.. Мне больше импонируют финны, поляки, немцы, японцы, бережно сохраняющие свою этническую (национальную) самобытность и однородность.

А. С. АНУЧКИН-ТИМОФЕЕВ,
Москва

Я абсолютно согласен с автором статьи «В графе «национальность»» в том, что касается определения национальности детей в смешанных семьях. Наша семья состоит из 8 человек. Я мордвин, жена — чувашка, зятья — один русский, а другой украинец. Я не знаю языка жены, жена не знает моего языка, тем более не знают наших языков мои дети, зятья и внуки. Нас объединяет великий русский язык, при этом я, жена и зятья очень уважительно относимся к своей национальности и языку. Хочу поднять вопрос об определении национальности детей в смешанных семьях. Нашим дочерям при выпуске свидетельства о рождении в загсе определили национальность «чувашка». Дети росли, учились, воспитывались в русской среде, знали только русский язык, обычаи, культуру, уклад жизни русского народа. И вдруг в 16 лет при получении паспорта им пишут «чувашка» — национальность, языка которой они не знают. А если взять наших внуков, так они вообще представления не имеют

о языке и национальности бабушки и дедушки! А в 16 лет в паспорте им по матери будут писать «чуваши»...

Особенно опасно, когда в некоторых республиках государственным языком считают только язык своей национальности, игнорируя русский язык. В каждой союзной республике наравне с государственным республиканским языком должен быть равноправно общегосударственный язык — русский, который дает возможность общаться людям разных национальностей как в своей республике, так и в любой республике нашей страны.

Сейчас идет подготовка Пленума ЦК КПСС по национальным взаимоотношениям. Очень важно, чтобы эти вопросы были рассмотрены.

Зоя Степановна и Дмитрий Иванович ВИНАЕВЫ,
ветераны войны и труда,
члены КПСС, Севастополь

Почему молчит комсомол, когда ему сейчас, как никогда, надо говорить и действовать?

Я не уверен, что в Законе о выборах в Верховный Совет СССР узаконено равноправие поколений. Ну, конечно, как всегда, было сказано, что каждый человек имеет равные права быть избранным в Советы. Но сами по себе эти слова не дают гарантийного равноправия. Если у нас каждый имеет равное право быть избранным в депутаты, то почему среди депутатов преимущественно люди предпенсионного возраста? Тогда давайте изменим Конституцию. Напишем в ней так: преимущественным правом избрания депутатов обладают люди околопенсионного возраста. Давайте все это законодательно оформим!

Или вот еще: во всех Советах в основном мужчины. Процентом на 90. Но ведь в Конституции же сказано: человек имеет равное право быть избранным в депутаты независимо от пола. Давайте тогда официально запишем в Конституции: преимущественным правом избрания в Советы обладают мужчины! Раз преимущественно мужчин выбирают, то давайте это официально оформим!

На мой взгляд, нужен вот такой закон. Половина каждого Совета должна состоять из молодежи, а другая половина — из людей старшего поколения. Половина каждого Совета должна состоять из женщин, а другая — из мужчин.

Вот это и будет равноправие!

Ну, а теперь уточним, что такое молодежь? Принято считать, что это люди возрастом до 30 лет. В таком случае закон о равноправии молодежи должен выглядеть так. Половина каждого Совета народных депутатов должна состоять из людей возрастом от 18 до 30 лет; половина каждого Верховного Совета должна состоять из людей возрастом от 21 года до 30 лет. То же самое должно быть и в отношении Съезда народных депутатов. Если в правительстве не будет молодежи, то это неизбежно кончится застоєм! Почему молчат руководители комсомола?

В. МОЧАЛОВ,
29 лет,
Марийская АССР

Я инвалид II группы. Недавно на страницах вашего журнала было опубликовано письмо, затрагивающее проблему образования инвалидов. Существующие ПТУ и техникумы-интернаты для инвалидов обеспечивают такой

профессией, которой можно воспользоваться только на заводах и фабриках. А как быть тем, кто вообще не может выйти из дома, но очень хочет получить высшее образование? Кто в конце концов сможет больше отдавать обществу, занимаясь умственной работой, а не физической. Почему у нас в стране нет ни одного вуза-интерната для инвалидов? Раньше можно было получить образование, сдавая экзамены экстерном, сейчас же этого нет, а ведь это был бы выход для инвалидов, которым даже заочное отделение недоступно. Вот если бы в каждой республике был свой вуз-интернат для инвалидов и еще была бы возможность учиться экстерном!..

Ирина МУРДЫНОВА,
Альметьевск

Пишет вам лечащийся в лечебно-трудовом профилактории. С крайним возмущением в 21-м номере прочитали мы письмо Ирины Пекарь из Киева о ее отношении к проблеме алкоголизма и, в частности, к людям, попавшим в беду и направленным на принудительное лечение в ЛТП. Как можно, не зная наших жизненных и бытовых условий, утверждать, что мы в ЛТП существуем за счет общества?! Вдобавок в оскорбительной форме она пишет: «Устраивают себе отдых от свиной своей жизни и т. д.». Да будет известно автору этого письма, что спецконтингент полностью себя содержит и приносит колоссальный доход государству. Мы с большим интересом и надеждой следим за преобразованиями в стране, выписываем много периодики и считаем, что при выходе из ЛТП мы будем социально реабилитированными людьми, станем вести нормальный образ жизни, а не «свинскую свою жизнь», как утверждает И. Пекарь. Ведь проблема алкоголизма — это социальная болезнь, и бороться с ней должны всем миром, а репрессивно-карательные меры себя не оправдали. Только по справедливости, уму и общими усилиями мы можем исправить свои общие ошибки, вылезти из болота пьянства.

Михаил ИВАНОВ, 26 лет,
уроженец Ленинграда

В каждой колонии есть школа рабочей молодежи. Первого сентября сюда дубинкой (в прямом смысле) загоняют всех, кому еще не исполнилось 40 лет. Автора этих строк, несмотря на высшее образование, тоже пытались заставить посещать школу.

Разговорился на эту тему с директором школы в колонии. «Скажите, — спрашиваю, — ведь вы знаете, что никто из учащихся практически не учится?» «Чудак, — говорит директор, — а что же будем делать мы, учителя?»

Святая правда. Если к началу учебного года не наберется свыше 80 учащихся, школу роно закроет. Вот и набирают... Если у тебя в «деле» нет аттестата зрелости, то, будь уверен, автоматическим станешь учеником. И неважно, что после 1 сентября по запросам самих учащихся приходят документы об образовании. Это уже неважно. Школа функционирует.

И как же? А вот как. Первая смена. В аудиториях пусто. Педагоги — 7(!) человек пьют чай в учительской с 13-00 до 16-00. Вторая смена. Человек 20 учащихся (загнали с трудом). Занятия кто чем. Они сами по себе, учитель сам

по себе. Начинают «занятия» с 19-00 до 21-00. Расходятся. На выпускных экзаменах положительные оценки ставят всем. Знания? «Ну какие же могут быть знания? — невозмутимо вещают учителя. — Да и зачем они зеку?» Нарочно не придумаешь, но факт. Между прочим, к зарплате (и небольшой) учителям добавляется 30 процентов за опасность общения со спецконтингентом...

В. ПАВЛОВ,
бывший осужденный,
Кировская область

Когда мне было лет пять, нас бросила мать. Нас — это меня, сестренку, Смирнову Татьяну Александровну, которая младше меня на один год, и братика, Смирнова Виталия Александровича, младше меня на два года. Тогда с нами еще жил отец, Смирнов Александр Константинович. Мы жили в доме отца, в городе Вольске Саратовской области. Через некоторое время его осудили. Мать отдала нас в детский дом (номер детского дома точно не помню, вроде № 1) — он расположен возле старого базара Вольска. Через год или два меня, как самого старшего из нас троих, забрала бабушка, Никитина Ольга Алексеевна, мать отца, проживавшая в Вольске. В году 1974-м отец повез меня в интернат, который находился в городе Хвалынске Саратовской области. Когда я учился в пятом классе, я получил письмо от сестренки Тани. Она мне писала, что учится в школе-интернате на Украине (название области не помню), в селе Грушево. Братик был в другом интернате, она не знает, в каком. Я тоже не знаю, где он находился. Письмо и адрес я со временем потерял. Отец умер. После восьмилетки я поступил в училище в городе Балаково Саратовской области. В 1984 году умерла бабушка. Сейчас я прохожу службу в Вооруженных Силах и ничего не знаю о сестре и брате. Где они, что с ними? Наша бывшая мать — Смирнова Светлана, отчества не помню, девичья фамилия Мартынова. Я увольняюсь в мае — июне 1989 года.

Может быть, откликнутся на мое письмо Тая и Саша? Может быть, кто-нибудь поможет нам найти друг друга?

Олег СМРНОВ

P.S. Редакция вместе с Олегом Смирновым ждет вестей от тех, кто знает что-либо о Тани и Саше. Любое ваше сообщение, дорогие товарищи, будет немедленно передано Олегу.

Прочли в «Смене» № 19 за 1988 год письмо Ксени и Константина Курганских и решили откликнуться. Предлагаем им вступить в заочный клуб «Корчагинец», членами которого являемся сами. Мы не только переписываемся между собой, но ведем активную работу: имеем всевозможные кружки, клубы по интересам, службу знакомств, такую необходимую в нашем положении. Благодаря этой службе многие из нас, инвалидов, нашли хороших, верных друзей. Выпускаем красочно оформленные рукописные журналы, фотоальбомы, благодаря которым мы и можем увидеть друг друга. Выпускается также еженедельная газета «Зеркало». За пять лет, что мы существуем, проведено пять клубных лотерей, а вырученные на них деньги пошли в Фонд мира, на XII фестиваль молодежи и студентов в Москве, подшефным детям-инвалидам в дома-интернаты, на приобретение сувениров и игрушек для них.

У инвалидов много проблем, и решить их можно, объединившись в клубы, общества. У нас в Могилеве общество организовано. Мы очень нуждаемся в трудоустройстве, в лечебно-оздоровительных комплексах, в санаторно-курортной базе, улучшении жилья. Нет у многих и телефона, благодаря которому каждый из нас мог бы общаться друг с другом. Ведь «общество» — это прежде всего общение. Хочется, чтобы улучшили изготовление инвалидных колясок, чтобы они были легкими, практичными. Чтобы выдавалось два вида колясок — и комнатная, и дорожная. Хотим, чтобы выпускали такие коляски, как в Житомире: они малогабаритные, практичные, «ходят» по лестницам, в ванную и вообще удобны для каждого инвалида. Очень нуждаемся мы и в улучшении протезно-ортопедической обуви.

Решение этих непростых проблем входит в план работы общества инвалидов и клуба «Корчагинец». Планируем мы также открыть кооперативы, клубы по интересам, женсоветы, мечтаем о своем предпринятии.

Желающие вступить в наше общество могут написать по адресу: 212006, БССР, Могилев, ул. Урицкого, 3, кв. 35, Шабeko Сергею, коротко рассказав о себе, указав возраст, группу инвалидности и диагноз, степень подвижности, образование, место работы (если человек работает), адрес, телефон.

Сергей ШАБЕКО,
Могилев

Журнал я читаю регулярно, но для улучшения его содержания предлагаю следующее. Раз в два месяца рассказывать о какой-либо футбольной команде. Чаще печатать интересную информацию о моде с фотографиями (как в № 17 за 1988 год). Постоянно на страницах журнала вести разговор о мафии, наркомании, СПИДе. Больше в журнале нужно печатать судебных очерков. Нужно — я так считаю — расширить рубрику «Музыка с тобой». Материалы под рубрикой «Школа экономики» печатать в доступном виде и в лаконичной форме.

Д. Г. ПЕТРОВЕНКО,
Одесса

Кто и когда по-настоящему поможет матерям-одиночкам, которые воспитывают своих детей сами, а не отдают их на попечение государства? Ведь те 20 рублей, которые мы получаем, — чисто символическое пособие, если учесть, что цены на детскую одежду стали кооперативными. Я, например, еще не вышла из декретного отпуска, но работаю полдня. И все равно живем на 80 рублей в месяц. А ребенок растет, ему надо новые вещи покупать, надо есть и одеваться самой. Скоро с протянутой рукой придется идти. И я знаю, что такое положение у многих матерей-одиночек.

Детский фонд помогает детдомовским детям, есть дома и с семейным микроклиматом. А как нам выжить? Работать по 24 часа в сутки, чтобы свести концы с концами? Когда воспитывать ребенка, если приходится оставлять его у соседей? Или нашим женщинам не рожать? Почему милосердие обходит нас?

Мария СЕРГЕЕВА,
мать-одиночка,
Пенза

Гудрун ПАУЗЕВАНГ

Рассказы западногерманской писательницы Гудрун Паузеваг взяты из сборника «Рассказы о мире». Педагог по образованию, она является автором романов и книг для юношества, получивших широкое признание. Особенно близка ей детская тематика.

Красной нитью через ее творчество проходит мысль, что стремление к миру, ненависть к насилию, вражде и войнам не приходят сами собой. Поэтому воспитание в духе мира, доброжелательности и взаимопонимания — одна из главных задач, стоящих перед родителями и учителями.

Книги Гудрун Паузеваг не раз награждались премиями, многие из них экранизированы. Они переведены на английский, французский, итальянский, польский и другие языки.

Вальберги — большая семья: дети — Энне, Роберт и Франк, родители, бабушка и прабабушка, которую в семье называют просто бабуля. Ей уже девяносто два года, и лицо ее испещрено морщинками как чернослив. Дни напролет она проводит в кресле-качалке, настолько огромном, что различить в нем ее почти невозможно. Бабуля подслеповата, но все еще хорошо слышит. Обычно она молчит, прислушивается к разговору домочадцев и иногда качает головой, услышав, о чем они говорят.

Энне вообще-то не назовешь ребенком. Ей уже восемнадцать. Как-то в среду, возвратившись домой из гимназии, Энне бросила:

— В воскресенье я иду на демонстрацию. Кто хочет составить мне компанию?

— Я, — промолвил Роберт.

— И я, — выпалил Франк.

— Ты-то хоть не вмешивайся во всякие политические штучки! — воскликнула бабушка, обратившись к Энне. — Кто знает, какую беду на себя этим накличешь: останешься безработной, когда закончишь учебу.

— По телевизору показывали, что творится на демонстрациях. Полицейские избьют вас дубинками, и Энне очутится в конце концов в тюрьме, если кому-то покажется, что она зачинщица. Вы же не станете подвергать себя такой опасности, — боязливо заметила мама.

— Мы пойдем втроем, — сказал Роберт.

— Не пойдете, — возразил отец. — Вы — несовершеннолетние, и пока я решаю, что вам надо делать. Если Энне взбрело в голову пуститься в авантюру, это ее личное дело, а Роберт и Франк останутся дома.

— Что такое демонстрация? — спросила прабабушка из своего кресла.

— На демонстрации, бабуля, — объясняла Энне, — сотни тысяч людей собираются вместе и длинной колонной шествуют по улицам нашего города. Вот и все.

— Что же в этом плохого или даже опасного? — покачала головой прабабушка.

— Дело политическое, мама, — подала свой голос бабушка и ласково похлопала бабулю по руке. — Ты не поймешь. Я уже имела дело с политикой, тогда, при Гитлере, и никому не советую ею заниматься.

— Что же общего между такой прогулкой по городу и политикой? — удивленно переспросила прабабушка.

— Все люди, идущие в колоннах, — противники войны. Они выступают за мир. Вы ведь тоже все «за», не так ли? — терпеливо объясняла Энне.

— Ну да, — сказала бабушка, — кто же против мира?! Но нельзя же из-за этого поднимать шум.

— Даже нужно, — возразила Энне. — Народ — это мы. Начнись война, мы погибнем первыми. Народ должен ясно показать, что он против всякого вооружения, во всяком случае, против ядерного оружия в нашей стране или еще где-либо. Мы хотим, чтобы все народы жили в согласии. Итак, кто пойдет со мной?

— Я пойду, — неожиданно для всех заявила прабабушка.

Все просто онемели.

— Мамочка, — попыталась переубедить ее бабушка, — ты забыла, что не можешь ходить?

— Но сидеть, слышать и мыслить я еще могу, — живо возразила бабуля. — Этого достаточно для участия в такой демонстрации. Вот если бы вы смогли достать мне кресло-коляску...

— Сделаем, — чмокнула Энне прабабушку в щеку. — Ты здорово придумала, бабуль.

Отец озадаченно пробормотал:

— Ведь уже много лет ты не была на улице и не представляешь, какая это мука. В такой толкотне можно инфаркт получить.

— Ну и что? Не так уж плохо, — сухо

заметила прабабушка. — Когда-нибудь это все равно произойдет. Почему бы не на демонстрации?

Бабушка всплеснула руками и попробовала убедить свою мать. Но бабуля продолжала:

— Хватит, Эльза, я знаю, ты — страшная трусиха. Оставайся. Тебя никто не просит идти.

— Нет, бабушка, так дело не пойдет, — энергично вмешался в разговор отец. — Я не могу позволить...

— Но, Ханс, я отвечаю за свои поступки сама, и ты не можешь мне что-либо запретить.

— Одна в такой толпе Энне не сможет катить кресло-коляску, — воскликнула в отчаянии мать.

— Мы повезем бабулю, — в один голос прокричали Роберт и Франк.

Мать испуганно вскрикнула, отец возмущился, а бабуля сохраняла полное спокойствие, весело прислушиваясь к гвалту домочадцев.

Спустя полчаса решение было принято: отец выразил желание везти бабулю, Роберт и Франк тоже настояли на своем, даже бабушка, лучше всех понимавшая состояние своей матери, решила сопроводить семейное шествие.

— Коли все идет, я не могу оставаться, — вздохнула мать.

— Нет, ты останешься дома на телефоне в качестве диспетчера центральной неотложной помощи, — возразил отец.

Оказалось, у прабабушки не было даже подходящего пальто.

— Нам нужно купить ей новое пальто, — заметила бабушка.

ПРАБАБУШКА НА ДЕМОНСТРАЦИИ

— Глупости, — ответила бабуля. — Энне, дай-ка примерить твое пальто.

Энне — очень стройная, но на две головы выше бабули. Ее вязаное пальто доставало бабуле до пят.

— Ты в нем выглядишь как фигура святого в церкви, — заметил Роберт. Они с Франком покатывались со смеху.

— Я его и надену. Сидя в кресле-коляске, можно укутать себя этим пальто с ногами.

— Ты будешь посмешищем в молодежном пальто, — воскликнула бабушка и заплакала. — Да еще с таким капюшоном, с ужасными яркими цветами!

— Видишь, какой фурор ты произвела своим сумасшедшим решением! — подал голос отец.

— Немного шума никогда не помешает, — ответила бабуля.

— Ты всегда так делала, — воскликнула с досадой бабушка. — Нам придется ужасно волноваться за тебя! Помнишь, как ты бросила свой материнский крест в кучу навоза и грязи во дворе, да еще так, чтобы все могли увидеть. Твой поступок поставил нас в затруднительное положение.

— Да, — сказала бабуля. — Я вырастила своих сыновей для войны. Через полгода после гибели Герберта пришло известие о смерти моего Бруно. В тот день я выбросила крест туда, где было его настоящее место. Мне так хотелось избавиться от этой штуки...

— А что значит «материнский крест»? — спросил Роберт.

— Этот орден давали матерям, родившим четверых или пятерых детей.

Во всяком случае, у меня достаточно причин бороться за мир, — упрямо промолвила бабуля...

В 11 часов в воскресенье, сгруппировавшись вокруг кресла-коляски, семья отправилась на демонстрацию. Бабулю упаковали грелками, обложили таблетками от сердца и диетической пищей. Мать с балкона прокричала им вдогонку уйму предостережений и советов:

— Если вас остановит полиция, ссылаетесь на бабулю, ее они не тронут. Франк и Роберт улыбаются.

— Ты успокойся, моя дорогая, — пропихнула бабуля своим тоненьким голоском. — Ответственность за всех я, целиком и полностью, беру на себя.

Полдня мама обеспокоенно металась между балконом и телефоном, но звонков не было, и домочадцы все не возвращались. Наконец, спустя 5 часов, «честная компания» вернулась в прекраснейшем расположении духа.

— Я так волновалась за вас, — облегченно вздохнула мать.

— Напрасно, — ответила бабуля. — Все прошло замечательно и без приключений, не так ли, Эльза? Не то, что ваши вопли в среду. Полицейским не пришлось вмешиваться, и речи были хорошие, я готова подписаться под каждым произнесенным словом.

— Съела всего один бутерброд с творогом и чесноком, — пожаловалась бабушка, а отец оживленно рассказывал:

— Кого я там только не увидел: рокеры, гаммеры, девушки в длинных хлопчатобумажных одеяниях. Но боль-

шинство составляли нормальные люди, среди них был даже мой шеф.

— Всего один бутерброд с творогом, — повторила бабушка, сморщив лоб.

— Почему бы и нет? — удивилась прабабушка. — Энне купила себе бутерброд в ларьке на улице. От него исходил аппетитный запах, и я попросила купить мне такой же.

— Это же вредно для твоего здоровья, — вздохнула мать.

— Он уже пошел мне на пользу, — возразила бабуля.

— У бабушки взяли интервью, — сказал Франк. — Может быть, его покажут вечером по телевизору.

...Вечером Вальберги собрались посмотреть репортажи о демонстрации. На экране и впрямь появилась прабабушка собственной персоной. Репортер спрашивал, сколько ей лет, и бабуля отвечала без тени смущения. Затем он попросил объяснить причину ее участия в демонстрации.

— Моего деда убили в германо-французскую, мужа — в первую мировую войну, обоих сыновей и зятя — во вторую мировую. Моя старшая дочь с двумя маленькими детьми погибла в последние дни войны во время бегства. Здесь вы видите трех моих правнуков. Я хочу, чтобы они, их дети и внуки остались живы...

Камера ушла в сторону, показав на мгновение лица Энне, Франка и Роберта. Отца с бабушкой она тоже вскользь затронула.

Комментатор давно перешел к другим сообщениям, а потрясенные Вальберги все сидели, глядя в ящик.

— Вот тебе на, — сказал отец, — нас всех показали по телевидению.

— Моя дорогая бабуля, — начала мама, смахнув выкатившуюся слезу. — Я думаю, ты заставила плакать множество людей в нашей Федеративной Республике.

— Хотя бы надела другое пальто, — вздохнула бабушка. — Что о нас люди подумают?

— Тебя так и тянет на глупости. Эльза, — сказала бабуля. — Пальто тебе дороже жизни, а она может оказаться в опасности, если разразится война — пойми ты наконец! Мир не приходит сам по себе.

— В следующий раз обязательно пойду с вами, — промолвила мама. — Я тоже обеими руками за мир. Как представляю, что могу потерять своих мальчиков...

И она вновь достала носовой платок.

Мейер — классный руководитель. Мы делали с ним все, что хотели: рисовали мелом на спине, подвешивали бумажные хвосты. Он, наверное, думал: «Еще пару месяцев, уйду на пенсию и освобожусь от всего этого». Наш класс помог ему заработать две недели дополнительного отпуска: мы так натерли мылом пол перед доской, что он растянулся во весь рост и сломал ногу, из-за чего репутация нашего класса ухудшилась еще больше.

В действительности же никто из нас не был злым. Возьмем, к примеру, Франка. Он каждый день после обеда вывозил на воздух своего парализованного дедушку — по собственной инициативе! А Ханнес, считавшийся одним из самых плохих, несколько недель горевал, когда его таксу переехал грузовик. Или Анди, уже тогда возвышавшийся над Мейером и имевший мускулы грузчика, — при каждой грустной телепередаче он плакал. А я? К празднику День матери (второе воскресенье мая. — Прим. ред.), накопив немного денег, купил маме тостер. Собираясь я деньги долго, так как каждую неделю мне давали на карманные расходы всего лишь по две марки.

Да, по отдельности мы были не такие уж плохие. Но, собираясь вместе, очень любили побужить.

Учебный год закончился, и старик Мейер ушел на пенсию. Мы с напряжением ждали назначения нового классного руководителя.

Ханнес сказал: — Кого бы ни заполучили, доведем его до ручки.

Конечно же, никто не захотел брать наш класс, кроме нового молодого учителя, закончившего недавно учебу и получившего первое назначение в нашу школу.

— Ну, он с нами еще наплачется, — заявил Франк, и мы приготовили трубки и рогатки...

Наш новый классный руководитель, герр Шпорнер, оказался не таким уж несведущим. Он, видимо, изучил обстановку и знал о нас если не все, то многое. Когда на уроке началась стрельба бумажными шариками, учитель сухо заметил:

— Не очень-то оригинально. Старо как мир. Чтобы меня удивить, придется вам придумать кое-что получше.

— Уже было все, — пробормотал Ханнес.

— Э, нет, — возразил Шпорнер. — Например, не было спокойствия, полного спокойствия. Во всяком случае, я еще не встречал по-настоящему спокойного класса.

нервов и высочайшей концентрации.

Ханнес громко рассмеялся и хлопнул себя по коленям:

— Мы — и спокойные!

— Вот именно, — сказал Шпорнер. — В этом-то и заключается самое потрясающее.

— Собственно, великолепная идея, — изрек Франк.

— Мы сможем, — подумал Анди вслух. — И если кто-то выйдет из игры, я ему покажу.

— Спокойствие! Об этом только говорить легко, — ответил Шпорнер. — Представьте себе, вы должны обращаться с товарищами так, будто они оправались от тяжелой болезни и нуждаются в самом бережном отношении.

Мы взвыли от восторга. Идея захватила нас. Быть диким, наглым, задиристым — к этому мы привыкли. Стать же добрым и спокойным — очень заманчиво. С этой минуты должно воцариться полное спокойствие!..

В класс зашел директор, ошеломленно огляделся, устался на нас и в полной тишине спросил:

— Что случилось?

— Я бы тоже хотел знать, — ответил Шпорнер. — Ничего не понимаю. Класс, как я слышал, считается худшим в школе, но никогда еще меня не встречали так доброжелательно и вежливо.

— Что вы задумали, сорванцы? — недоверчиво спросил нас директор.

Мы смотрели на него невинными глазами, отрицательно качали головами, никто не смеялся.

— Не верю я в это спокойствие, за ним что-то кроется. Скоро они себя покажут...

За его спиной Шпорнер приложил палец к губам. Мы поняли: если сейчас рассмеемся, это будет нарушением нашего договора, хотя не рассмеяться над ошеломленным директором было трудно.

— Неплохо, — заметил Шпорнер, — но вряд ли вы выдержите до полудня.

Нас заело тщеславие. На переменке мы старались перецеловать друг друга в доброжелательности. Никто не боксировал, не кусался, не ругался и не бузил...

Следующим уроком была география. У географа Лахманна от гробовой тишины выступил на лбу пот:

— Вы чем-то обеспокоены, ребята?

— Нет, герр Лахманн, почему вы так решили? — удивленно ответили мы и повскакали с мест, чтобы помочь ему повесить карту...

Так продолжалось всю неделю. Мы переговаривались тихо, слушали внимательно, работали и наслаждались удивлением учителей, хваливших наш класс и Шпорнера.

— Как вы добились таких результатов? — восхищенно спросил его кто-то из учителей.

— Класс просто классный, только вы этого не замечали, — ответил Шпорнер.

Конечно, мы не могли постоянно оставаться доброжелательными и спокойными, в этом Шпорнер был прав, но бдительно следили за сохранением порядка в классе.

Самым ярким сторонником спокойствия стал Анди. Он восхищался идеей больше всех остальных. Однажды Франк и Вольфганг начали рычать друг на друга. Хотя дело не зашло дальше словесных перепалок, одно это возмутило Анди настолько, что, отведив обидим пощечины, он заорал:

— Может, будете соблюдать спокойствие, идиоты?!

— Анди, Анди, — сказал наш Шпорнер, — мира войной не добиваются.

Анди подавленно посмотрел на учителя и пролепетал в ответ: «Извините»...

Сейчас мы уже в 7-м «б» и действительно превратились в мирный класс, где все стоят друг за друга горой. Учителя нас любят, и мы с ними ладим. Жаль только, что нет Шпорнера: через год его перевели в другую школу. Мы расставались с тяжелым сердцем — из всех учителей он был лучшим...

У нас новая классная руководительница — маленькая бледная учительница музыки, у которой однажды был нервный срыв из-за нашего класса. Сейчас мы очень довольны друг другом. Между прочим, она обнаружила у Анди музыкальные способности. Он стал самым важным человеком в нашем хоре и больше не размахивает кулаками, даже ради воцарения спокойствия...

Перевел с немецкого Андрей УРБАН.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ИДЕЯ

Наш класс считался самым ужасным во всей школе; а это кое-что значило, если иметь в виду, что в школе — 38 классов!

Наш 5-й «б» был полон драчунов и грубиянов, ябедничавших к тому же друг на друга учителям. То Франк ломал Даниэлю переносицу, то Вольфганг кусал Феликса за палец, то девочки отрезали Эви правую косу. Мальчишки избивали ребят из 5-го «ц» только за то, что те переиграли нас в мяч на выбывание. А учительницу музыки так довели, что она расплакалась, выбежала из класса и три дня не появлялась в школе.

Бузотерство было нашим любимым занятием, доставлявшим огромное удовольствие. Это чувствовал и старый

Девочки захихикали, а Ханнес только сказал: «Фэ».

Шпорнер сделал вид, будто ничего не заметил. Он мечтательно посмотрел в потолок:

— Это было бы подобно удару молнии: класс, спокойный до невозможности, в то время, как учителя с напряжением ждут, в какую же передерягу я с вами попаду. Они были бы просто ошарашены! Но забудем об этом, все равно у вас ничего не получится. Спокойствие достигается за счет крепких

Виталий ЕРЕМИН

Сергей мало подросток, пока был в колонии. А был он там с 14 до 17 лет. Не знаю, чего ему больше не хватало — калорий в пище или материнского тепла.

Передач из дома его лишали порой за отказ работать. Были у него конфликты с администрацией и по другим причинам. А рацион в дисциплинарном изоляторе примерно в три раза скуднее обычного... Но сколько бы ни было невзгод в его колонийской жизни, освобождение — праздник. А Землянухин как будто бы и не рад — каждое слово приходится вытягивать из него клещами.

— Залез в квартиру, взял кольца... Как жилось в колонии? Привык.

Сергей равнодушно пожимает плечами.

Мы, группа работников МВД и журналистов, приехали в Усманскую воспитательно-трудовую колонию (ВТК), чтобы мысленно примерить на нее новую модель ВТК. Будут ли в новых, более мягких условиях, лучше перевоспитываться такие, как Землянухин?

Прослышав о переменах, стриженные наголо, лопухие пацаны не скрывают радости. Еще бы! Ведь будут разрешены даже короткие прически! А работники колоний переглядываются и лихорадочно соображают, как же теперь жить, когда им, воспитателям, многое нельзя, а воспитанникам, наоборот, — многое можно? Как красивую сказку слушали они выступление в Усманской ВТК бывшего ее начальника Д. Ф. Шашило. Принял Давид Филиппович под свое начало 42 воспитателя. Присмотрелся к ним и половине предложил подыскать другую работу. А оставшиеся каким-то непостижимым образом справлялись с 628 воспитанниками.

Слышанное ли дело! Выводил паца-

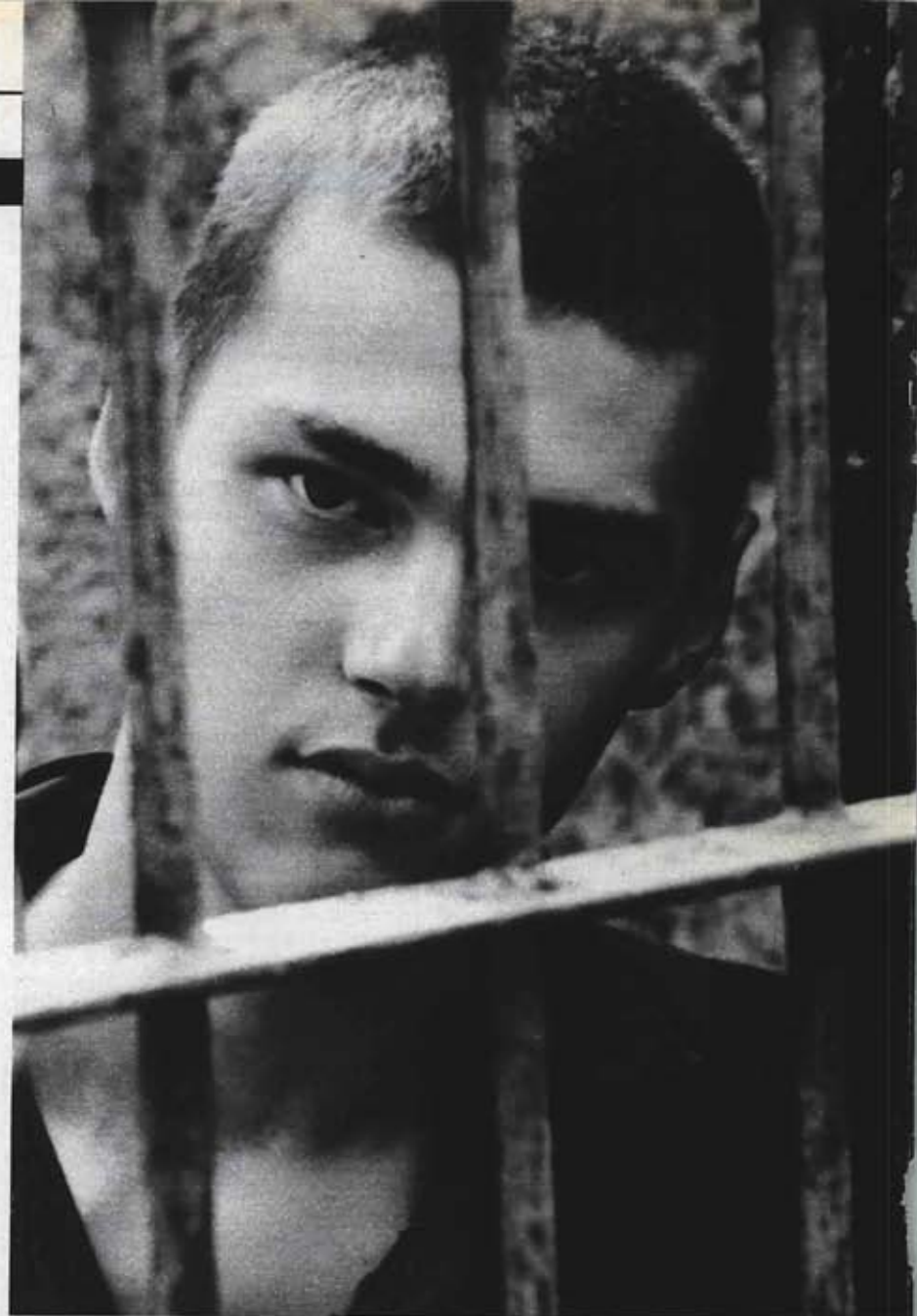
н смягчая условия отбытия наказания, превращая заключение в пропасть, из которой способны выбраться лишь немногие. Там, надо полагать, сообразили, что, чем меньше условия содержания давят на достоинство подростка, тем больше он чувствует себя человеком. Мы шли по обратному пути, все туже и туже закручивая гайки.

Цели своей подобное воспитание не достигло: число несовершеннолетних, попавших в заключение повторно, росло год от года.

Известны и другие последствия закручивания гаек. С каждым годом все меньше родителей приезжало за многие сотни километров к сыновьям лишь для того, чтобы повидаться через стекло. Подсчитано: треть ребят не имеет свиданий с родителями. А около половины не поддерживают даже письменной связи с близкими. Можно представить, в каком настроении отбывают они срок, как относятся к перспективе освобождения.

Не знаю точную стоимость суточного питания. Подобные сведения относятся к разряду особо секретных. Кажется, 64 копейки. Но мы точно знаем: многие не получают из дома ни посылки, ни передач. А растущий организм требует свое. И кое-кто из ребят стал заниматься так называемой дербановкой — систематически отбирать у тех, кто послабее, самую вкусную и калорийную часть посылок и передач. Конфликтам на этой почве нет числа.

В Усманской ВТК, хотя колония в Липецкой области, липецких ребят всего 13 процентов. Я беседовал с Сашей Иткиным, недавно прибывшим сюда из Йошкар-Олы. В пути он был два месяца. Прошел через пять пересыльных изоляторов. С какими только взрослыми преступниками не встречался! «Они к нам, пацанам, ласково относились», — вспоминал Саша. Таких, как он, этапи-

ПО ТУ СТОРОНУ РЕШЕТКИ

нов без конвоя за пределы зоны — на рыбалку, играть с местными в футбол. Ежегодно вся колония выходила на первомайские демонстрации. В матросках и лакированных ботиночках. Больные не хотели оставаться в зоне, их везли позади колонны в машинах. Никто ни разу не сбежал. Фантастика!

А теперь, двадцать лет спустя, мы входили в ту же самую колонию через пять железных и кованых дверей. В глазах рябило от колючей проволоки и решеток. Количество персонала на одного воспитанника за эти годы увеличилось. А условия содержания ужесточились.

Рецидивист на особом режиме может получить трехсуточное свидание. Подросток — только двухчасовое. И то — через стекло, в телефонную трубку.

Мы пока не знаем всех, кто изобретал этот режим. Но можно предположить, каким был взгляд «изобретателей» на несовершеннолетних правонарушителей. Подросток уже не ребенок, но еще не взрослый! В силу раздвоенности своей психологии он чаще всего видит в себе того, кого видят в нем. И в соответствии с этим строит свое поведение.

В других странах воздействовали на преступность несовершеннолетних,

рванных за сотни и тысячи километров, в Усманской ВТК почти 90 процентов.

ВТК разделили на четыре типа и два вида режима из тонких психологических соображений: чтобы не содержать вместе, скажем, воришек и осужденных за полове преступления. Но к чему это привело! Стали этапировать ребят из конца в конец страны. И начали пацаны заражаться от взрослых преступников уголовной романтикой.

Примерно двадцать лет назад было сломлено сопротивление профессионального воровского мира. Взрослых заключенных, называющих себя ворами в законе, оставались считанные десятки. Поэтому мы считали, что с преступным «орденом», его моралью, законами, иерархией покончено раз и навсегда. Но то, что вскоре стало наблюдаться в ВТК, было возрождением преступного мира.

После пятнадцати суток дисциплинарного изолятора, с питанием на 22 копейки в день, подростку сам черт не брат. Нарушитель выходит отощавший, но гордый, распространяя вокруг себя атмосферу злобы и ненависти к администрации. Именно этот антагонизм по отношению к воспитателям готовит пацанов к переходу в среду так называемой «отрицаловки», к воровским нормам жизни.

До 1962 года ВТК работали отдельно от взрослых колоний. Но затем начался процесс уравнивания. Не только в «режимных требованиях», но и в вопросах

выполнения производственных планов. Все бы ничего, если бы не так называемый «остаточный принцип». Для ИТК (исправительно-трудовых колоний) — лучшие кадры мастеров, основная часть сырья, более ритмичная поставка комплектующих деталей, наконец, лучшие станки и оборудование. А для ВТК чаще всего — то, что останется. По такому же принципу обеспечиваются кадрами и учебным оборудованием действующие при ВТК профессионально-технические училища.

Работники ВТК считают: воспитанники выполняют производственные нормы из-под палки. Ребят, как правило, не интересует ни заработок, ни размер личного счета. Хотя, казалось бы, каждый должен стремиться к тому, чтобы к моменту выхода на свободу заработанная сумма была максимальной.

Колонии для несовершеннолетних называются воспитательно-трудовыми. Но «воспитание трудом» приняло там столь примитивные формы, что может называться таковым лишь в насмешку. Впрочем, вся работа ВТК построена на выполнении чисто формальных задач. Прежде всего — чтобы не было никаких побегов, преступлений внутри зоны. На втором месте — выполнение производственного плана, чаще в ущерб воспитательной работе, с нарушением трудового законодательства. Третья задача — обучение (принудительное) профессиям: токаря, слесаря и другим, по которым абсолютное большинство освобожденных подростков не работает.

Четвертая задача — школьная успеваемость. «Успевают», как правило, даже полные дебилы.

И только на пятом месте та задача, которая должна быть главной: возвращение обществу подростков, способных противостоять соблазнам преступной среды и прочим трудностям, с которыми неизбежно сталкивается каждый вернувшийся.

Но как решить эту задачу, если, к примеру, сведения о том, сколько бывших воспитанников вновь совершили преступления, ограничиваются рамками области, где расположена колония. Если же освободившийся подросток уехал в другую область и там совершил преступление, в ВТК ничего об этом не знают. Вести подобную статистику запрещено. Таким образом, каждая ВТК работает вслепую, не зная конечных результатов. Главных результатов! А отдел ВТК при МВД СССР оценивает ту или иную ВТК опять же по формальным показателям: оперативной обстановке, выполнению плана...

Во всех ВТК на видных местах — портреты Макаренко. Но это всего лишь дань традиции. ...Определить, по Макаренко или не по Макаренко работает ВТК, можно очень просто — достаточно вспомнить оставленные нам Антоном Семеновичем две главные заповеди: относиться к воспитаннику оптимистически — видеть его лучшие качества и постоянно их развивать, верить, что такое отношение рано или поздно найдет отклик в его душе, и второе —

*Пока материал готовился к печати, мы получили сообщение о том, что пониженная норма питания в дисциплинарных изоляторах (ДИЗО) отменена.

как можно больше требовать с него, но и как можно больше уважать.

Догадываюсь, почему воспитатели ВТК убеждены, что работают по Макаренку. У них постоянно в ходу воздействие на отдельного нарушителя через коллектив. Но как организуется это «воздействие»? Приведу наименее драматичный пример из жизни той же Усманской ВТК. У парня перекосилась нагрудная нашивка с фамилией. Воспитатель велит построить отделение и приказывает: «Будете стоять, пока разгильдяй не приведет себя в порядок». А ребята только из производственной зоны — голодные, усталые, злые...

Что порождают подобные моральные экзекуции? Требовательность коллектива к отдельному воспитаннику? Отнюдь. Лишь коллективную злобу и коллективное вымещение этой злобы на том, из-за кого пришлось стоять голодными.

— Если бы мне предложили кратко определить суть новой модели ВТК, я бы сказал так: это возвращение к Макаренку, — говорит начальник отдела ВТК МВД полковник Владимир Петрович Астахов. — Мы предлагаем освободить ВТК от внешних признаков колоний и тюрем: убрать постовые вышки, ограждения из колючей проволоки, заменив ее металлической сеткой типа «рабица». Охрану вести методом оперативного дежурства, с более широким применением инженерно-технических средств. Снять решетки с окон жилых помещений внутри колоний. Отменить нагрудные нашивки с указа-

нием фамилии. Разрешить воспитанникам носить короткие прически, теплое нательное белье и шарфы, одеть их в более привлекательную форму. То есть изъять из повседневного быта все, что психологически и морально давит на подростков, унижает их человеческое достоинство, вынуждает считать себя преступниками.

Уже сейчас во многих колониях убирают стеклянные перегородки, разделяющие воспитанников и их близких во время свиданий. Вероятно, при каждой ВТК скоро появятся комнаты для длительных свиданий. Возникает новый вид поощрения ребят — телефонные переговоры с близкими.

Увеличится норма питания, улучшится и качество пищи. В ларьках, торгующих в колониях, появится больше продуктов и товаров. Лимит «отоваривания» поднимется до 25 рублей в месяц.

До минимума будут сведены такие наказания, как лишение свиданий, запрещение получать посылки, смотреть телепередачи. Дисциплинарные изоляторы в их теперешнем виде ликвидируются. Новые дисциплинарные комнаты с температурным режимом не ниже плюс 20 градусов будут оборудованы обычными кроватями и радиофицированы. Отбывающим наказание будет разрешено пользоваться книгами, газетами и журналами. Они смогут писать письма, встречаться с близкими. Не будет применяться здесь и пониженная норма питания. Срок пребыва-

ния в ДИЗО сократится до 7 суток.

Злостные нарушители по решению учебно-воспитательного совета ВТК будут направляться в участок усиленного наблюдения на срок до трех месяцев.

Решено отменить существующее деление ВТК на виды и режимы и ввести общее содержание осужденных подростков независимо от статей, по которым они получили срок. Эта мера снизит необходимость этапирования из одной области в другую и вероятность контактов со взрослыми преступниками. С этой же целью при каждой колонии будут создаваться отдельные изоляторы для содержания там подростков.

Разработана целая система поощрения осужденных, вставших на путь исправления. Предусматривается поэтапное смягчение условий отбывания наказания. Подросткам будет разрешено участие в культурно-массовых мероприятиях за пределами колонии, причем без конвоирования, а после отбывания трети срока — даже выезды к родителям.

Будут создаваться и центры социальной адаптации. Незадолго до освобождения воспитанники смогут жить в общежитии рядом с ВТК в условиях смягченного надзора. Это особенно нужно подросткам, чьи родители — в силу своих низких моральных качеств — не могут помочь им нормально войти в обычную жизнь. При желании ребята могут какое-то время жить и работать в центре социальной адаптации и после освобождения.

На примере таких ребят, как Землянухин, мы убедились, что 14-летний подросток, попав в места лишения свободы, больше усваивает дурное влияние среды, чем слова воспитателей. Поэтому предлагаем поднять возрастную планку уголовной ответственности до 15 лет. Мы считаем также, что было бы гуманным и педагогически выгодным снизить максимальный срок наказания до 7 лет независимо от тяжести совершенного преступления.

Не знаю, кто как, а я знакомился с новой моделью со смешанным чувством. Неплохо придумано, но как внедрять? Рассказывали: одному из пацанов в Усманской ВТК родители хотели передать что-то нездоровое. Парень не взял: «А вдруг из-за меня стекло снова поставят». Другой скривился: «Есть перегородка или нет — наплевать. Ко мне все равно никто не приезжает». (В Усманской ВТК больше именно таких.)

Кому-то действительно давит на психику колючая проволока, решетки. А кто-то этого даже не замечает. И еще неизвестно, каких ребят больше.

Содержание в ДИЗО будет теперь мало чем отличаться от содержания в общежитии ВТК. И для кого-то может оказаться даже выгоднее — не надо работать. Как же сделать, чтобы ДИЗО в его новом, более человеческом виде исправлял нарушителя?

А участок усиленного наблюдения? Какими будут условия пребывания там? Какими — методы воздействия? Или центр социальной адаптации. Каким будет он?..

Есть у меня знакомый паренек. Зовут

его Андрей Колотилин. Живет в Москве, работает на заводе токарем. Женится, растит дочь. К недавнему прошлому (три года пребывания в колонии за драку) относится без комплексов.

— Конечно, сидеть в ДИЗО мало радости, — говорит Андрей. — Это самый настоящий бетонный мешок. Но нужно учесть и то, что именно такого ДИЗО многие боятся. А что будет удерживать от нарушений, когда введут дисциплинарные комнаты? И вообще непонятно, какие будут применяться наказания. Скажем, послал я подалше воспитателя или принес из производственной зоны «зачотку» — что мне за это будет?..

25 рублей «отоварки» в ларьке — по-моему, слишком много для одного человека. Тем более, что выбор товаров весьма ограниченный. А это значит: те, кто плохо работает и мало зарабатывает, будут отовариваться за чужой счет.

За три года я заработал 315 рублей — меньше червонца в месяц. А ведь работал в высокооплачиваемой бригаде, по самому высокому в колонии разряду. Боюсь, что, если бы в то время разрешалось отовариваться не на 7, а на 25 рублей, я вышел бы без копейки.

Некоторые новшества могут привести к ЧП. После отбоя жилые секции запираются снаружи, в это время обычно и начинаются «разборки» и «опускания». Если же снять решетки с окон, то постоянно кто-нибудь, спасаясь от расправы, будет выпрыгивать со второго этажа. Если убрать «колючку», то дружки с воли — сами, без просьб! — будут приезжать и перебарщивать все, что захотят, в том числе и нездоровенное...

Вот насчет одежды — это правильно. Но надо изменить не только ее фасон и цвет. Одеваться и переодеваться приходится дважды: утром и после работы — перед тем, как идти в школу. Хранить одежду в жилой секции категорически запрещено. А каптерки тесные, маленькие. И хранятся там минимум семьдесят комплектов, а на переодевание даются считанные минуты. Кто не уложился — нарушитель. Из-за одного могут наказать всех. Спешка невероятная. Одежда и обувь путаются. Ругань, свалка, тычки, пинки. И такое — два раза в день. А воспитатели как будто и не видят всего этого...

Знаете, что на меня там больше всего действовало? Телевизор! Пока видишь, как люди на воле живут, сам живешь. Выключили телек — жизнь окончена.

Если цель заключения — заставить преступника страдать и в страданиях очищать душу, то телевизор в этом смысле — сильнодействующий педагогический инструмент. Увы, каждый второй из воспитателей, с которыми я беседовал, предпочитал пользоваться им в прямой зависимости от того, как осужденные работают и выполняют требования режима. Из двадцати воспитанников по крайней мере один ежедневно что-нибудь нарушал. А наказывались все! Объяснялось это примерно так: «Если им каждый день кино, то где же кара? Ведь тогда кара выхолащивается!»

Раньше, при Д. Шашило, на территории Усманской ВТК был небольшой пруд, где ребята, в порядке поощрения, купались и даже ловили рыбу. Первое, что сделал приемник Давида Филипповича, — велел осушить пруд.

Может быть, Землянухин ко многому относился бы иначе — и к труду, и к режимным требованиям, если бы осталась в колонии эта внеплановая награда — возможность купаться и удить рыбу. Может, и на свободу бы вышел другим, если бы была в его колонийской жизни эта маленькая радость.

Новая модель ВТК проходит сейчас «обкатку» в нескольких колониях. Выгоды делать пока рано. Ясно одно: многое зависит от самих работников ВТК.

Я спросил старика контролера в ДИЗО, как он относится к нововведениям.

— Когда вожжи отпускаешь, они еще больше наглеют, — ответил старик.

— Интересно, что из этого получится, — процедила сквозь зубы молодая начальница спецчасти Усманской колонии.

— Будет желание — получится, — улынулся сотрудник отдела ВТК МВД капитан Г. Староверов.

— Ну, а если пацаны и в самом деле облагают? — спросил я Староверова.

— На мой взгляд, это не повлияет на окончательное решение, — ответил Геннадий Васильевич. — В основе своей модель будет утверждена. Этого требует элементарный здравый смысл. Может возникнуть вопрос: зачем в таком случае это «опробование»? Чтобы убедиться в целесообразности тех или иных деталей модели. Чтобы выработать оптимальные способы поэтапного ее внедрения.

Действительно, переход на другие, более мягкие и свободные условия содержания, причем такой резкий — штука тонкая.

Для начала надо бы вообще разобраться, что это такое — новая модель. Один из сотрудников ВНИИ МВД СССР дал такую формулировку: «Новая модель ВТК — это оптимизация условий отбытия наказания на основе дифференциации воспитанников в соответствии со степенью их исправления и перевоспитания».

Звучит мудро, но по существу верно. Человека не переделаешь, если он сам не захочет себя изменить. Желание это само по себе не появится. Надо, чтобы у воспитанника было как можно меньше отрицательных эмоций и как можно больше положительных. Не случайно Макаренко так много значения придавал мажору в детском коллективе.

Мы хотим, чтобы несовершеннолетний правонарушитель вернулся в общество полноценным человеком. Но это возможно только в случае, если человек условия, в которых он содержался.

Теперь мы уже знаем, что прежние условия содержания действовали отрицательно как на осужденных, так и на работников колоний. Значит, новые условия — это прежде всего способ создания в местах лишения свободы более благоприятной обстановки для работы воспитателей и перевоспитания осужденных.

Сотрудники в отделе ВТК МВД новые. Хотят сделать много, быстро. Чтобы общество скорее ощутило настоящую, а не словесную перестройку в их работе. Но, мысленно желая им успехов, я опасаясь, что все усилия не дадут ожидаемых результатов, если одновременно с новой моделью в работу ВТК не будет внедряться еще нечто, не менее важное.

Те, кто долго проработал в ВТК, привыкли к стереотипам — наказывать за проступки сверхурочной работой и работой в выходные дни, опираться на «актив», добивающийся подчинения воспитателю угрозами, кулаками, «опусканием», создавать вокруг себя атмосферу страха.

Во что могут превратить новую модель ВТК такие работники, я понял после того, как один из них поделился своей идеей: «Дисциплинарную комнату мы, конечно, оборудуем, радиофицируем ее — все, как положено. Но запишем на магнитофон правила внутреннего распорядка. Пусть с утра до вечера слушают!»

Только представьте себе, что все детали модели получат подобные «правки»!

Нет, в главном такие «воспитатели» никогда не изменятся. Их зрение уже не улавливает лучшее, что есть в подростке. Они видят и будут видеть в нем прежде всего преступника, только преступника!

Но, пожалуй, самое страшное, что подобные воспитатели подбирают в ВТК, — актив из приспособленцев. Ибо подростки с обостренным чувством справедливости на сотрудничество с ними не идут. Такие «воспитатели» вносят в жизнь колонистов лицемерие, ложь, насилие.

Не лучше ли поэтому провести решительную замену старых кадров?

Одна из педагогических аксиом гласит: нужно решительно освободиться от негодных воспитателей, какими бы издержками это ни грозило. Этой же аксиоме твердо следовал Макаренко. Он верил — подростки вовсе не глупый народ, поймут: педагогическая власть ослаблена. Но ослаблена ради того, чтобы им жилось лучше. Можно ли злоупотреблять тем, что делается ради них же самих?

Листая пожелтевшие газеты двадцатилетней давности. В конце 60-х пресса смело и глубоко исследовала проблемы преступности. Попадают материалы, которые вполне можно печатать и сегодня, ибо самые болезненные вопросы до сих пор не решены. Писали, например, о создании целой науки перевоспитания. А что сделано? В любой колонии есть теперь — для показа — методический кабинет. Но стоит начальству или комиссии появиться внезапно, начинается ажиотаж: «Где ключи? У Петренко? У Иваненко?»

Слышу в каждой колонии: «у нас недостаток воспитателей с высшим образованием» и спрашиваю себя: неужели для того, чтобы на равных общаться с ребятами, обязательно нужно высшее образование? И мало ли воспитателей, которым диплом вовсе не мешает самоустраиваться? Слышу жалобы воспитателей и замполитов: на курсы повышения квалификации их не отправляют, в командировки за ценным опытом не посылают. И думаю: неужели для того, чтобы выявить лживых активистов, пресечь притеснения одних осужденных другими, — нужны какие-то курсы, если никак не научимся элементарному — содержать преступника с неукоснительным соблюдением законности.

— У нас продукты из посылок и передач не отбирают, — рассказывали мне работники колоний. — У осужденных есть специальная комната, где они едят то, что им передано, в присутствии контролера.

Все правильно. Никто ничего не отбирает, прошли те времена. Теперь «основной» просто скажет — и любой пацан сам принесет. Сам! И если контролер обнаружит, подросток никогда не признается, что нес для кого-то. Скажет: для себя.

Знают ли работники ВТК, что «дербановка» приняла такие скрытые формы? Думаю, да. Только делают вид, что пребывают в неведении. Так удобнее.

Я уже говорил о том, как сильно влияют на ребят телевизор, кинофильмы. Почему же излюбленное наказание в колонии — лишение телевизора и кино?

И еще об одном — о возмутительной системе «опускания», низводящей порою пацана до состояния животного. Трудно об этом писать, но приходится: некоторых из этих несчастных застают даже есть собственные испражнения! Борются ли с этим явлением в ВТК? Предлагают ли какой-нибудь выход ученые из ВНИИ МВД? Мне об этом ничего не известно.

А лживые активисты, готовые ради условно-досрочного освобождения на любое насилие, на любую подлость? Эти мускулистые хамелеоны, к чьим услугам так часто прибегают многие работники колоний, в награду вывешивая их фотографии на Доске почета.

Есть ли какие-нибудь способы воспитания истинно здорового актива? И на этот вопрос ученые не дали пока вразумительного ответа.

Смягчение условий содержания делает пребывание ребят в колонии менее мрачным, но само по себе едва ли ускорит их перевоспитание.

Некоторые мои собеседники — работники ВТК — утверждали, что нужно отменить отчетность колоний за выполнение плана. Тогда, мол, у воспитателей развяжутся руки и они будут заниматься воспитанием, а не спасением хронически горящих производственных планов.

Как же так? Ведь еще Макаренко считал промфинплан лучшим воспитателем.

Пусть план остается! Но пусть уйдет из жизни ребят монотонная работа на устаревшем оборудовании. Об этом писали уже не раз. Новая модель ВТК не даст ожидаемых результатов до тех пор, пока не будет основательно перестроена административная, хозяйственная и финансовая жизнь колонии. А перестроить ее можно лишь тогда, когда вся система воспитательно-трудовых колоний станет более гибкой, более открытой. А стать таковой она может лишь в том случае, если будет построена с учетом местных условий. Когда каждая область в стране будет иметь свою, пусть маленькую, колонию для несовершеннолетних.

Мне возражат: мало тебе тех ВТК, которые есть? Да, пусть их будет больше. Но ребят в них — через какое-то время — станет меньше. Гораздо меньше, чем сейчас. Я в этом глубоко убежден.

Никакой области не захочется сажать подростков в тех случаях, когда можно обойтись другими мерами воздействия. Ибо каждый новый осужденный — это дополнительный расход средств из местного бюджета.

Каждая область постаралась бы оборудовать ВТК поближе от областного центра, а это помогло бы привлечь к воспитательной работе более квалифицированных и достойных работников, чем те, что подбираются в малых городах и в сельской местности. Это также приблизило бы воспитанников к предприятиям, чьи заказы они выполняют. Была бы решена и извечная проблема шефства. Шефами стали бы не какой-то захудалый завод или контора, а все предприятия и организации областного центра.

Канул бы в Лету и пресловутый «остаточный» принцип. У каждой области хватит средств, чтобы выделить ВТК все, в чем она нуждается. Может, и обирать ВТК перестали бы. А то ведь ребята из Усманской колонии заработали в прошлом году 840 тысяч, а им оставили только 18...

Каждая область постаралась бы оборудовать отдельный (только для подростков-правонарушителей) следственный изолятор, исключающий возможность встречи ребят со взрослыми преступниками. Каждый выпускаемый из ВТК подросток стал бы для области «своим». Другим было бы и отношение к его прописке, трудоустройству.

Во всех сегодняшних публикациях центральной печати обсуждаются только общие вопросы перевоспитания подростков-правонарушителей. Но нужно учесть, что каждая колония — с учетом региона, в котором она находится, национального состава воспитанников — имеет свои особенности, требующие детального обсуждения. Местная же пресса осмелится писать на эту тему лишь тогда, когда областные власти убедятся, что подобная гласность сама по себе — инструмент воспитания ребят.

Сколько бы ни утверждали, что подростки лучше слушаются воспитателей в погоне, не могу с этим согласиться. Если бы Макаренко придерживался такого мнения, он обязательно надевал бы знаки отличия НКВД.

И последнее соображение. Требуется какой-то другой, более открытый и гласный, более демократичный и строгий контроль за работой колоний со стороны общественности. Такой контроль возможен лишь при областном подчинении ВТК.

Может быть, мои предложения покажутся кому-то неприемлемыми. Но решать, как перестроить работу ВТК, должны не только профессионалы. Все общество. Ибо все мы виноваты в том, какой остроты достигла у нас проблема подростковой преступности, в том, в какие уродливые формы выродилась система исправления. Не случайно работники отдела ВТК МВД приоткрыли занавес над ходом подготовки новой модели ВТК до ее утверждения. Не считая ее безупречной, они хотят, чтобы эта модель была обсуждена как можно более массовой аудиторией. Они ждут оценок и предложений.

В 1921 году Владислав Ходасевич написал небольшое стихотворение:

*Лэди долго руки мыла,
Лэди крепко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленного горла.*

*Лэди, лэди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.*

Когда год спустя стихотворение вошло в четвертую книгу поэта «Тяжелая лира», один из бывших московских учеников Ходасевича отыскал в этих строках контрреволюционный смысл. Но даже простая арифметика опровергала бдительного ученика: в 1915 году ни революции, ни контрреволюции не было.

Эти стихи потрясают меня уже больше сорока лет, с тех самых пор, когда в подвале Литинститута, где жили студенты, мне их прочел мой сокурсник поэт Н. Коржавин. Однако я никогда не задумывался, что же, собственно, случилось с автором, отчего его мучает бессонница. Уже тогда я понимал, что поэт всегда говорит ровно столько, сколько он хочет, и, если бы он хотел нам рассказать, чем вызвано его отчаяние, он бы рассказал. Впрочем, стихотворение настолько органично, что так же, как жизнь, не нуждается ни в каких подробностях и послесловиях.

Чем были вызваны стихи о леди Макбет, я узнал лишь много лет спустя, когда прочел в предсмертном сборнике Владислава Ходасевича «Некрополь» главу «Муни», посвященную ближайшему другу поэта. Вот как она заканчивалась:

«Однажды осенью 1911 года, в дурную полосу жизни, я зашел к своему брату. Дома никого не было. Доставая коробочку с перьями, я выдвинул ящик письменного стола и первое, что мне попало на глаза, был револьвер. Искушение было велико. Я, не отходя от стола, позвонил к Муни по телефону:

— Приезжай сейчас же. Буду ждать двадцать минут, больше не смогу.

Муни приехал. В одном из писем с войны он писал мне: «Я слишком часто чувствую себя так, как — помнишь? — ты в пустой квартире у Михаила».

Тот случай, конечно, он вспомнил и умирая: «наше» не забывалось. Муни находился у сослуживца. Сослуживца вызвали по какому-то делу. Оставшись один, Муни взял из чужого письменного стола револьвер и выстрелил себе в правый висок. Через сорок минут он умер».

Ходасевич не мог спасти друга: он был в Москве, а друг застрелился в Минске. Но чувство вины, которое никогда не оставляет истинного поэта, как видим, жгло его долгие годы.

Отрывок написан отличной прозой;

Ходасевич вообще замечательный прозаик. В этом легко убедиться, почитав написанную им биографию Державина. Недавно она вышла сразу в двух изданиях — «Книга» и «Мысль». И все-таки стихотворение о леди Макбет не нуждается ни в каких, пусть даже великодушных объяснениях. Как ни трагично случившееся, эти восемь строк вмещают не только его. Они вмещают еще и наше сопереживание. Словом, стихотворение не только шире и глубже события, оно объемнее чувства вины и отчаяния, овладевших автором. И поэтому стихотворение можно отнести к вершинам русской поэзии.

В последние годы в нашу литературу возвращено немало славных имен. Мне кажется, что среди возвращенных поэтов Ходасевич наиболее крупный, но я не уверен, что он станет самым любимым. Он поэт не простой, хотя в нем нет ни загадки, ни зауми. Более того, заумь Ходасевич откровенно презирал:

*Заумно, может быть, поэт
Лишь ангел, богу предстоящий,—
Да бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет...*

(Это стихотворение, написанное уже в эмиграции, обидело сразу двух поэтов — в Праге Цветаеву и в Москве Пастернака. Что ж, Ходасевич достаточно часто был несправедлив!)

Сложность Ходасевича в другом — в трудности его восприятия, потому что его поэзия мрачна, нетерпима, ирония едка, как щелочь, а его отчаяние безысходно. По сравнению с Ходасевичем даже самый печальный из наших классиков Баратынский кажется солнечным и лучезарным.

Вот стихотворение из «Европейской ночи». «AN MARIECHEN»

*Зачем ты за пивную стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой,
Ты нездорова и бледна.*

Казалось бы, такую девушку стоит пожалеть, может быть, поскорбеть над ее судьбой. Ведь вся русская литература всегда была на стороне униженных и оскорбленных и даже находила в их судьбе свою поэзию. Но в Ходасевиче убогая жизнь трактирщицы возбуждает лишь ужас и гнев; на его взгляд, ей, чем стоять за стойкой, лучше уж *Лежать бы в платьице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.*

Что говорить, перспектива не из веселых! Правда, эти стихи относятся к эмигрантскому периоду Ходасевича, когда его ненависть к Западу достигла космических, прямо-таки «достоевских» размеров. Но об этом чуть позже.

...Владислав Фелицианович Ходасевич родился в 1886 году в семье московского фотографа. Отец его мечтал

стать живописцем, учился в Петербурге в Академии художеств, но жизнь заставила его сменить весьма проблематичную в смысле заработков профессию живописца на более благополучную — фотографа. Особенно большого достатка в семье не было, но все-таки Фелициан Ходасевич смог дать детям образование. Старший его сын Михаил стал известным присяжным поверенным и часто помогал младшему Владиславу, который, не окончив университета, стал заниматься литературной подцензурой и обрек себя на полугодное существование. «Случалось, что за день, за два, а однажды и за три дня мы вдвоем выпивали бутылку молока и съедали один калач», — вспоминал поэт в той же главе о Муни из «Некрополя».

Как ни странно, первым увлечением будущего поэта была не литература, а балет. «По-видимому, способности к танцам у меня были очень большие», — писал Ходасевич в очерке «Младенчество». Меня показывали знакомым, как чудо-ребенка. Общие одобрения доходили до того, что хоть родители мои были людьми старинных воззрений, все же весьма серьезно обсуждался вопрос, не следует ли меня впоследствии отдать не в гимназию, а в театральное училище. К этому все и шло, и я уже воображал себя на голубой, лунной сцене Большого театра, в трико, с застывшей улыбкой на лице, округленно подерживающий танцовщицу в белой пачке, усыпанной золотыми блестками. Этим мечтам не суждено было исполниться. Лет шести я стал хворать бронхитами. Доктор Смит объявил, что мои легкие не выдержат балетной учебы. Я покорился, потому что был очень послушным ребенком, и потому, что

к тому времени начались у меня некоторые другие увлечения... Тем не менее я и теперь иногда жалею, что не довелось мне стать танцовщиком. Навсегда у меня сохранилась любовь к балету».

И в самом деле, любовь к танцу то и дело сквозит в строках Ходасевича: *Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах...* («Перед зеркалом»)

*Да, да! В слепой и нежной страсти
Переболели, перегори,
Рви сердце, как письмо, на части,
Сойди с ума, потом умри.*

*И что? Могильный камень двигать
Опять придется над собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сцене лунно-голубой.* («Жизель»)

Возможно, любовь к балету придала поэзии Ходасевича четкость жеста, точность движения и, несомненно, отозвалась во многих его стихах, особенно в таком:

*Перешагни, перескочи,
Перелети, пере — что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...
Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.*

Жизнь никогда не баловала Владислава Ходасевича. «Очень важная для меня черта — нетерпеливость, доставившая мне в жизни много неприятностей и постоянно меня терзающая. Может быть, происходит она от того, что я, так сказать, опоздал родиться и с тех пор словно все время бессознательно стараюсь наверстать упущенное». («Младенчество»)

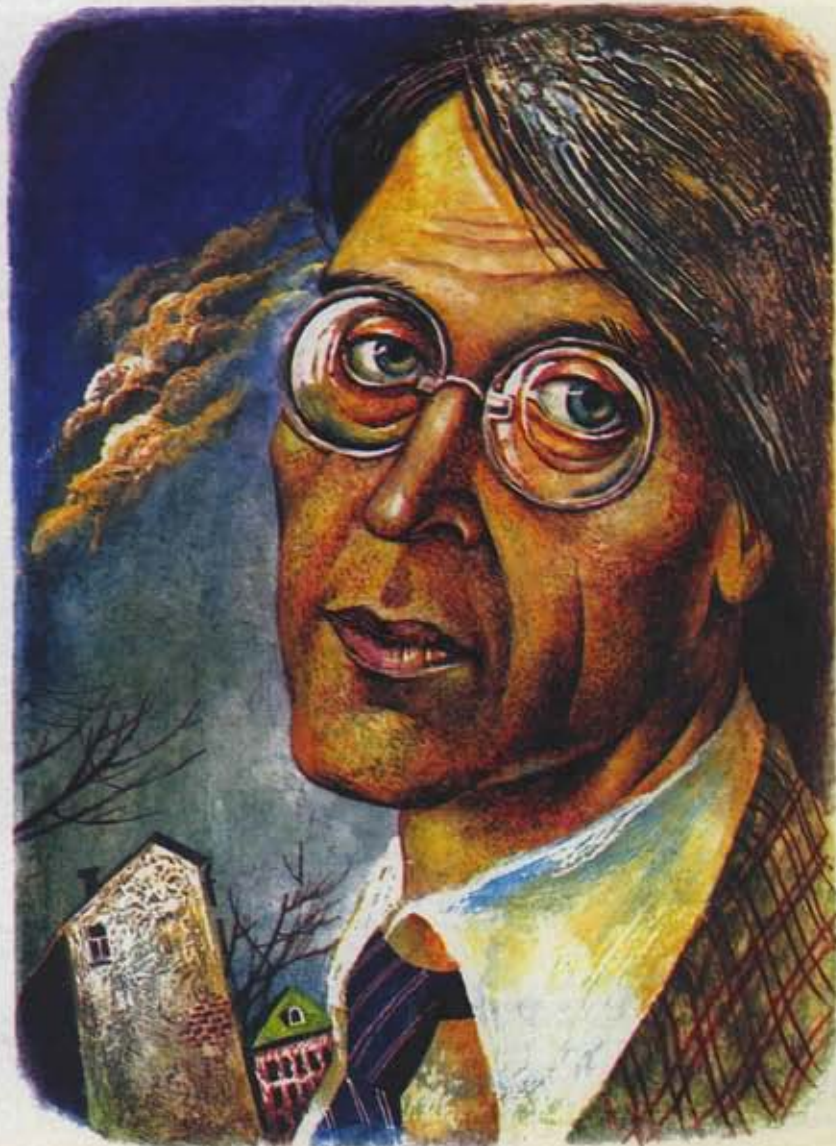

Рисунок Алексея Остроменцкого

Владимир КОРНИЛОВ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

Деятнадцатилетним юношей он жонглирует на эксцентричной красавице Марине Рындиной, но вскоре она бросает Ходасевича и выходит замуж за будущего издателя «Аполлона» С. К. Маковского.

Печататься Ходасевич начинает рано. Первая его книга стихов «Молодость» выходит в 1908 году, следующая «Счастливые домики» — в 1914-м. Но обе, хотя и получили одобрение ряда поэтов и критиков, широкой известности автору не принесли. Поденная работа, как уже сказано, не приносила достатка, хотя, очевидно, помогла Ходасевичу развиться как литератору. Со временем он стал замечательным критиком. Думается, этот его дар почти не уступал поэтическому.

Жизненные невзгоды обострялись еще и потому, что поэта испепеляла страсть к карточной игре. Играл он при этом крайне несчастливо, как молодой Толстой и зрелый Достоевский. Кстати, в одном из своих очерков «Московский литературно-художественный кружок» Ходасевич вспоминает: «Я сижу между Толстым и Достоевским. Толстой ставит в банк три рубля, я открываю восьмерку, он пододвигает мне карту и зеленую трефицу. Я оставляю ее в банке. «Карту», — говорит Достоевский, и тоже открывает восьмерку... Все это — не ложь и не бред. Просто, действие происходит в игорной зале... и участвуют в нем не те самые Толстой и Достоевский, а их сыновья, впрочем — уже пожилые: Сергей Львович и Федор Федорович».

Словом, путь поэта был не прост, мучителен и совсем не прям.

В 1927 году, в Париже, Ходасевич выпустил свое «Собрание стихов», предпослав ему небольшое вступление: «Отсутствие моих книг в продаже побудило меня к изданию этого сборника. Он составлен из «Путем зерна» и «Тяжелой лиры», к которым, под общим заглавием «Европейская ночь», прибавлены стихи, написанные в эмиграции. Юношеские мои книги «Молодость» и «Счастливые домики» не включены сюда вовсе. В. Х.»

Надо представить себе, как бедствовал в Париже больной, бездомный, полуголодный, вскорости брошенный своей третьей женой Ниной Берберовой¹⁾ поэт, чтобы понять, чего ему стоило отказать от ранних книг. (А ведь их бы купили!) Но, однако, забота о совершенстве «Собрания стихов» была выше заботы о куске хлеба. Такую бы строгость к себе всем нам, пишущим!

Третья книга Ходасевича «Путем зерна» вышла после революции в 1920 году в Москве, а через год в Петрограде. В книге собраны стихи предреволюционных и революционных лет. Открывает книгу ключевое, давшее ей имя стихотворение, помеченное 1917 годом.

ПУТЕМ ЗЕРНА

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.*

*Сверкает золотом в руке его зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.*

*И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.*

*Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.*

*И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год.*

¹⁾ Нина Берберова (1902 г. р.) поэтесса, романистка, эссеистка, автор замечательных воспоминаний о Ходасевиче «Курсив мой», которые можно будет прочитать в журнале «Октябрь». Много сделала для издания стихов и прозы В. Ходасевича. Я сам не раз слышал из уст А. Ахматовой похвалу в ее адрес.

*Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

Это высокой мысли стихотворение исполнено чувства, которое можно назвать по-пастернаковски «готовностью к новым лишениям». Революция сразу вошла в стихи Ходасевича, заставила его по-новому взглянуть на страну, на ее историю и на ее поэзию. Стихотворение «2-го ноября»¹⁾ описывает октябрьские бои в Москве. И вот после боев люди выходят на улицы поискать своих близких. Поэт возвращается к себе:

*Дома
Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.*

Чтобы постигнуть всю глубину этих строк, нужно вспомнить, как Ходасевич относился к Пушкину. В своей пушкинской речи (1921 г.), названной им «Колесом треножник», Ходасевич вслед за Блоком сказал, что Пушкин — это имя, которым мы перекликаемся в надвигающемся мраке. И вот произошло нечто и уже «Цыганы» с «Моцартом и Сальери» оказались бессильны. Словом, пришло совсем иное, небывалое время.

С начала революции Ходасевич служил в различных советских учреждениях, ведет литературную студию, читает лекции о Пушкине, работает в театральной палате. «К весне 1920 г., выпустив «Путем зерна», — слег: заболел фурункулезом. Эта весна была ужасна. Дом отсырел, с окон в комнату текли потоки талого снега. Я лежал... Осенью, после семи белых билетов, меня, еще покрытого остатками нарывов, с болями в позвоночнике, какие-то умники «пересмотрели» и признали «годен в строй». Спас Горький, отведший в Кремль мое письмо к Ленину. Снова пересмотрели уже настоящие врачи — и отпустили. Задумал бежать в Петербург. На прощанье в Москве обокрали квартиру: всю одежду мою и женину. Это была катастрофа. Кое-как прикрыли наготу с помощью родных, распродали мебель — и в Петербург... В Петербурге настоящая литература: Соллогуб, Ахматова, Замятин, Кузмин, Белый, Гумилев, Блок. Чудесная, милая литературная молодежь: «Сералионовы братья», кружок «Звучащая раковина»... Много писал стихов с середины лета 1921-го до февраля 1922-го. Готова у меня книга новая «Тяжелая лира». В эту же зиму издал и переиздал в Петербурге шесть своих книг». («О себе»)

В Петрограде Ходасевича ожидала слава.

*Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои, —
вспоминал он уже в эмиграции.*

И вот тут читатель вправе спросить: как же так автор «Путем зерна» оставил свою страну? Вопрос резонный. Но дело в том, что на самом деле Ходасевич покидать Россию не собирался. Наоборот, в годы революции его чувство родины стало еще глубже, еще острее:

*Не матерью, но тульской
крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен...*

*И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя,*

*В том честном подвиге, в том счастья
песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный
гений,
И поприще — волшебный твой язык.*

¹⁾ По старому стилю

*Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:
Там, где на сердце, съеденном
червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими
гостями
Елена Кузина, кормилица моя.*

Это одно из самых личных и лирических стихотворений Ходасевича, написанное в давней русской традиции (вспомним хотя бы стихи Пушкина, обращенные к няне), обретает трагический смысл. Недаром это одно из последних стихотворений, созданных поэтом на родине. В нем провидчески звучит ностальгия по русской земле и русской истории. Поэтому рядом с милыми сердцу подробностями на перехвате дыхания воскресают жертвы Ходынской катастрофы. Да и все стихотворение звучит державинским колокольным звоном, а сердце, «съеденное червями», неожиданно оказывается вершиной произведения.

Но вернемся к теме отъезда. В действительности Ходасевич бросать родину не собирался. В очерке «О себе», цитированном выше, он писал: «И все было хорошо. Но с февраля кое-какие события личной жизни выбили из рабочей колеи, а потом привели сюда, в Берлин. Боюсь, что придется просить отсрочки, хотя больше всего мечтаю снова увидеть Петербург и тамошних друзей моих и вообще — Россию, изумительную, убийственную, омерзительную, но чудесную и сейчас, как во все времена свои».

Берлин, июль 1922 г.
«Кое-какие события личной жизни» — это увлечение двадцатилетней Берберовой, временный отъезд за рубеж казался поэту выходом из сложной семейной ситуации. Ходасевич выехал в Германию на шесть месяцев. Тогда многие писатели выезжали за рубеж и возвращались — Есенин, Белый, Пастернак, Эренбург, Шкловский и другие. Но вскоре до Ходасевича дошли слухи, что он будто бы включен в общий список философов, экономистов, политических деятелей, подлежащих высылке из РСФСР. Возврата на родину не было — началась эмиграция.

Первые годы зарубежной жизни поэту помогал Горький, который писал: «Ходасевич... для меня крайне крупная величина, поэт-классик и — большой строгий талант», «Ходасевич пишет совершенно изумительные стихи», «...по словам Ходасевича, лучшего, на мой взгляд, поэта современной России...» В одном из писем Горький даже ставит Ходасевича «неизмеримо выше Пастернака», что мне кажется необоснованным преувеличением. Но несомненно, что Горький первые годы бурно увлекался Ходасевичем, поэт жил у него в Германии и в Сорренто.

Однако статья Ходасевича «Бел-фаст», в которой поэт заявил, что в России «нет воли к работе» оскорбила Горького. Больше Ходасевич с Горьким не встречался и не переписывался, но на смерть Горького откликнулся несколькими статьями, лучшей из которых, полная любви и уважения к большому писателю, вошла в ходасевический «Некрополь».

По-видимому, «волю к работе» поэт понимал весьма причудливо. В одном из стихотворений «Тяжелой лиры» он писал (1921 г.):

*И революции не надо!
Ее рассеянная рать
Одной венчается наградой,
Одной свободой — торговать.*

Не надо слишком вчитываться в эти строки, чтобы понять: они отвергают нэп. А чем был нэп, как не волей к работе?! Только нэп смог вернуть страну к довоенному уровню жизни и даже впоследствии на короткое время превзойти его. Нэп смог сделать советский червонец стойкой конвертируемой валютой. Но Ходасевич не понял нэпа и презрительно отнесся к «свободе торговать». Здесь слились высокомерие

с непониманием, а такой сплав самый бесплодный.

Но что же за граница с ее «волей к работе»? Она ужаснула Ходасевича еще больше, чем нэповская Россия. Стихи «Европейской ночи» дышат сплошным отчаянием. Не могу вспомнить в русской поэзии более безнадежных стихов. Даже «Реквием» Ахматовой не так безысходен, потому что в нем личное горе слито с всенародной бедой. А у Ходасевича герой потерян в аду каменного города, где лучше помереть, чем жить.

*Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.
Свет промелькнул, занавеска
взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась.
Счастливы, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.* (1923)

«Европейская ночь» — это крик затравленного человека, это протест против человеческого унижения. Страшно стихотворение «Под землей», посвященное нехитрым забавам старого эмигранта в берлинском общественном парке. Заканчивается оно строками бессильного гнева:

*А солнце ясно, небо синее,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.*

Нет одиночества ужасней, чем одиночество в чужой стране, которое кажется Ходасевичу адом.

*Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами... —* то есть некому вести поэта по этому аду. Горькая ирония разьедает Ходасевича. Все, что он видит, с чем сталкивается, он заранее твердит: нет! Даже всеобщий тогдашний кумир Чарли Чаплин бесит поэта:

*Мне ангел лиру подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас раскроет рот
Пред идиотствами Шарло.* («Баллада», 1925)

Так и тянет сравнить эти строки с ахматовскими, написанными ею в самые жестокие годы сталинщины, когда был арестован ее сын, а она после ждановского постановления была подвергнута остракизму:

*Такое лишь выдумал Кафка
Да Чарли изобразил.*

У Ахматовой нет раздражения против великого актера, она ставит его в один ряд с великим писателем. Раздражение, возможно, одно из самых неплодотворных чувств. Оно разъедает душу, убивает лирику. Не поддаваясь раздражению, Ахматова писала лирические стихи до самого дня своей смерти.

Иное дело Ходасевич. После «Европейской ночи», то есть за двенадцать лет до своей смерти (поэт умер летом 1939 года), он перестает писать стихи. Видимо, «музыкальные» звуки уже не достигали на чужбине его слуха. Измученная, выжженная душа уже не рождала лирических строк, и поэт в Ходасевиче умер. Но напоследок он одарил нас еще одним нерадостным пророчеством:

*Встаю расслабленный с постели,
Не с Богом бился я в ночи, —
Но тайно сквозь меня летели
Колочих радио лучи.*

*И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всецветный разговор.*

*Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбурна
С ночными знаниями души.*

*И чьи-то имена и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываються в глухие шифры
Разряды океанских гроз.*

Жогу — и в ужасе внимаю

Шум, не внимаемый никем,
Руками уши зажимаю —
Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы еще лучами
Неощутимо пронзены!

После «Собрания стихов» Ходасевич выпустил три книги — уже упоминавшуюся биографию Державина (1931 г.), сборник статей о Пушкине (1937 г.) и цитированную книгу воспоминаний «Некрополь», вышедшую за несколько месяцев до смерти поэта. Все это замечательные книги, но здесь я говорю о Ходасевиче-поэте, поэте непростом, мрачном, поэте отчаяния и сарказма, и в то же время поэте пророчеств и открытий, подвижнике и мученике своего высокого предназначения. Не уверен, повторяю, что Ходасевич сразу же найдет отклик у массового читателя, хотя «мода» на Ходасевича уже пришла.

Однако, как это ни странно, часто понятное не сразу живет дольше, чем усвоенное мгновенно. И, кто знает, может быть, «тяжелой лире» неудобного, нетерпимого, порой несносного Владислава Ходасевича отпущен куда более длинный срок, чем стихам более доступных, более приятных и льстящих читателю поэтов.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

СТАНСЫ

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной покрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзания.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста все чаще.

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.

1918

БЕЗ СЛОВ

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за боковыми перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегаю...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

1918

ПРОБОЧКА

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

1921

Смотрю в окно — и презираю.
Смотрю в себя — презрен я сам.
На землю громы призываю,
Не доверяю небесам.

Дневным сиянием объятый,
Один беззвездный вижу мрак...
Так вьется на гряде червяк,
Рассечен тяжкою лопатой.

1921

■
Не матерью, но тульской
крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над
лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жемчугом
белой,
То пряник вяземский, то мятного
коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было,

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день
я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье
песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный
гений
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивней берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная еще жива отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном
червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими
гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

1922

БАЛЛАДА

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать.
Сижу — и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи, —
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.

1921

AN MARIECHEN

Зачем ты за пивною стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой, —
Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
У нецелованных грудей, —
А смертный венчик, самый
скромный,
Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
Скончаться рано, до греха.
Родители же непременно
Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший,
И в правду — честный человек
Перегрузит тяжелой ношей
Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы — я еле смею
Подумать про себя о том —
Попастся бы тебе злодею
В пустынной роще, вечером.

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух ислений, двух растлений
Не разделить, не разлучать.

Лежать бы в платьице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

1922

ОКНА ВО ДВОР

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтоб бросить в того дурака.

Кастриולי, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят,
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

Курносый актер перед пыльным
трюмо
Целует портреты и пишет письмо, —
И честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

Отец уж надел котелок и пальто
Но вернулся, бледный как труп:
— Сейчас же отшлепать мальчишку
за то,
Что не любит луковый суп!

Небритый старик, отодвинув
кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони
ладонь.

Сегодня в лед, а завтра в огонь.
Что верно, то верно! Нельзя же
силком

Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи прочитать,
Потом угостить вином...

Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежит не
легко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

1924

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?

Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал
прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем, — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество —
в раме
Говорящего правду стекла.

1924

ПЕТЕРБУРГ

Напастям жалким и разнообразным
Там предавались до потери сил.
Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой,
российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный
Мне в сногосибирских ветрах.

И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,

И каждый стих, гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

1926

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать.

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить.

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, —

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиреньи таком
Пузырьки только могут в сифоне,
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

1926

■
Сквозь ненастный зимний денек
— У него сундук, у нее мешок —

По паркету парижских луж
Ковыляют жена и муж.

Я за ними долго шагал,
И пришли они на вокзал.

Жена молчала и муж молчал.

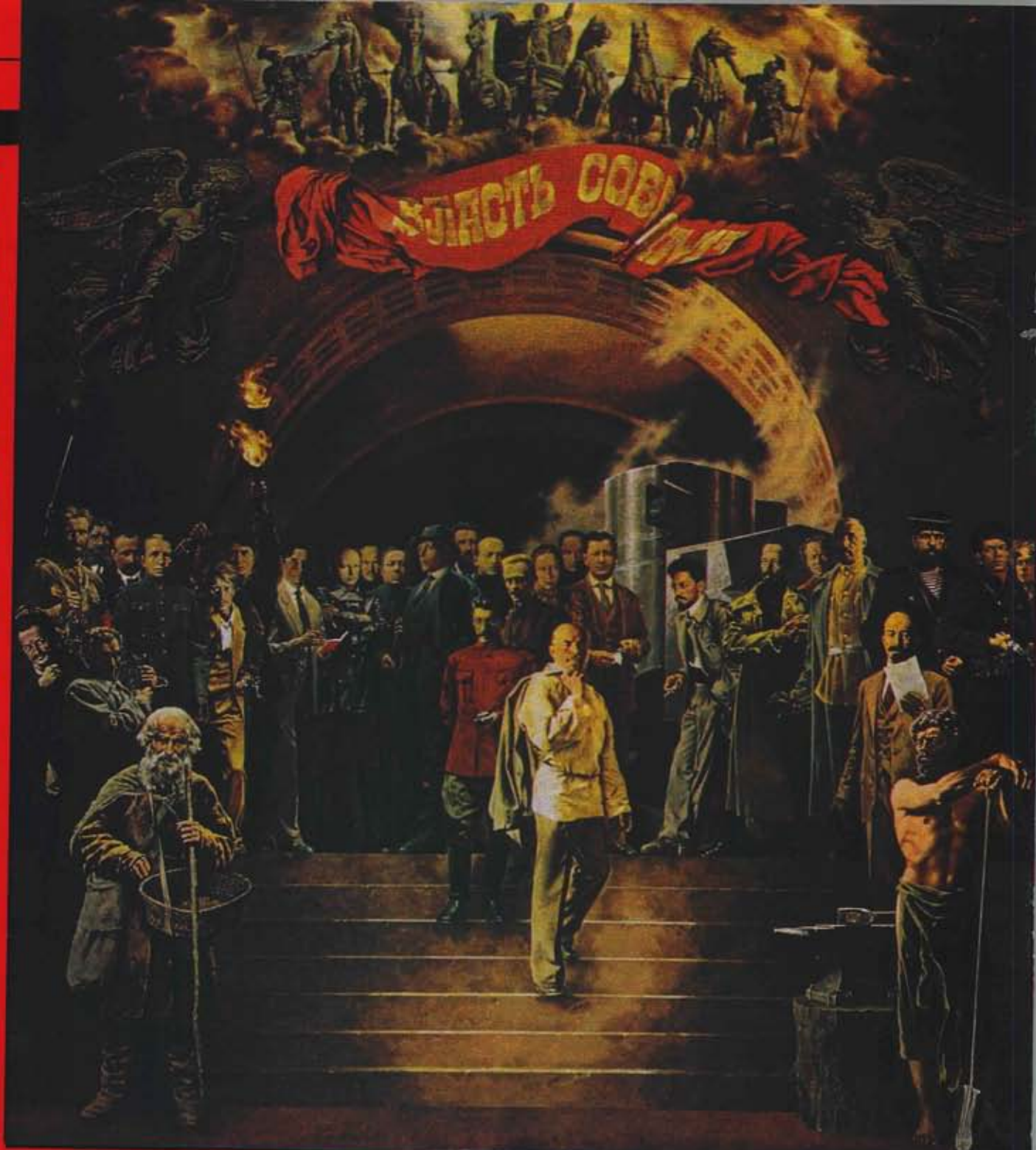
И о чем говорить, мой друг?

У нее мешок, у него сундук...
С каблуком топтал каблук.

1927

Николай ЛЕВИЧЕВ

ШАГ К МНОГОЛЮБИЮ

С. Присекин. Вся власть Советам!

Диптих Г. Провоторова «Суд» привлекает внимание многих зрителей. Три беспощадно суровые дамы просверливают вас пронизательным осуждающим взглядом. Их неистовый аскетизм — в позе, прическах, одежде, решительность и уверенность в собственной святости, почти монументальная монолитность, противостоят несуразному и жалкому мужчине на соседнем холсте. Здесь и сатира на наше правосудие со времен печально известных троек до дней нынешних, и гротескное изображение матриархата, и осуждение всеобщего и якобы единственно верного единомыслия.

Невольню возникло ощущение, что совсем недавно вот так же беспомощен и бесправен был молодой художник перед солидным выставкомом, который твердо знал неписанные, но жесткие правила игры и скрупулезнее римского папы соблюдал каноны еще дозастойной эры.

В судах, наверное, подобная картина еще долго будет не редкостью на сложном пути к правовому государству, а вот выставкомов таких, думаю, и не осталось. Выставком Всесоюзной выставки молодых художников, посвященной 70-летию ВЛКСМ, работал открыто, в присутствии не только авторов, но и зрителей, просмотрел почти пять тысяч произведений, половину из которых разместил в итоге Манеж.

Из поистине вавилонского хаоса стилей и жанров: различные направления реалистического и абстрактного искусства, неопрimitивизм и постмодерн, сюрреализм и «соц-арт» — предстояло образовать хотя бы подобие гармонии. Эта задача была поставлена перед специальной комиссией во главе с секретарем правления Союза художников СССР Т. М. Соколовой и молодыми дизайнерами Ольгой Кирихиной и Владимиром Вильчес-Ногеролом, выполнявшими проект экспозиции.

Замысел был смел и благороден: отойти от тематического принципа, традиционного для построения крупных выставок, не впасть в соблазн условных распределений по стилям, а разместить произведения на основе их художественной совместности. При этом учитывался совершенно разный подход к освоению одних и тех же тем или проблем. Так, во вступительном зале оказались соседями картина С. Присекина «Вся

власть Советам!» и громоздкая композиция С. Гайдукова «Посвящается Совету народных комиссаров от 28 октября 1917».

Организаторы старались создать зрителю условия для восприятия работ. Был учтен урок знаменитой XVII московской молодежной выставки, где экспозиция представляла в более выигрышном свете авангардистские работы.

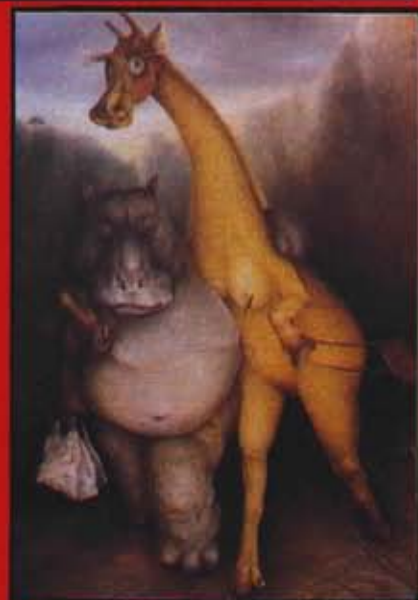
Сколько бы ни было молодежных выставок, во все времена говорилось — это лицо поколения. Теперь, когда вырвалось из подвалов безгласности все то, что не укладывалось в прокрустово ложе официального искусства, стало очевидным — мы вместо лица довольствовались маской, изготовленной к тому или иному случаю по заданному рецепту.

Отображает ли нынешняя выставка современный художественный процесс? Правомерно ли выносить приговор молодому изобразительному искусству, проведя «следствие»

лишь в огромном зале Манежа?

На первый взгляд стихийность, спонтанность, демократичность отбора дают основания для утвердительного ответа. На деле же получается, что демократия в искусстве — скорее лозунг, чем правда. Недаром художники и искусствоведы сошлись в оценке: произошла нивелировка авторов, наиболее талантливые теряются в общей массе. Некоторые республике не смогли (или не захотели?) прислать все самое достойное, так как Всесоюзная выставка, решение о которой долго оттягивалось, по времени совпала с рядом республиканских и местных молодежных смотров. Слабыми выглядели театральные раздел и прикладное искусство.

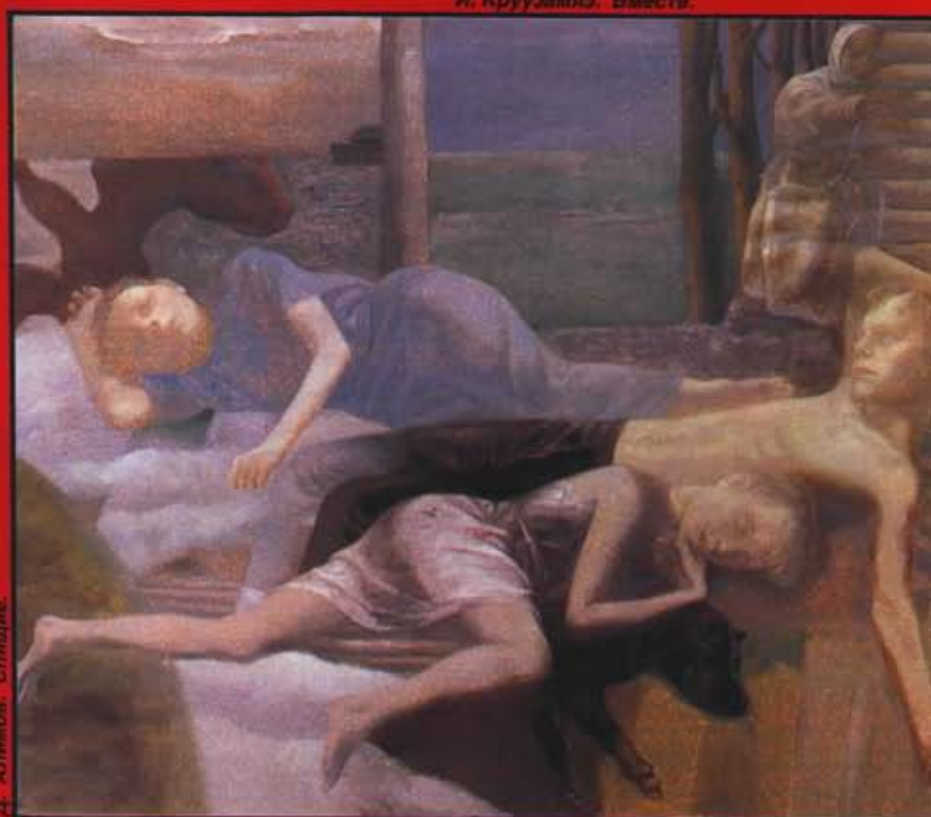
Если говорить о политике экспозиционного плюрализма, то это достижение предыдущей Всесоюзной молодежной выставки в Манеже — «Молодость страны», проходившей в дни XX съезда комсомола. Тогда,

И. Круузамиз. Вместе.

А. Антохин. На бойню.

Д. Алимов. Спадание.

В. Боборыкин. Страх перед завтрашним днем.

полтора года назад, секретари Союза художников и академики, представители Министерства культуры СССР и ЦК ВЛКСМ за день до открытия ходили по залу, бравировав друг перед другом независимостью взглядов и отсутствием консерватизма... Сегодня это уже не геройство — публично констатировать наличие различных художественных концепций. Сегодня нужен шаг вперед в осмыслении роли художника в жизни общества, в разрешении назревших противоречий во взаимоотношениях искусства с действительностью.

Увы! Зритель выходил из Манежа отнюдь не потрясенный. Впечатления в основном оставались на уровне: «теперь об этом можно так говорить» («Культ насилия» А. Кочкина, где Сталин и Троцкий разделены кривляющей маской. «Меня принимают в комсомол» И. Акимова, где в автопортрете с комсомольским значком отсутствует сама личность автора, триптих «Коллективизация» А. Цедрика, «Сорок дней» С. Данилина о нашей афганской войне). На другом полюсе мнение: «теперь и это выставляют» — в отношении, разумеется, абстрактных или, как принято нынче говорить, «декоративных» произведений.

К слову сказать, выставка наглядно показала, что по-прежнему зритель в своем большинстве «не думает», разбирается в тонкостях стилей. Наиболее оживленно топился народ в разделе плаката и перед уже упомянутым «политическим театром» С. Присекина. В первом случае внимание к жанру оправдано публичностическим накалом выставленных работ, в основном из числа уже отмеченных наградами специального Всесоюзного конкурса. Во втором — большое внимание уделялось табличке рядом с полотном, на которой было указано, какая из исторических личностей где изображена...

Такое зрительское восприятие, упорное выискивание идеологической морали, молчаливое равнодушие перед подлинными явлениями и глумливое осуждение всего непонятного — плата за многолетнюю деформацию естественной преобладающей роли в развитии отечественного искусства.

После острой дискуссии на выставке было снят раздел художественного конструирования, за который так билась молодая дизайнерская

Николай ЛЕОНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Отари Георгиевич Антадзе восемнадцатого умер от инфаркта...».— прочитал Гуров. Подписи в телеграмме не было, адрес лаконичен: «Москва, Петровка, 38, подполковнику Гурову».

— Ну вот, Петр Николаевич,— сказал Гуров, аккуратно складывая телеграмму,— теперь ни доказательства, ни наручники не нужны.

Полковник Орлов согласно кивнул.

— Когда я понял, что убить Артеменко помог майор Антадзе, то сказал следователю прокуратуры: если сумею доказать — надену на Отари наручники. А он был добрый, сильный человек и неплохой сыщик.

— Значит, совесть в человеке пересилила,— полковник снова кивнул,— и сердце не выдержало — сдалось.

— Ты зачем меня пригласил? Телеграмму можно и по телефону прочитать,— сказал Гуров, машинально поглаживая карман, в который положил телеграмму.

— Прошу тебя, догуливай отпуск и делом этим не занимайся. Понимаю — самолюбие, гордость, честь мундира, однако...

— А если понимаешь,— перебил Гуров,— то почему «однако»? Я докажу вину Лебедева и Кружнева. Они должны ответить за убийство и ответят.— Он снова погладил карман, где лежала телеграмма.— Отари тоже они убили.

— Я думаю, что никаких улик против них в природе

Рисунки Алексея ОСТРОМЕНЦКОГО

БЕСПЛАТНЫХ ПИРОЖНЫХ НЕ БЫВАЕТ!

не существует.— Орлов говорил без азарта, тускло, отлично понимая, что Гурова не переубедить.— И вообще в твоём теперешнем положении...

Зазвонил телефон, полковник снял трубку.

— Слушаю, Константин Константинович,— взглянул на Гурова, вздохнул.— Воспитываю Льва Ивановича Гурова, товарищ генерал. Конечно, в отпуске, заглянул на минуточку. Слушаю...

Орлов положил трубку, запер сейф и отправился к руководству, а Гуров — к старшему своей группы майору Крячко.

Гуров взял со стола Крячко сигарету и опустился на продавленный диван.

— Ну, сыщики, как жизнь?

Молодой оперативник Боря Вакуров, худой, в свои двадцать с небольшим юношески нескладный, шумно вздохнул, взглянул на Крячко.

— Лев Иванович, какая в отсутствие начальства жизнь? Прекрасная! Бездельничаем, набираемся сил, вот вернетесь из отпуска, и тогда... страшно подумать!

— Вечер свободен? — Гуров поднялся, положил сигарету на место.— Если ничего не произойдет, жду вас в девятнадцать у себя дома.— Он коротко кивнул и вышел.

— Дела! — воскликнул Боря.

Крячко, растягивая слова, произнес:

— Полагаю, дела паршивые, и нам не поздоровится.

— Товарищ майор! — возмутился Боря.— Что вы все о себе и о себе! Против Льва Ивановича служебное расследование ведется, а вы...

— Дурак ты, Бориска! — перебил Крячко.

Подполковник Гуров вернулся с Черноморского побережья три дня назад, не отгуляв и половины отпуска. Вчера он отправил жену и племянницу, которую удочерил, в далекий город за Уралом, где начальником уголовного розыска работал его приятель — майор Серов. Предварительно Гуров позвонил ему и, не вдаваясь в подробности, сказал:

— Встречай семью, устрой, приглядывай. Я не думаю, чтобы девчонок нашли, но на всякий случай. Подключи спортсменов, они должны меня помнить, пусть не оставляют их одних. Ты меня понял?

— Я тебя понял,— ответил Серов.— Буду звонить. Гуров встретил товарищей холодно. Боря Вакуров долго вытирал ноги, затем стал снимать ботинки.

— Отставить,— сказал Крячко, прошел за хозяином в гостиную, присвистнул: — Как хорошо быть генералом! Лев Иванович, скажи, почему одному и талант, и папа генерал, а некоторым...

— Станислав,— перебил Гуров.— Мои руки и садись к столу.

— Подполковник, а я в присутствии Бориса твой авторитет не подрываю? — не унимался Крячко.

— Подрываешь, но я стерплю. Давайте, ребята, быстренько, есть хочется.

— А у тебя виски серебрят, не замечал,— сказал Крячко, налил себе коньяку.— Лев Иванович не употребляет, а тебе, Бориска, не положено.— Он отставил бутылку.— Ну, будем!

— Значит, так.— Гуров кашлянул.— Коротко. В республике, где я собрался было отдохнуть, заканчивается следствие по делу о хищениях и взятках в особо крупных размерах. Прокуратура не могла найти очень нужного свидетеля, а я случайно на него вышел.

Он поднялся и перенес телефонный аппарат на стол.

— Загорая,— хмыкнул Крячко.

— Март, холодно, дождит, скука,— Гуров помолчал, вспоминая, как все было.— В гостинице собралась довольно обычная, курортная компания. Потом я понял, что компания сложилась не сама по себе, а ее сложили, умышленно. Я в ней оказался по недоразумению. Заканчивается следствие, вина руководителя преступного синдиката не доказана. Опасный свидетель на свободе, если он окажется в прокуратуре — главарь автоматически идет по статье, которая пре-

дусматривает высшую меру. Свидетеля хотят убрать. Начальник местного уголовного розыска, майор Антадзе, мой знакомый, даже приятель, просит меня помочь разобраться. Мы разбираемся. Практически контролируем ситуацию, но свидетеля убивают чуть ли не на наших глазах. И доказательств никаких.

— Пока люди живут — они убивают,— изрек Крячко.

— Преступники заставили майора Антадзе им помочь, прихватили его через отца и деда. Отари Антадзе вчера скончался от инфаркта. На меня, чтобы я тут не рыпался, прислали донос.— Гуров помолчал.

— Продолжай,— подтолкнул Крячко.

— Злоупотребляя служебным положением, оказывал давление, сожительствовавал с сотрудницей уголовного розыска.

— Красивая? — поинтересовался Крячко.

— Красивая. Назначено служебное расследование, на юг уже вылетели товарищи из управления...

— Одного из этих «товарищей» я знаю.— Крячко вздохнул.— Ох, Лева! Черт бы побрал тебя и всех нас, вместе взятых, хлебом горячего!

— Генерал не позволит! — выпалил Вакуров.

— Много понимаешь! — Крячко допил рюмку.— Для нас Константин Константинович — вот, — он провел ладонью над головой.— А в другом кабинете скажут, и генерал будет молча кивать.

— Вы, ребятки, не о том,— сказал Гуров.— Со мной так-или иначе разберутся. Убийства совершены, преступники живут в Москве. Один — организатор, другой — исполнитель. Я обязан вину их доказать и дело передать в прокуратуру.

— А что против них имеется? — спросил Крячко.

— Ничего. Как выразился Петр Николаевич, улик

против них в природе не существует.— Гуров посмотрел на Крячко, затем на Вакурова и неожиданно тихо рассмеялся.— Но это их не спасет.

— И что же ты предлагаешь? — спросил Крячко.
— Не знаю, думаю.— Гуров пожал плечами.
— Мы можем тебе помочь?
— Настырный ты, Станислав, сил нет! Я тебе что, бог? Я только сыщик. Пока лишь хочу посоветоваться.
— Не надо, Лев Иванович.— Крячко начинал сердиться.— Раз пригласил, значит, имеете конкретное предложение.

Боря только крутил головой, переводя взгляд с одного на другого.

— Естественно,— согласился Гуров.— Я стремлюсь тебя рассердить, заинтересовать.

— С первой задачей ты справился.— Крячко откинулся на спинку стула, вытянул ноги.— Я буду тебя допрашивать, ты — отвечать, ты строишь — я ломаю. Имеем двух преступников. Лебедев Юрий Петрович, двадцать четвертого года рождения, пенсионер. Дважды проходил свидетелем по делам цеховиков-миллионщиков. Он опытен, умен, осторожен, прошлые его «подвиги» в УБХСС известны, но не доказаны. Лебедев организовал убийство неугодного свидетеля и обрубил все концы.

— Молодец. Откуда информация? — улыбнулся Гуров.

— Ты сыщик, а я в МУР только чай пить хожу.— Крячко подмигнул Боре, который по заданию начальства разузнал все в карточках.— Далее, Кружнев Леонид Тимофеевич, сорок четвертого года рождения, бухгалтер, двадцать с лишним лет назад за хулиганство был условно осужден. Именно он убил твоего...— Крячко запнулся, вспоминая.— Артеменко Владимира Никитовича, заставил проглотить цианит. Свидетелей нет, улики нет. Исходные данные верны?

— Верны.— Гуров кивнул.

— И что же вы, товарищ подполковник, собираетесь против данных граждан предпринять? — Крячко повернулся к Вакурову и пожал плечами, мол, странный у нас начальник.

Гуров молчал.

— Ну, раз подследственный не желает высказаться, давай ты, Бориска, подбрось дровишек,— сказал Крячко.

— Да что я, товарищ майор?

— Давай, давай, чувствую, свербит у тебя.

— Мне кажется, что единственный ход можно осуществить,— начал осторожно Вакуров,— через арестованных за хищения и взятки там, на юге. Возможно, найдется слабое звено. Если Лев Иванович туда включится, то обязательно получит показания на Лебедева. Статья предъявляется крайне суровая, Лебедев сломается — сдаст исполнителя убийства.

Крячко взглянул на Гурова, тот бесстрастно молчал, казалось, вообще думал о постороннем.

— Не стану тебя ругать. Наивность, Бориска, в твоём возрасте вполне естественна. Никого из нас,— продолжал Крячко,— к тому делу не подпустят, и правильно сделают. Закон. Из арестованных Лебедева знает только один, максимум двое, они борются за жизнь и лишнего себе не возьмут. Лебедев, как я понимаю, владеет большими деньгами, таких денег, Боря, мы с тобой даже в кино не видели. Арестованные, конечно, имеют виды на капитал Лебедева.

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю. Здравствуй, Татьяна. Конечно, знаю. Спасибо за телеграмму. Понял. Я запомню. Чудаки,— помолчал.— Спасибо. Звони.

— Ну, а ты, Станислав, что думаешь? — включился Гуров в разговор, словно и не было никакого звонка.

— Не могу решить, что ты за человек.— Крячко покосился на Вакурова.— Ты слушай, а потом забудь. Скажи, Лев Иванович,— Крячко навалился на стол, набрызгал,— тебе зачем все это нужно? Каждый преступник должен понести наказание? Ты что? Перед пионерами выступаешь? Или у тебя нераскрытых преступлений никогда не было? Преступники убили преступника. Измазали подполковника Гурова в дерьме, и тебя самолётные гложет?

Гуров поблел, смотрел на Крячко не мигая.

— Эти убийства тебя не касаются!

— Петр Николаевич верно сказал, нету улики, в природе не существует! У нас работы — во! — Крячко провел пальцем по горлу.— Мы тебе помочь ничем не можем и одного в такую авантюру не отпустим! — Он усмехнулся.— Извини, глупость сморозил. Что значит не отпустим? Нырять, там неглубоко. У тебя отпуска еще недели две? Выйдешь на работу, тебя жизнь быстренко обломает.

— Ты умница, Станислав, верно определил, что Лебедев сегодня в разбитом синдикате вроде банкира. И ты опять же прав, Лебедев умен и опытен.— Гуров улыбнулся Крячко, как лучшему другу и единомышленнику, а Вакурову хитро подмигнул.— Однако он уже начал ошибаться. Ему бы в тот день, как они Артеменко прикончили,— на самолет и в Москву. А он на юге задержался, дескать, к убийству не имею отношения. Ошибочка. Кому он кино показывает?

И вновь зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю,— он кивал, чуть слышно повторяя:—

Так, так... Понятно,— затем громко спросил:— Кто выезжал? Спасибо. Звони,— положил трубку.— Баба с возу — кобыле легче. Вот так, коллеги. Дела...— Гуров вздохнул, покачал головой.— Когда Татьяна звонила первый раз, не знала еще, что днем застрелили Леонида Кружнева. Лебедев в момент убийства находился в ресторане. Алиби. Он в жизни в руках пистолет не держал.

— А Татьяна — та красивая женщина, которую ты «соблазнил»? — Крячко улыбнулся.

— Она,— Гуров кивнул, на подначку не обратил внимания.— Самонадеян я, ребята, ярлычок Лебедеву привесить поторопился. Вот он почему в Москву сразу не вернулся и Кружнева задержал.

— Лебедев твой, может, пистолет от утюга не отличает, но у него есть человек, который с оружием обращаться умеет.

— Мои построения он поломал. И все же первый шаг мы сделаем по старому сценарию. Значит, так, Станислав, ты завтра Бориса от текущей работы освободи. Как — это твоя проблема. Ты понял? — Гуров смотрел на Крячко, пока тот не кивнул.— Завтра прилетает Лебедев. Борис, ты поедешь со мной во Внуково.

— Бориска, возьми бюллетень на три дня,— сказал Крячко.— Больше дать не могу, Лев Иванович.

— Хорошо.— Гуров вздохнул, стараясь быстро оценить сложившуюся ситуацию.— Мы остановились на том, что Лебедев банкир, казначей. Так? Станислав, прошу: ты думай, подключайся, не лузгай семечки на завалинке.

Крячко выпрямился, нахмурил брови, демонстрируя внимание.

— Казначей должен иметь деньги, наличные, иначе грош ему цена. Так? — Гуров кивнул и тоном, каким вызывают ученика к доске, сказал: — Борис!

— Вы сказали, что деньги у него есть,— ответил Вакуров.

— Плохо. Станислав!

— Вопросы не понял,— хмыкнул Крячко.

— Деньги. Где они хранятся?

— Черт побери, Лев Иванович! — Крячко хлопнул себя по лбу.— Все гениально просто. У Лебедева где-то хранятся деньги, которые ему необходимы.

— Застрелили Кружнева — убийце необходимо заплатить,— подсказал Гуров.

— Если Лебедева взять под круглосуточное наблюдение, рано или поздно он приведет к казне...

— А такие суммы — уже основание для ареста! — воскликнул Вакуров.

— Только ни людей, ни технику, Лев Иванович, вам не дадут. Даже если я Борису подарю тебе на две недели, что же вы, сменяясь, по двенадцать часов будете дежурить у подъезда, таскаться за опытным жуликом по улице? Он вас в первый же день засечет, спустится в метро и через несколько минут уйдет. Детские игрушки!

— Возможно, ты и прав,— легко согласился Гуров.

— Не договаривает,— понял Крячко и обиделся.

— Ну, вам виднее, Лев Иванович.— Он демонстративно глянул на часы.— Спасибо за угощение.

— Большое спасибо, товарищ подполковник! — Вакуров вскочил.

— Большое пожалуйста.— Гуров сделал вид, что ничего не произошло, обнял Крячко за плечи, проводил до дверей.— Борис, я жду тебя завтра в восемь. Захвати с собой водительские права, поведешь мои «Жигули».

Оставшись один, Гуров убрал со стола, вымыл посуду и пошел в кабинет отца.

«Куда я лезу? Зачем? Преступники убивают друг друга. Главари пытаются спастись. Взятки и хищения вообще не моя епархия... Держал преступников, казалось, намертво, а они выскользнули и еще грязный донос прислали. Не меня они придавили — растоптали справедливость. А так быть не должно. В моем распоряжении только две недели, выйду на работу после отпуска, посторонним делом заниматься не смогу...»

Кружнева убили выстрелом в голову с полусотни метров. С такого расстояния из пистолета рискнет стрелять лишь профессионал, причем в голову — только профессионал высочайшего класса. Стрелка этого у Лебедева еще неделю назад не было. Он появился накануне убийства Кружнева, прибыл скорее всего самолетом. Лебедев, десятки лет занимавшийся крупными аферами, к наемному убийце отношения не имеет. Стрелка прислала. Где он так стрелять научился, где тренировался? Тоже ниточка. Стоп. Мне этим делом не заниматься. Меня интересует лишь финансист, организатор преступного бизнеса Юрий Петрович Лебедев. Но у него теперь под рукой профессионал. Все-таки я молодец, что девочек из Москвы убрал. Если Лебедева удастся прижать серьезно, он пойдет до конца, как ни кинь — у него в случае провала «высшая мера».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Юрий Петрович Лебедев, откинув спинку кресла, дремал, изредка открывая глаза и глядя на пропол-

зающие за окном самолета холодные облака. Сидевшая рядом крепенькая толстуха беспрестанно вытирала платком лицо и в который раз рассказывала, как ей безумно повезло: билет у нее был только на завтра, но в последний момент, перед вылетом этого рейса, оказалось свободное место.

«Не прикажи я убить психопата Ленюку,— лениво размышлял Юрий Петрович,— толклась бы ты в аэропорту до завтра. Как в жизни все интересно складывается. Человека убили, а тебе удача, и летишь ты на месте покойника».

Чувствовал себя Юрий Петрович отвратительно, а когда увидел мужчину, прошедшего мимо в сторону туалета, его лоб внезапно покрылся испариной.

Звали этого мужчину незатейливо — Иван. Познакомился с ним Юрий Петрович много лет назад, когда Иван, демонстрируя свое мастерство, вошел в квартиру Лебедева бесшумно, словно замки на дверях отсутствовали, и, передав привет от солидного человека, предложил услуги профессионального убийцы. Юрий Петрович сдержанно отказался.

Три дня назад Иван появился у Лебедева в гостинице.

— Мне передали, что у вас проблемы.— Иван взял со стола бутылку коньяка, плеснул в стакан.

— Были! И очень серьезные! — взорвался Лебедев.— Вы опоздали! Несколько дней назад я был бы несказанно рад вашему визиту, а сегодня, простите...

Губы у гостя скривились в улыбку, глаза — белые, без зрачков, пустые — смотря и не видят.

— Занят был.— Он рассмеялся.— Да не бойсь, не сидел. Такие, как я, не садятся. Ошибся — и в распыл. Я работал, приятель.— Иван пригубил коньяк и пояснил: — Я когда подряд беру, адреса не оставляю. Объявился днями — нашли, о твоих заботах шепнули.

— Ох и многого же я не знаю! — удивился Лебедев.

— Тебе повезло, долго жить будешь,— изрек Иван, катая в ладонях стакан с коньяком.

Неожиданно Лебедев увидел гостя совершенно иными глазами. Взгляд упал на пальцы Ивана: длинные, тонкие, стерильно чистые, какие порой бывают у врачей.

Лебедев подумал, что первоначальное, давнишнее впечатление о рабоче-крестьянском происхождении гостя в корне неверно. Наемный убийца был замешан на других дрозжах. И тут Лебедев понял, что гость над ним давно потешается.

— Смотришь на твое лицо, словно в «Вечерке» рубрику новостей читаешь,— сказал Иван, обнажая ровные белоснежные зубы.— Удивительно, что ты до сих пор на свободе.

— Обмишурился, за другого тебя принял,— признался Лебедев.— Так что тебе шепнули, какая у меня проблема?

— Мавр сделал свое дело, ему следует уходить,— ответил Иван.— Имя, окраска, место пребывания?

— Леню Кружнева имеешь в виду?

— Не знаю,— Иван поморщился.— Но кто-то стал не нужен...

«Главное, опасным. Но не будем спорить», — подумал Лебедев. Он описал внешность Кружнева, назвал гостиницу и номер.

— Ладненько,— Иван отставил стакан, поднялся.— С завтрашнего дня, каждый вечер, часов с девятнадцати, находишься в помещении, на людях. Думаю, я тебя не задержу.

— Может, мне лучше улететь?

— Ты что? Псих? Ты улетишь, и он улетит. Делай, как сказано.— Иван у двери оглянулся.— И, естественно, кто музыку заказывает, тот и платит.

— Я ничего не заказывал,— быстро сказал Лебедев.

— Чудной ты! — Иван рассмеялся, шагнул через порог и мягко прикрыл за собой дверь.

Через два дня около девяти вечера Леонида Кружнева обнаружили у гостиницы «Приморская» с простреленной головой.

Лебедев, выполняя указания Ивана, накануне вместе с Кружневым купил билет до Москвы.

Во Внуково, ожидая багаж, Лебедев увидел Ивана, который о чем-то весело беседовал с двумя девушками.

— А в Москве погодка лучше,— сказал он, подходя к Лебедеву.— Ну, вот и наши чемоданчики. Приготовь двадцать штук, завтра в девять утра я тебе позвоню. Водитель такси неохотно открыл багажник, еле волоча ноги, обошел машину, прежде чем сесть за руль, тоскливо оглянувшись, словно прощался со свободой, затем, тяжело вздыхая, начал крутить ручку счетчика.

— Попутчиков брать не будем,— пресек его мучения Лебедев.— Центр.

Неожиданно задняя дверь открылась, и кто-то легко вскопчил в машину.

— В центр? Прекрасно!

Водитель рванул с места, глянул на Лебедева, усмехнулся.

Несколько минут ехали молча, затем мужчина, бесцеремонно подсевший к Лебедеву, спросил:

— Юрий Петрович, что погода, так и не исправилась, все дождит?

Лебедев повернулся и увидел улыбающегося подполковника Гурова.

— Василий Сергеевич, не гони, я быстрой езды не люблю, — сказал Гуров.

— Это ваша машина? — Голос у Лебедева вдру подсел.

— На воду дуете, Юрий Петрович. — Гуров указал на карточку водителя.

О ком только Юрий Петрович Лебедев за последние сутки не думал! О главаре корпорации, которого ждет суд, о Володе Артеменко, о Лене Кружневой, кого воспитывал не одно десятилетие, а затем убил, даже о майоре Антадзе, попавшем в ловушку и скончавшемся от инфаркта, о профессиональном убийце, летевшем с ним в одном самолете, но больше всего думал о себе самом. Он твердо решил расплатиться с долгами, окончательно порвать с прошлым, отойти от дел и жениться. Да-да, даже об очаровательной сорокалетней Верочке, обожавшей комфорт, уют и мальчишеский, Лебедев тоже думал, а об этом человеке, что сидит сейчас на заднем сиденье, забыл. Юрию Петровичу казалось, что голубоглазый подполковник из МУРа привиделся ему в кошмарном сне и исчез с наступлением нового дня. Гурова выбросили за борт, одинокого и беспомощного. Нет, он не канул в небытие, вынырнул, казалось, с того света.

Продвинувшись в глубь салона, Гуров мог видеть Лебедева только в профиль, однако его страх и смятение не ускользнули от внимания опытного сыщика.

— Только не подумайте, что ради вашей персоны я притащился в такую даль, — сказал Гуров. — Провожал приятеля, увидел случайно, решил подсесть. Кружнев не мучился, умер сразу?

Лебедев не мог сосредоточиться, восстановить свой последний разговор с подполковником и чуть слышно промямлил:

— Лена? Кошмар! В голове не укладывается... Кому мешал? Такой тихий...

— Совсем вы поплохели, Юрий Петрович, как говорится, ум за разум... Вы Кружневая знать не должны, даже не слышали об этом человеке. А вы Леней его называете, оскорбляете покойника, тихим обзываете. Когда вы его на Артеменко натравили, тоже тихим считали?

«А ведь действительно, — вспомнил Лебедев, — у нас с сыщиком о Кружневой разговора не было! Как же это я? Больше ни слова, я запутался окончательно. Не отвечать ни на один вопрос! Если у МУРа против меня что-то есть — и так возьмут».

Гуров оглянулся. Боря Вакуров на «Жигулях» держался на почтительном расстоянии.

— Вот и столица. Вам на Воровского?

Лебедев вздрогнул, втянул голову в плечи, не ответил.

— Решили молчать? — Гуров усмехнулся. — Только под протокол? К сожалению, мне заниматься вами не разрешили, так что продолжения сегодня не последует. Я человек не тщеславный, кто-нибудь из моих коллег вас прищучит.

Такси остановилось на улице Воровского у нового здания музыкального училища. Лебедев расплатился, забрал чемодан. Больше они не сказали друг другу ни слова.

Лебедев отпер все замки, вошел в квартиру, опустив чемоданы на пол, не снимая пальто и шляпы, сел в кресло, тихо заплакал.

— Чего им от меня надо? — бормотал он, кулачком, по-детски вытирая слезы. — Сколько можно, я же не двуличный вы.

Вскоре, приняв душ, побрившись и сменив белье, он пил кофе на кухне, забыв о минутной слабости.

«Надо спокойно разобраться, — рассуждал Юрий Петрович. — Ничего у муровского молокососа против меня нет, иначе бы не подсел и разговорить меня не пытался. Все это блеф. А может, он оказался в аэропорту действительно случайно? Подполковники такой работой не занимаются. Он увидел меня и решил хоть как-то отыграться за то, что у него под носом убили человека. Сопляк!»

Довольный своей проницательностью, Лебедев выпил рюмку коньяку и решил о встрече забыть. Однако через несколько минут он вновь рассуждал.

«Подполковник умный, опытный сыщик, — данный факт сомнений не вызывает. И покойный Володька говорил, что Гуров ас, и сам я это почувствовал, когда он явился ко мне в гостиницу. Глупо да и опасно себя успокаивать. Он мог оказаться в аэропорту случайно, но уж подсел ко мне, конечно, с конкретной целью. Зачем сообщил мне, что начальство не разрешило ему заниматься моим делом? Если он не ведет расследование, то как узнал, что вчера застрелили Леню? Ясно как день — сыщик в аэропорту встречал именно меня. Какую цель он преследовал?»

Замысел Гурова отличался удивительной простотой. Он во всем решил быть непоследовательно противоречивым, пусть преступник попытается найти к этой бессмысленности ключ. Будет мучиться, искать. Потом начнет действовать.

Гуров не располагал доказательствами вины Юрия Петровича Лебедева. Полковник Орлов абсолютно

прав, реальных улик в природе не существует. Значит, решил Гуров, задача состоит в том, чтобы заставить преступника создать необходимые улики. Разрушить его тактику могло только бездействие Лебедева. Если тот в течение двух недель ничего не предпримет, — подполковник Гуров приступит к выполнению своих служебных обязанностей, и Лебедев сможет спать спокойно.

Гуров не имел четкого плана действий. Главное, не позволить Лебедеву жить спокойно, заставить суетиться, а там жизнь подскажет. Он снял трубку, набрал номер Лебедева и услышал спокойный голос:

— Алло! Вас слушают. Алло! Вас не слышно, перезвоните.

Гуров положил трубку и пробормотал:

— А может, мне к врачу обратиться? Ведь каждый сумасшедший считает себя абсолютно нормальным.

Лебедев поглядывал на молчавший телефон и думал, что, возможно, его уже подключили на прослушивание. Завтра будет звонить Иван. Юрий Петрович оделся и вышел на улицу.

На Калининском проспекте Лебедев оглянулся и увидел медленно движущиеся «Жигули» с частным номером. «А ты думал, что они будут за тобой следить, разъезжая с фонарем на крыше?»

В машине, кроме водителя, никого не было. «Может, чудится, и, как выразился голубоглазый сыщик, я уже на воду дую?»

Из «Жигулей» вышел молодой парень, снял щетки, залез машину и скрылся за декоративной церковкой. А ну, поглядим, решил Лебедев и пошел обратно. Он шагал медленно, не оглядываясь, и повернулся, лишь открывая дверь своего дома. Мимо на большой скорости пролетели те самые «Жигули», а на другой стороне улицы остановилось такси, из которого, пошатываясь, выбрались двое мужчин. Ясно, из «Жигулей» по радиопередаче сигнал, прибили такси с «пьяными».

— Боже мой, — рассуждал Лебедев, поднимаясь в квартиру. — Хоть бы что-нибудь новенькое придумали. Как засветятся, так обязательно прикинутся пьяными. Здоровые мужики, черт знает чем занимаются. И сколько машин и «пьяных» гоняются за моей скромной персоной? И это перестройка, так они учатся хозяйствовать по-новому!

Борис Вакуров остановился у автомата, позвонил начальству, доложил.

— А не слишком грубо? — поинтересовался Гуров.

— Не знаю, — признался Боря. — Старался поинтеллигентней.

— А он тебя в лицо видел?

— Нет, Лев Иванович, — ответил оперативник. — Я проверял, когда щетки снимал, глянул на него — лица на таком расстоянии не разглядеть.

— Прекрасно, мы завтра данный факт используем. А сейчас, коллега, дуй в таксопарк, помни, машина была радиная, пусть диспетчер ее из-под земли достанет. Если повезет, следуй по маршруту, но близко не подходи.

— Понял, Лев Иванович!

Иван приехал из Внуково в гостиницу, где его давно знали и любили. Впервые он поселился здесь лет двадцать назад и наезжал с тех пор регулярно по два-три раза в год, случалось и чаще. Общительного и обаятельного Ивана Николаевича Лемешева в небольшой гостинице, расположенной в самом центре столицы, знали все, от уборщицы до директора. «Инженер по холодильным установкам» Лемешев держался с обслуживающим персоналом дружески, но без панибратства, привозил недорогие подарки, чинил постоянно ломающиеся холодильники, оставлял чаевые, слыл человеком скромным, непьющим, при деньгах.

Подойдя к барьеру администратора гостиницы, Иван протянул паспорт и уверенно сказал:

— Здравствуйте, на меня должна быть бронь министерства.

Администратор — давняя его знакомая — кивнула, ответив холодно, как и другим обреченно ожидавшим своей участи:

— Здравствуйте. — И зашелестела лежавшими на столе бумажками.

«Бронь» нашлась, администратор вложила в паспорт карточку гостиницы, положила на барьер.

— Лемешев Иван Николаевич, пожалуйста. — Она укоризненно взглянула на других соискателей номера. — Товарищи, вы словно дети, простых вещей не понимаете. Гостиница не частная лавочка, я здесь не хозяйка.

— У меня тоже должна быть бронь! — срывающимся тенором выкрикнул гражданин, одетый не по сезону в тяжелый овчинный полушубок. — Я по вызову, летел двое суток.

Иван вошел в лифт, так и не услышав окончания одиссеи командировочного.

Вскоре, приняв душ, побрившись и надев свежую рубашку, Иван уже созванивался с приятелями, которые помогали ему в Москве приобретать дефицит, сувениры, необходимые для создания нормальной среды обитания. Работники гостиницы, начальство и рядовые сотрудники конторы по ремонту холодильных установок, где он расписывался за зарплату, женщина, с которой он в настоящее время жил, и множество

других нужных людей требовали внимания и расходов. Он неукоснительно придерживался принципа: никто никого просто так не любит, не уважает и не боится, чувства человеческие управляемы и должны быть как следует обеспечены, иначе они захиреют.

Иван, долгие годы выполняя указания хозяев: припугни, выбей, убери, мечтал найти своего «золотого теленка». Лебедев — кандидатура во всех отношениях идеальная. Осколок от разбитой корпорации, имеет деньги, одинок, его, Ивана, боится. Только и делов осталось, что найти место хранения кассы, остальное — пара пустяков. Правда, у старика один и очень серьезный недостаток: он находится в поле зрения милиции и прокуратуры. Насколько активно им занимаются, неизвестно, но без риска в таком деле не обойтись.

Иван позвонил Лебедеву и, услышав его голос, положил трубку.

Завтра, родименький, мы начнем с тобой последнюю партию этого затянутаго матча.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день в двенадцать часов Юрий Петрович ждал Ивана на Центральном телеграфе. Лебедев сидел за столом и, тыкая ржавым пером «рондо» в пересохшую фиолетовую чернильницу, мечтал лишь о том, чтобы свидание не состоялось.

Когда утром Иван позвонил, Лебедев не рискнул предупредить его о возможном прослушивании телефона и не сказал, что придет без денег, мол, за спиной топают оперативники. Он вышел из дома в десять, около часа катался в метро, делал пересадки, выходя в последний момент из вагона и тут же уезжал в обратном направлении, прекрасно понимая, что, если их разговор слышали, то все его маневры — сплошной идиотизм.

Около двенадцати притащился на телеграф, безразлично скользнув взглядом по окружающим, опустился на стул, попытался написать телеграмму на собственный адрес. У Лебедева имелся «паркер» с золотым пером, но ему доставляло удовольствие шаркать бланк корявым «рондо», выцарапывая печатные буквы.

Перестройщики, думал Лебедев, комка испорченный бланк, куда вы без нас денетесь? В столице, на Центральном телеграфе, нечем писать!

В половине первого он вышел с телеграфа и зашагал домой. Иван не явился, матерый зверь всегда чувствует западню. А может, ничего и не чувствует, все придумываю, позвонит позже, передоговоримся, успокаивал себя Лебедев, шествуя по улице Герцена.

Когда Юрий Петрович пришел домой, Иван на кухне пил чай и читал газеты. Больше всего Лебедева потряс не сам факт присутствия гостя, а чай, газеты и очки в массивной оправе, которые Иван поднял на лоб при появлении хозяина.

— Иван, — пробормотал Лебедев и, окончательно смешавшись, добавил: — Здравствуй.

— Какие беззакония творят судебские, — Иван укоризненно посмотрел на Лебедева, — ведь абсолютно невинных сажают, друг дружку хватают, оторопь берет. Присядь, — Иван стал наливать чай в загодя приготовленную чашку. — Тебе покрепче?

Лебедев не ответил, сел за стол. Иван, не обращая на него внимания, продолжал читать.

— И чего перед человеком расшаркиваться? — Иван снял очки, отложил газету. — Если он два года только под следствием до суда сидел? В законе точно определены сроки, а товарищи, как и мы с тобой, на закон плюют. Однако мы сдельно работаем, а они оклад получают. Нет справедливости.

— Справедливости, уважаемый, в природе не существует. Да и понятие давно устаревшее.

— Шея не болит? — спросил неожиданно Иван.

— Что? — Лебедев непроизвольно потер шею. — Есть немножко, отложение солей.

— Тогда понятно, — Иван кивнул. — Гляжу, идет по улице человек и головой непрерывно крутит, решил, боится чего, оглядывается. А у него, оказывается, соли отложились. Ну, выкладывай, давно обнаружил?

Он внимательно, не перебивая, выслушал рассказ Лебедева о вчерашних событиях, допил остывший чай, затем сказал:

— Значит, МУРу все известно, но нет доказательств. Интересно. Меня могли засечь и на побережье, в аэропорту, и сегодня, когда я входил в дом. Ты что, старый, от жизни устал?

Юрий Петрович к такому разговору подготовился, реагировал спокойно.

— Не будь сопляком. Я тебя не вызывал, в дом не приглашал. А говорить по телефону остерегся. И, главное, ты меня тронуть не можешь, потому как останешься без денег, лишишь средств семья хозяина и окажешься вне закона. Так что ты мне больше не угрожай.

— Договорились, — легко согласился Иван, протянул руку. — Деньги, и я пошел.

— Откуда же у меня деньги? — удивился Лебедев. — Или ты полагаешь, я кассу дома под кроватью держу? Мне надо поехать и взять. Надо выждать. Сколько они меня могут «пасти»? Ну, неделю, ну две...

— Не понимаю, Лев Иванович.— Боря смотрел недоуменно.— Убили двух человек, преступники они или нет, для милиции не имеет значения, так? По факту возбуждено уголовное дело. Так? Следствие и розыск должны работать?

— И работают,— ответил Гуров.— Возможно, что убийство из пистолета взяли на контроль в главк.

— У вас же есть версия!— горячился Вакуров.— С вашим мнением совсем не считаются?

— Считаются, Боря, не волнуйся.— Гуров улыбнулся.— Но причастность Юрия Петровича Лебедева к убийствам лишь мое предположение. Допустим, я позвонил своему приятелю в министерство и рассказал, что думаю о происшедшем. Что дальше? Не может же полковник Иванов на основании предположений подполковника Гурова составлять план оперативных мероприятий?

— Извините, Лев Иванович,— слегка запинаясь, сказал Вакуров,— но в своей работе я никакого смыс-

ла не вижу. Нет, я, конечно, выполню ваши приказанья...

— Просьбы, Боря,— перебил Гуров.— Только просьбы, приказывать я тебе сейчас не могу.

— Чего вы добиваетесь, Лев Иванович? Какую цель преследуете?

— Отправляйся на работу, ты мне больше не нужен. Спасибо.— Вакуров впервые услышал, как подполковник повысил голос.

— До свидания, товарищ подполковник.— Боря Вакуров обиделся и ушел.

Гуров не мог сказать правду. Он знал, чего добивается, но не мог предвидеть, как начнет действовать Лебедев, когда он, подполковник Гуров, достигнет своего.

Прошли сутки, Лебедев лишь дважды выходил из дома, побывал на Центральном телеграфе и ближе к вечеру зашел в булочную. Иван не появлялся. А в десять, когда Лебедев лишь бездумно смотрел в телевизор, раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, Юрий Петрович,— раздался хорошо знакомый голос, человек говорил с небольшим акцентом.

— Здравствуйте,— быстро ответил Лебедев.— У меня совершенно нет времени, я вас плохо слышу, кто-то мешает нашему разговору. Я вам сам перезвоню завтра, часиков в десять.

— Я вас отлично слышу, уверен, что никто не мешает нам,— собеседник явно улыбался.— У меня для вас хорошие новости.

— Конкретнее,— прошептал Лебедев.— Говорите.

— Человек, который мешает вам жить, от работы отстранен. Он, как говорится, действует на общественных началах, и ни людей, ни техники ему не дали, спите, уважаемый, спокойно.

Лебедев услышал смех, откашлялся, хотел ответить, но не мог, перехватило дыхание.

— Чего молчите, дорогой?

— Глотаю валидол,— еле произнес Лебедев.— Вы не ошибаетесь.

Месяц в конце концов. Давай для перестраховки подождем месяца три.

— Ты прав,— Иван кивнул.— Но это невозможно. Тебя могут арестовать, ты можешь скрыться, нет смысла перечислять причины. Деньги нужны сегодня.

— Нет!— твердо ответил Лебедев.— Я в тюрьму добровольно не пойду.

Иван понимал, что старик прав: сейчас необходимо выждать, опера потопают да и отстанут. «Засветился я или нет— вот в чем вопрос. На побережье я был чист, иначе взяли бы немедля, с оружием в руках. В аэропорту засечь меня не могли. Сегодня я взял старика не от дома, а при входе на телеграф, где люди десятками шастают, и к мухомору не подходил. Если за ним наблюдали, то муровцы остались у телеграфа. Сейчас на меня внимания не обратят, квартир в подъезде много. Можно уходить. Старик обо мне ничего не знает, в случае ареста назовет лишь приметы. А деньги? Не должок за последний выстрел, а вся касса старика? Он сейчас напуган, этот шанс надо использовать».

— Я из Москвы уйду,— сказал Иван.— Мне нужны деньги. Два-три дня подождем, там видно будет. Ежедневно на телеграфе с двенадцати до половины первого. И ничего не бойся, если я подойду, значит, за тобой чисто.

Боря Вакуров сидел в «Жигулях» и, читая «Огонек», поглядывал на дом Лебедева. На Ивана, который вышел из подъезда, оперативник внимания не обратил. Боря уважал и любил Гурова. Но считал, что подполковник запутался и сам не знает, чего хочет. Вчера приказал взять объект под наблюдение и засветиться, а сегодня, наоборот, наблюдение бросить. Разве это работа? Чушь, игра в казаки-разбойники.

В три часа дня, как и договорились, Вакуров приехал к подполковнику. Лев Иванович выслушал доклад и сказал:

— Не хочется изрекать банальности. Боря, но в нашей с тобой работе умение ждать и терпеть необходимо. Что делать? Мы не всегда владеем инициативой.

— Какие вы, москвичи, нервные! Я мужчина, дорогой, зачем зря звонить буду? Мне приказали, я передал, все точно. Мы тебя в беде не оставляли и не оставим. На всякий случай запиши адрес, телефон и номер машины этого бесполого человека.— и продиктовал все данные.— Русские говорят, что один в поле не воин.

Абонент, не прощаясь, отсоединился, Лебедев положил трубку и в который раз подумал, какая же мощная и сплоченная у них организация.

— Расплачусь с Иваном,— рассуждал Лебедев, наливая коньяк.— Пусть он из Москвы убирается, и хорошо бы его больше никогда в жизни не видеть.

Вся касса Лебедева находилась в этой достаточно скромной двухкомнатной квартире. За тридцать с лишним лет своей подпольной деятельности где только он не прятал деньги. Мучился, ночей не спал, а потом случайно прочитал рассказ, где хитрый сыщик утверждал: хочешь надежно спрятать — положи на самом видном месте, никогда не найдут. Очень эта идея Лебедеву понравилась, и убрал он наличные, золото и сберкнижки на предъявителя в огромную коробку с елочными игрушками, которая стояла в лоджии, небрежно завернутая в целлофан.

Когда Иван объявился в квартире, Лебедев хотел одну из сберкнижек отдать убийце. Но поостерегся: если Иван поймет, где находится касса, катастрофа — нищим останешься. Брать с собой сберкнижку или деньги на телеграф Лебедев побоялся: если задержат, наличие такой суммы не объяснишь.

«Теперь все очень просто. Завтра расплачусь с Иваном, начну жить спокойно. И напрасно я себя накручивал». Лебедев так развеселился, что долго не мог заснуть. Утром поднялся бодрый, в прекрасном настроении.

В одиннадцатый, сунув в карман сберкнижку, тщательно одетый, он вышел из дома, с улыбкой оглядел малолюдную улицу Воровского и неторопливо прошептал мимо здания Верховного Суда СССР.

Юрий Петрович прогуливался по Страстному бульвару, мурлыкал прицепившуюся с утра мелодию и рассуждал о бренности всего земного. «Тот парень в «Жигулях», налуговавший меня третьего дня, наверняка, гонялся за своей вертихвосткой, а пьяные, вылезавшие из такси у дома,— нормальные мужики, выпившие по поводу или без него. Теперь главное — рассчитаться с Иваном. Побоедаем с ним и расстанемся навсегда. Только вот в какой ресторан податься?»

На телеграфе Юрий Петрович купил открытку, два конверта, достал из кармана «паркер» с золотым пером. Кому бы написать что-нибудь смешное, веселое? Выяснив, что писать ему абсолютно некому, он слегка взгрустнул и настроил открытку самому себе, поздравил с несуществующим юбилеем, пожелал здоровья и долгих лет жизни. В один из конвертов он вложил сберкнижку, запечатал и в этот момент увидел Ивана, сидевшего за соседним столом, уже собрался окликнуть его, когда почувствовал на плече чью-то руку и, подняв голову, встретился взглядом с подполковником Гуровым.

— Мы с вами часто встречаемся,— Гуров опустился на скамейку, ткнул пальцем открытку, прочитал адрес и сказал:

— Когда человек начинает сам себе писать открытки, дело плохо. Вы к какой поликлинике прикреплены? — Гуров подвинул конверт, в котором лежала сберкнижка.

Лебедев молча скреб пальцами по столу, пытаясь подтянуть конверт к себе, но тот, видимо, попал на капельку клея.

— Приклеился,— выдавил с трудом Лебедев и невольно посмотрел на Ивана.

Убийца явно понимал, что подсел к Лебедеву, кожа на скулах Ивана натянулась, губы истончились, глаза полуприкрылись тяжелыми веками.

— Знакомый? — безучастно спросил Гуров, достал из кармана платок и заботливо промокнул Лебедеву лоб.— В отношении больницы я не шучу. Что же вы со своим здоровьем делаете? Не дай бог инфаркт либо инсульт? А вы мне в суде здоровенький необходимы. Нет уж, Юрий Петрович, не подводите, держитесь, совсем недолго осталось.

Слабость исчезла так же мгновенно, как и появилась, лицо вспыхнуло, Лебедев твердой рукой взял со стола открытку и конверты, положил в карман.

— Приду домой и напишу начальнику Главного Управления милиции, что человек я немолдой, здоровьем похвастаться не могу, а подполковник Гуров Лев Иванович...— Лебедев выдержал значительную паузу.— Я подробно опишу все ваши подвиги. Как вы вторглись ко мне в гостиницу «Алмаз», затем... затем в вашей гостинице кто-то убил человека, и с тех пор вы меня преследуете. Знаете, чем ваше положение отличается от моего?

— Естественно,— Гуров кивнул.— Вы преступник, а я сыщик.

— Верно! — Лебедев боковым зрением увидел, что Иван ушел.— Поэтому вы должны доказывать все, а я ничего. Вы должны доказывать мою вину и свою невиновность. А я напишу, что вы виноваты, и моих слов окажется достаточно.

— Так вы уже написали.

— Нет, я еще не писал.— Лебедев улыбнулся.— Сегодня же восполню пробел. Я не полениюсь и лично отнесу письмо в приемную на Петровку, 38. Честь имею!

— Не имейте! — сказал Гуров, и слова его прозвучали по-мальчишески беспомощно.

Лебедев вышел на улицу, спустился по улице Горького и зашел в гостиницу «Националь».

Гуров сел в «Жигули», проехал по улице Огарева мимо здания МВД. На углу улицы Герцена его остановил инспектор ГАИ — сквозной проезд по Огарева был запрещен.

— Почему нарушаете, товарищ водитель?

— Виноват, товарищ лейтенант.— Гуров протянул права и техпаспорт, удостоверение не предъявил.

Инспектор долго изучал права, удивленно поглядывал на водителя, который ни о чем не просил и не оправдывался.

— И талон у вас чистенький, столько лет без единого нарушения,— инспектор достал из кармана компостер, уверенный, что уж сейчас частичник запищитает. Но водитель улыбался.

— Может, вы знака не видели? — с надеждой спросил инспектор.— Торопитесь?

Гуров взглянул в зеркало и увидел такси. Странно, любой таксист уж точно знает, что сквозной проезд по Огарева запрещен. Гуров не мог рассмотреть пассажира, машина стояла метрах в тридцати.

«Неужели меня «ведут»? — подумал Гуров.— Талон, конечно, жалко, но придется пожертвовать...»

— Что вы, лейтенант, размахиваете своей железкой? — грубо спросил Гуров, продолжая наблюдать за такси.

Инспектор обиделся, пробил талон и сделал на нем отметку.

Машина позади развернулась, поехала в обратную сторону.

— Будьте внимательны, не нарушайте,— инспектор вернул права и техпаспорт.

Гуров обогнул квартал, остановился за гостиницей «Националь», заглушил мотор, откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Вспомнил разговор с Лебедевым на телеграфе. Следовало вскрыть конверт, который лежал на столе или нет? Мужчина, сидевший за соседним столом, тот же человек, что подошел к Лебедеву в багажном отделении аэропорта, или чудится? Правильно он сделал, что отпустил такси, которое за ним стояло на Огарева, или лучше было его внезапно преследовать и рассмотреть пассажира? А может, такси не имеет к нему никакого отношения и дырку в талоне Гуров получил зря? Он взглянул на часы, вышел из машины и отправился искать Лебедева.

Иван подъехал к телеграфу в половине двенадцатого. Сунул водителю двадцать пять рублей, попросил подождать.

В зале Иван расположился неподалеку от Лебедева и поглядывал на него, ожидая, когда они встретятся взглядами. Если он беспокоится, сразу пойму, решил Иван. И в этот момент к Лебедеву подсел высокий стройный мужик лет около сорока. О чем они говорили, слышно не было. Сначала старик испугался и растерялся, но быстро взял себя в руки, обнагтел, начал на соседа пыть, чуть не плеваться. Мужик шибко смахивал на «муровского» товарища — и не на опера, а рангом выше. Однако больно воинственно пытел старик, человек из его партнеров-содельников, видно.

На улице Иван поджидал Лебедева, хотел уже подойти, когда увидел, что за ним топает незнакомец. Старик свернул в застекленный подъезд новой гостиницы, у которой толклись иностранцы. Незнакомец вернулся к телеграфу и сел в «Жигули», Иван прыгнул в поджидавшие его такси и сказал:

— Видишь белую «шестерку». Дуй за ней. Этот хмырь мне «бабки» должен.

— По этой улице сквозного проезда нет,— ответил водитель, но машину тронул.— Его сейчас застопорят.

И точно, в конце улицы белые «Жигули» остановил инспектор.

— Не проехать,— флегматично изрек шофер.— Тут их главная контора,— он указал на большое желтое здание.— Развернемся?

— Погоди.

«Что-то долго они беседуют,— размышлял Иван.— Будь мужик из МУРа, сказал бы «менту» несколько ласковых и проскочил». Когда в руке гаишника мелькнул компостер, Иван рассмеялся.

— Давай обратно, я этого хмыря в другой раз поймаю.

Иван отпустил такси и отправился искать Лебедева, но, войдя в гостиницу, растерялся.

— Вашу визитку,— швейцар заметил его замешательство и не преминул проявить бдительность.

Иван покорно отдал рубль и спросил:

— Где кабак, служивый?

Швейцар поморщился, указал на гардероб.

— Разденьтесь, второй этаж.

Лебедев расположился в низком кресле и делал вид, что читает газету, ожидая, появится Гуров или нет. Увидев Ивана, Юрий Петрович удивился, но виду не подал, аккуратно сложил газету, встал и поздоро-

вался с таким видом, словно встреча была обусловлена.

Они заняли столик в просторном полутемном и полупустом зале на первом этаже. Лебедева здесь знали, приняли ласково, хотя Ивану показало, что ресторан не работает.

— Здесь вечером варьете,— пояснил Лебедев.— В основном иностранцы, валютных девочки.

— Но с «бабками» и смертных пускают,— сказал Иван.

— С деньгами, Ваня, всюду пускают.— нравоучительно произнес Лебедев.— И, пожалуйста, не калечь великий русский язык. «Бабки», «фанера» — какая пошлость!

— Согласен,— Иван кивнул.— Что за фрайер подсел к тебе на телеграфе?

— Не обижай, Иван.— Лебедев подождал, пока официант расставит закуску и отойдет.— Подполковника Гурова можно не любить и называть как угодно, но он не фрайер.— И, помолчав, добавил: — К великому сожалению.

Коротко, не вдаваясь в подробности, Юрий Петрович рассказал о своем знакомстве с Гуровым и вчерашнем звонке.

Иван выслушал внимательно, не перебивая, затем сказал:

— Странно, очень странно. Не морочите ли вы мне голову, уважаемый Юрий Петрович?

— Какой смысл? — удивился Лебедев.— Я же не стал пугать тебя — Гуров преследует меня один.

— Но ксиву... простите, удостоверение у него еще не отобрали. Зачем подполковнику МУРа бодаться с рядовым гаишником, разрешать талон увечить? Не могу понять! И потом, разве муровцу, да еще в таком чине, головной боли не хватает? Чего он к тебе привязался? Униженным и оскорбленным себя чувствует, так, что ли?

— Нам их не понять,— Юрий Петрович пригубил коньяк, закурил икрой.— Они люди несчастные, больные.

— Не скажи, Петрович.— Иван позволил себе выпить фужер коньяку, и первый хмель ударил в голову.— Я среди них таких счастливых и здоровеньких встречал — закачаешься, лопатой гребли!

— Люди, они разные,— сказал Лебедев и хотел было отдать убийце заготовленную для него сберкнижку, когда рядом появилась высокая темная фигура.

Не разобрав в полумраке и решив, что это официант, Лебедев сказал:

— Можно нести горячее.

— Все мое время, Юрий Петрович,— заметил Гуров и сел за стол.— Будет и горячее.— Он повернулся к Ивану, кивнул, представился: — Гуров, Лев Иванович.

— Иван.— Иван взял графин, наполнил Гурову рюмку.— Мы провинциалы, простите.

— Очень приятно! — Гуров поднял рюмку, понюхал, отставил.— За рулем, какая жалость! Иван, будьте свидетелем, что я безукоризненно вежлив, а то Юрий Петрович утверждает, что я преследую его, третирую.

Лебедев молчал, пытаясь понять, зачем объявился настырный подполковник.

— Ну, появился ты без приглашения, напугал, можно сказать.— Иван рассмеялся.— Чего поделить-то не можете?

Гуров на слова Ивана внимания не обратил, взглянул на Лебедева, сказал, улыбаясь:

— Заглянул на минутку, извиниться решил. Я ведь, Юрий Петрович, третьего дня, когда ехали во Внуково, неудачно пошутил, сказав, что от дела меня отстранили. Мне предписано руководством заниматься вами самым серьезным образом. Хотите писать генералу — ваше дело, только зря бумагу изведете.

«Все ясно,— понял Лебедев,— он боится, что я действительно напишу и его взгреют. Он один, конечно, один сукин сын!»

— Тогда дела мои плохи,— Лебедев выпил.— Завтра явлюсь с повинной, снисхождение будет?

— Это вряд ли,— ответил Гуров.— Накопили излишне. И финансы подпольные, и отравление, теперь вот стрелять начали. Конечно, если вы исполнителя за ручку к нам приведете, тогда...— Гуров так хотелось повернуться и взглянуть в лицо Ивану, что шею свело от напряжения.— Только проследите, чтобы ваш протеже пистолетик с собой захватил. Очень тот пистолетик нас интересует.

— Понятия не имею, о чем вы тут разговор ведете,— ответил Лебедев.— Пошутили, пора и честь знать. Товарищ ко мне издали по делам приехал, вы нам мешаете.

Гуров откинулся на спинку стула, небрежно взглянул на Ивана, вновь повернулся к Лебедеву и, подражая его втиеватой манере говорить, сказал:

— Какие дела у пенсионера? Да и слышком вольно вы шутите в присутствии товарища, который якобы не в курсе вашей сложной биографии. Или, может быть, в курсе? Если бы не были вы такой подлый и страшный, подумал бы сейчас, что вы человек смешной и наивный. До скорого!

Гуров Лебедеву улыбнулся, на Ивана даже не взглянул, поднялся и ушел.

«Иван? Он или не он подходил к Лебедеву в аэропорту? — гадал Гуров, выйдя на улицу. — Возможно, Иван пытался следить за мной в такси, тогда есть основания предполагать, что именно он и есть тот самый стрелок-профессионал. А в принципе я сегодня поработал неплохо, — похвалил себя Гуров, усаживаясь за руль «Жигуленка». — Хотя и неизвестно, к чему приведет мой демарш, надо бы побережиться...»

— Деньги, сука! — Иван чуть было не ударил кулаком по столу, но сдержался.

Лебедев решил сберкнижку не отдавать, сначала надо обдумать, нужен ему сейчас этот человек или нет, ведь, получив деньги, Иван может исчезнуть.

— Где же я возьму? — Юрий Петрович развел руками. — Надобно съездить, а ты сам видишь.

— Ты же утверждаешь, что он один! — Иван налил себе коньяку, но пить не стал, фужер отставил. — Берем тачку и поехали. Что мы от него, не оторвемся? Да и не станет он в одиночку за нами цепляться. Поехали.

— Хочешь, чтобы я тебя к кассе привел? — Лебедев взглянул осуждающе. — Не держи меня за придурка, Иван.

— Если мы не будем друг другу верить...

— Тебе довериться, до вечера не дожить, — перебил Лебедев. — Я напишу генералу обстоятельную бумагу, отнесу на Петровку, дня два выждем, потом решим.

— Фрайер! — процедил Иван. — У тебя мозги, а у сыскарей только фуражка? Думаешь, они поверят? А если иначе рассудят? Раз жалуешься — значит, боишься и через два дня под таким колпаком окажешься, что не продыхнуть. Через тебя на меня выйдут. А ты слышал, как его мой пистолетик интересуется? Ничего ты писать не будешь, с этим умником решим иначе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Около десяти вечера Иван сидел в своем номере перед телевизором, шла передача «Прожектор перестройки». Он вырубил звук, и люди, горячо обсуждавшие свои проблемы, Ивану не мешали.

«Главное, не спешить, не спешить, — рассуждал Иван. — Сыскаря меня видел и, конечно, «сфотографировал». Смотрятся, бросив Лебедева с деньгами, неразумно и опасно. Жить не на что. Если старика прижмут, он, конечно, расколется — объявят розыск. А тут меня опознают в момент. Значит, «крышу» в моем захолустье придется менять, все строить заново».

Иван уверенно заявил: с голубоглазым умником решим иначе. А как? Стрелять-то нельзя, сыщики сравнят пули, установят, что стрелял один и тот же человек. Старика возмут в такой оборот, и он от страха, спасая свою никому не нужную шкуру, рассыплется до основания. Весь МУР за своего «рогами упрется», они есть и спать перестанут, пока меня не разыщут. Стрелять — это спускаться на свой след стаю взбесившихся собак.

Стрелять нельзя, обезвредить необходимо. Как? У него машина, дороги сейчас плохие, что, если на загородном шоссе на скорости откажут тормоза? Вряд ли у него есть гараж, небось тачка у дома стоит, адрес известен, работы на несколько минут. Как выманить из города? С кем он живет? Сучку утащить — кобель рванется. Сложно. Нужны люди, время и деньги.

Деньги. Сколько у старика в загашнике? «Лимон», два? Не меньше. Гад ползучий! А он, сука, не понимает, что, когда дом горит, спастись надо. Если уж на скамейку народного суда попадет, из зоны не выйдет. Двести — триста штук сыщику в зубы сунуть — он пасть разинет, не удержится. Не берет тот, кому мало дают. Положить на стол мешок и сказать, мол, заберите, исчезни, мы в жизни друг друга не видели. Возьмет, куда не денется. Если он умом двинется и на забор полезет — железкой по черепку шархануть, в глотку спиртного запрыгнуть и усадить в машину. По сегодняшнему дню пьяный что прокаженный — не отмоется, с ним никто из властей за руку не поздоровается и слушать не станет.

«В общем, так ли, по-другому, а с ним надо закончить. Только не мне, а старику, им есть что вспомнить. Я до времени должен притаиться за углом».

Иван так увлекся своими рассуждениями, что не заметил, как «Прожектор» кончился, на экране дрались какие-то люди. Один мужик упал, другой вскочил в машину и дал деру, а упавший приподнялся, вытащил из кармана пистолет и начал стрелять вслед.

«Мент, наверное, — подумал Иван. — Они даже и в кино стрелять не умеют. И чего руками размахивал, забыл, что пушка в кармане?» — Он приподнялся в кресле, хотел включить звук, когда в дверь постучали.

— Входите! — крикнул он, услышал, что дверь открылась, спросил: — Анюта, ты? Заходи, чай организу!

— Я не Анюта, но от чая не откажусь, — из маленькой прихожей в гостиную шагнул Гуров. — Красиво живете, Иван Николаевич, — он снял плащ, прошел в номер, огляделся.

Иван оторопел. Оглядывая высокую худощавую фигуру незнакомого гостя, подумал, что оружие у опера скорее всего нет и бить следует по ногам. Гуров, перехватив взгляд хозяйина, рассмеялся.

— Вижу, не ждали. — Гуров прошелся по гостиной, заглянул в спальню, выключил телевизор. — Завидую людям, умеющим организовывать свой быт. Да не изображайте городничего из бессмертной комедии, сядьте!

Иван опустился в кресло. Оскалился.

— Мне казалось, нам есть о чем поговорить, потому и заглянул. — Гуров сел за письменный стол. — Что вас, Иван Николаевич, рабочего человека с хорошей репутацией, связывает с матерым рецидивистом, который на свободе догуливает последние денечки?

— Знаком без году неделя. — Иван облизнул пересохшие губы. — Гляжу, человек солидный, коммерческий. — Он вздохнул. — Неужто в какую историю я вляпался?

— Коммерческий, точно подметили. Но вроде к холодильным установкам никакого отношения не имеет. «У него на старика фактиков не хватает, и меня вербовать решил? Не торопись, Иван, молчи и слушай, соглашайся, кивай, только ничего не говори».

Иван театрально вздохнул и, вспомнив попа, который хаживал к его бывшему хозяину, заявил:

— Товарищ начальник, человек грешен и зачат в грехе. Намеревался от того знакомства свою малую корысть иметь. Так ведь за намерения вроде бы не судят?

Иван перекрестился.

Гуров насупил брови, кашлянул в кулак. — Хочу, чтобы между нами все было честно. Если вы преступление уже совершили, то помочь не могу, ответите по всей строгости закона. Но если вы с этим Лебедевым только столкнулись, на скользкую дорожку лишь ступили, а по моим соображениям, так и есть, тогда иное дело. Тогда нам есть о чем потолковать.

«Не перебрал ли я? — думал Гуров. — Может, у меня на руках давно двадцать два, а я все банкую?»

— За упреждение благодарности нижайшая, Лев Иванович, а толковать нам больше не о чем, — ответил Иван.

— Интересно получается, — заговорил Гуров. — Вы связываетесь с особо опасным преступником, к вам пришел сотрудник органов. — Он достал удостоверение. — Желаете ознакомиться?

Иван внимательно изучил удостоверение, сличил фотографию с оригиналом.

— Надо же, подполковник. — Иван покачал головой. — В таком-то чине и ходите по гостиницам.

— Иван Николаевич. — Гуров спрятав удостоверение, взглянул осуждающе. — Я к вам по-хорошему, с доверием, а вы мне — от ворот поворот. Может, вы увязли и боитесь ответственности? Тогда понятно, что я ошибся.

Он встал, пошел к двери, бормоча:

— Черт возьми, как все нескладно...

— Товарищ подполковник! — Иван догнал Гурова, преградил дорогу. — Вы меня не поняли, да и чай собирались пить. Я сейчас!

Церковные обороты из речи Ивана исчезли, он позвонил, распорядился, чтобы принесли чай, достал из серванта посуду и бутылку коньяка, ловко накрыл на стол. При этом, не умолкая, рассуждал, что его доверчивость к добру не приводит, в который раз попадает в историю, но «горбатого могила исправит», видно, ему на роду написано страдать за свою простоту. Слава богу, мир не без добрых людей, случай свел с хорошим человеком, и огромный спасибо подполковнику Гурову Льву Ивановичу, что он такой душевный.

Гуров сидел с обиженным лицом, слушал хозяйина и постепенно «оттаивал».

«Хорошо поешь, — думал он. — Игра началась, дебют за мной, как выражаются шахматисты. Теперь следует, не торопясь, укрепить завоеванные позиции».

Иван говорил одно, думал совершенно другое. «Наживку ты, начальник, забросил для фрайеров. Так я тебе и поверил, ищи дурака, такие кретины живут в соседнем номере. Документы мои сгорели, придется все менять, ну это все сопли, сейчас надо думать, как выскочить. Кто я на самом деле, сыщик не знает, иначе один бы не приперся, а с целой командой — обыск проводить. Искали бы пистолет. Здесь пистолет, здесь, только не нашли бы его ни в жизни, а если и нашли бы, так ко мне никак не привязать. Отпечатков пальцев на нем нет, лежит пистолет в гостинице на нейтральной территории, кому принадлежит и кто положил — совершенно неизвестно. Старик прав, сыскарь работает один, контора его бросила. Иначе бы он не пер напролом, а установил бы за мной наблюдение и выяснил все осторожненько. Но как он нашел меня?»

Дежурная по этажу принесла огромный фирменный чайник.

— Добрый вечер. — Она разлила чай, распечатала пакки печенья и, пожелав приятного аппетита, удалилась.

«Как же ты, черт, нашел меня?» — Иван наполнил рюмку коньяком.

Гуров отхлебнул горячего чая, кивнул на коньяк:

— С удовольствием, но за рулем.

— Не по-русски. Лев Иванович. — Иван ухмыльнулся.

— Иван Николаевич, когда, где, при каких обстоятельствах вы познакомились с Лебедевым?

— Девятнадцатого марта, в аэропорту Адлера, за одним столиком пили кофе. — не задумываясь, ответил Иван. — Старик обругал это пойло и, достав фляжку, угостил меня коньяком.

— И дальше?

— Да, как обычно. — Иван говорил легко, непринужденно. — вылет задерживали, мы пошли в ресторан, съели по яичнице, выпили еще по рюмке. Слово за слово, сначала о погоде, потом кто чем занимается. Когда старик узнал, что я мастер по холодильникам — аж загорелся, начал расспрашивать, какую аппаратуру знаю, чего могу, сколько получаю.

Иван рассмеялся, выпил рюмку, махнул рукой.

— Потом спрашивает: мол, заработать хорошо не желаешь? А кто не желает? Ведь не украсть — заработать. Ну, Лев Иванович, я девственницу из себя строить не буду, сообразил сразу, что дело предстоит не совсем чистое. Ладно, думаю, поживем — увидим. Старик дал свой номер телефона, я утром позвонил, договорились пообедать, тут вы явились. Я понял, что зашел не в мать и, только вы ушли, разговор свернул. Да и старик, честно сказать, после вашего визита подзавял.

Гуров не был уверен, что сидит за одним столом с убийцей. Только предполагал, что это вполне возможно. Сейчас Иван излагает заготовленную легенду. Никакие холодильные установки Лебедева заинтересовать не могут, незнакомого человека он угощать коньяком не станет, не говоря уже о том, что их встреча была назначена на телеграфе, а не в ресторане. Уличить Ивана во лжи нетрудно, но смысла нет.

Я должен работать по версии, что Иван Николаевич Лемешев — профессиональный убийца и пистолет, который мне совершенно необходимо найти, находится где-то неподалеку.

— Ну и ловок вы, Лев Иванович. — восхищенно сказал Иван. — Значит, вы дождались, пока я из того кабака выйду, и протопали за мной до гостиницы. Силен, признаю, и крыть нечем!

Иван после обеда с Лебедевым в гостиницу не возвращался, ездил по разным делам и был уверен, что никого у него «на хвосте» не было.

— Обижаете, я такой ерундой не занимаюсь, — ответил Гуров.

Личность и место жительства Лемешева установили в первый же день. В аэропорту Гуров запомнил номер такси, куда сел мужчина, разговаривавший в багажном отделении с Лебедевым, Боря Вакуров уже к вечеру нашел водителя, который и назвал гостиницу. Дальнейшее было делом техники. Сделал это Гуров на всякий случай, не ожидая особого результата.

— Так как же вы тут обьявились? — разыгрывая простачка, интересовался Иван.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — сухо ответил Гуров. — Лучше подскажите, на чем я матерого волка прихватить могу. Он ничего такого интересного вам не рассказывал?

— Шутите, товарищ подполковник! — Иван рассмеялся. — Матерый? И сколько у него? — Он потер пальцами, изображая, как считают деньги.

— Много.

— Для одного и десять штук много, для другого и сто не хватит.

— У Лебедева миллионы, Иван Николаевич, — ответил Гуров, делая вид, что думает о совершенно постороннем. — Где они? Как его заставить их в руки взять? Я бы мерзавца с казной в руках в прокуратуру отвел, и делу конец.

Иван присвистнул, снова выпил и подумал, чем шутит, может, с ментом у старика «лимон» отнять, поделить, и всем хорошо будет.

— Деньги, деньги — бумага, — начал философствовать он. — А что мы без них? Можно дельце и обмозговать, так ведь с вами, идейными, каши не сварить...

— Точно, такую кашу не употребляю. — задумчиво произнес Гуров, затем, тряхнув головой, весело сказал: — Я-то не беру, так ведь Лебедев того не знает! Ты понимаешь, Иван? У преступника психология гнилая! Раз я за деньги на все готов, то и любой за солидную сумму душу продаст. Так?

— Ну?

— Вот и подбрось старику такую мыслишку, мол, подполковник был у меня в гостинице. Прищучил он тебя, старый, не отвяжется, но, видится мне, — он указал на Ивана, — тебе!

— Да понимаю, не ушибленный! Дальше! — азартно воскликнул Иван.

— Может мент, или как вы меня между собой называете, хороший куш взять? Поверит?

— Может, и поверит, — рассудил Иван. — Только он прежде чем к деньгам сунется, с тебя расписку возьмет.

— Да я дам ему, десять расписок дам! Когда кассу в прокуратуру сдадим, а его в изолятор водворят, очень ему те расписки пригодятся!

ОМЕНА '80 «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Нина ТИХОНОВА

Фото Евгения МАТВЕЕВА

Этот парень запоминается сразу: коренастый мужичок с упрямо поджатыми губами и нахально длинным носом. На него обратили внимание даже те, кто вовсе не интересуется рок-музыкой, когда он запел с телеэкрана:

*Где вы, где, чья работа была
в 30-х
стрелять в спины наших отцов?
Я хочу знать — что для вас
совесть сейчас?..*

*Достаёте ли вы свои боевые награды?
Блещат ли они в дни наших великих парадов?*

Казалось бы, тема, затронутая лидером свердловской рок-группы «Чайф» Владимиром Шахриным, уже не раз обсуждалась журнальной и газетной публицистикой, и музыкальная ее интерпретация грозит упростить наблевший вопрос до заиклившегося скандирования. Впрочем, рокеры и не претендуют конкурировать с историками и обществоведами, они предлагают свой жизненный опыт, а вот его глубина и страстность как раз и определяют большой интерес к данной группе.

«Наш гимн жестче, но, быть может, светлей,

За каждой строчкой мы видим конкретных людей», — поет Шахрин, и это вполне соответствует его убеждениям.

Истоки свердловского рока председатель городского рок-клуба Николай Грахов датирует 1980 годом, когда ансамбль авангардной музыки «Сонанс» распался на две группы: хард-попсовый «Урфин Джюс» и «Трек», избравший стилистику новой волны. Пора массового узнавания рока подтвердила, что уральцы, ныне представленные пятьюдесятью коллективами, более чем конкурентоспособны — тому доказательством победное шествие по площадкам страны «Наутилуса Помпилиуса». Сейчас мы знакомимся с группой существенно иного характера, но отнюдь не худшего качества.

...А ведь многим нрав Шахрина кажется неуживчивым. Судите сами: в свое время был депутатом Совета в крупнейшем Кировском районе Свердловска. Так он, видите ли, считает, что пол-

номочий у депутатов мало, или например, не знает, что своим дочерям отвечать, когда они просят объяснить сегодняшнее значение красующегося на доме лозунга — «Вся власть Советам!». Шахрин сам, как младенец, интересуется, к примеру, зачем нужен в исполкоме отдел культуры, если его работники заняты лишь надзирательством и запретительством творчества молодежи? А действительно, зачем? Хотя, конечно, можно быть «разумнее»: удалось тебе как депутату помочь юношескому спортивному клубу — и ладушки, добился, чтобы мусорные баки убрали из-под окон жилого дома — ликуй.

Нет, он на следующих выборах вообще голосовать отказался. «Это, — замечает, — право каждого человека — голосовать или нет». «А я, — говорит, — формальных мероприятий с заранее заготовленными вплоть до поправок к резолюциям решениями насмотрелся. Так и кандидатов в депутаты у нас выбирали из тех, кому общественной работой заниматься и неохота, и некогда — значит, они не будут «возникать». Удобно такое положение тем, кто десятилетиями сидит в районе на руководящих должностях. Их я тоже лично знаю — не будут они работать — не умеют и не хотят. Молодежь, так ту просто ненавидят. Раз не перестроились, компетентных тружеников к делу не допустили, я в лицемерных играх участвовать не стану».

Позже поступок Шахрина назовут «уроком демократии». Но как-то двусмысленно прозвучит запоздалая похвала в устах бессменных чиновников. Какой и кому урок? Может быть, стремящимся учиться демократии? Мол, остерегайтесь, неприятностей будете иметь предостаточно. Или тем, кто всплески демократии еще мечтает душить и душить? Дескать, умеете предвидеть и нивелировать появление «незапланированных» правдолюбцев.

И ведь ничего не боится Шахрин. «Меня, — объясняет, — уже стращали — зашлем, век лопатой канавы будешь рыть. Так я привычный — строитель, техникум по этой специальности окончил,

восемь лет на стройке работал. Вместе с нашим гитаристом Володей Бегуновым. Наш барабанщик Игорь Злобин — выпускник лесотехнического института — и на лесоповале не подведет. Басист Антон Нифантьев — он два года в музыкальном училище имени П. И. Чайковского занимался — тоже уралец, сдюжит».

Все музыканты «Чайфа» и раньше играли в различных рок-группах. Нынешний же состав и стилистика сложились к началу 1987 года. Поначалу их творчество вполне вменялось в рамки дворово-молодежной тематики, преподнесенной в обрамлении «старого, доброго рок-н-ролла». «Чайф» формировался как ироничное дополнение, смеющаяся сторона двуликой театральной маски рядом с патетически-трагедийным «Наутилусом». (Подобным «дуэтом» в Ленинграде выступали ранние Гребенщиков и Науменко.) Но, кроме иронии, были и вечные вопросы, и музыканты пытались на них отвечать.

Красиво — это Мона Лиза.

Нормально — работа по душе.

Некрасиво — когда ты снизу.

Совсем безобразно — когда «уши в лапше».

Однако в агрессивную утвердительность песни «Это» вдруг вклинивается удивленная интонация автора, не претендовавшего сделать открытие, желавшего лишь определиться в жизни и неожиданно осознающего, «что все ЭТО на грани запрета».

Еще год назад почти каждая поэтическая строка Шахрина заканчивалась точкой, звучала уверенно. Сегодня появились многоточия, сомнения. Появилась ирония и скепсис от встреч с железобетонной стойкостью тех, кому выгодно, держась за свои теплые служебные кресла, заваривать на новый лад, но опять «лапшу на уши». Ощущение, что «они возвращаются», напоминает растерянность влюбленной парочки, «застуканной» взрослыми, как в песне «Чайфа» «Странное утро».

«Из зрителей и слушателей рока со временем вырастет новое поколение, где будет больше порядочных людей», — уверен Шахрин. Его песни становятся более строгими, скорбными, но

Чайф

чайф

и более теплыми. Рок собирает и согревает единомышленников. Ирония «Чайфа» едка и целенаправленна. Такой болью за сограждан пронизаны песни «Чайфа», что даже в самых «развеселых» из них, среди частушечной

разухабистости, не упустить глубинного смысла.

Музыку ребята из «Чайфа» сочиняют все вместе, направление определяют с юмором — «пост-бит недопанк». Какие уж там «заграничные» панки — своих проблем хватает! И по тому, как музыканты умеют дополнять друг друга в разговоре, понимаешь: коллективная импровизация — перспективный путь для «Чайфа».

Так же, с первых слов, можно догадаться, что общение с «Чайфом» окажется интересным. Взять хотя бы конференсные фразы, что артисты бросают в зал. У ведущих молодежных программ быстро выработался

стереотип — утрировать свою осведомленность в юношеском жаргоне. «Тусовка в кайф?» — явно заигрывая со зрителями и жутко довольные собой, выкрикивают конференсье. Ничего подобного не дожدهшься от «Чайфа». Они обращаются к огромной стадионной аудитории так, будто общаются дома с ближайшими друзьями: «А что, ребята, нормально сидим?»

Отличный профессиональный уровень свердловчан оригинально подтвердила вольность, допущенная москвичами с названием группы: они начали писать его «Чай Ф», прознав, что так именуется один из лучших в мире сортов чая.

ДРЕМЛА И ЖИВЫ

Евгений КОНДРАТЬЕВ,
служащий, Москва

Звездной ночью мороз
Снежной коркой скрипит.
Ветки голых берез
Сединой серебрят.
Но не тот уж мороз.
Он, вздыхая, не спит,
Не сдержав утром слез,
На весну он ворчит:
«Скоро солнце взойдет,
С ним все силы уйдут.
Чуть сильнее припечет —
Ручейки побегут,
Отряхнется береза,
Отряхнется и ель.
Вот тогда мои слезы
Превратятся в капель»...
Ах, как пахнет весной.
И смолой пахнет ель.
Календарь отрывной
Нас выпускает в апрель...

Юрий САВИН,
электросварщик, Свердловск

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Когда земля вздохнет от зноя,
Потянет свежестью с полей,
Я так любил гонять в ночное
Табун колхозных лошадей.
Лететь под стать шальному ветру,
На стременах привстав слегка,
Снять на скаку с березки ветку
И стегануть коня в бока.
Конь мечет бешеные взгляды,
Грызет все в пене удила.
О, детства пыльные улады!
Не зря нас мама родила!
И, спешившись в зеленой пуще,
Бивак наметив среди ветвей,
Искали мы, где травы гуще,
Чтоб на ночь спутать лошадей.
Давно бесследно миновала
Того ребячества пора.
В ночном у речки на привале,
Где донимала мошकारа,
Хлебнули детства, хоть немножко,
Зато потешились сполна.
В золе румянилась картошка,
А где-то шла уже война...

Виктор КАШКИН,
философ, Москва

Смажем густо наши автоматы,
Котелок и фляжку —
старшине.
Если бы всегда в запас солдаты
Уходили,
не служив войне.
Если бы всегда на марше роты,
Где шагали рядовыми
мы,
Нашим песням
на слова пехоты
Не служила музыка войны.

Вячеслав ЗАЙЦЕВ,
инженер, Москва

МОЯ ЗЕМЛЯ

Туман вишневый стелется
В распахнутых садах.
И от поселка Стрельцы
Стою я в двух шагах.

Боюсь спугнуть видение,
Не шелохнусь ничуть.
Лишь сердце от волнения
Счастливо бьется в грудь.

Передо мной излучина
Сверкающей реки
Вся заново изучена,
Как старые стихи.

А дальше поле вышито
Зеленою канвой,
Лежит от солнца выжато
До капельки одной.

Вот домики игрушками
По улицам вразброс.
И облака сквозь кружево
Березовых волос.

Земля моя желанная,
Воронежский простор!
С тобой мои мечтания
Все живы до сих пор.

Геннадий ВЕРШИНИН,
металлург, Лысьва

ИДУ В РАБОЧИЕ

В 16 лет желаний очень много.
Все интересно, надо все познать.
Прощай, десятый! Да, я на пороге.
А вот в какую сторону шагать?
Пришла пора отправиться в дорогу.
Передо мной открыты все пути.
Отец и дед — рабочие завода.
И может, мне в рабочие пойти?
Да, мой отец потомственный

рабочий.
В слесарном деле равных нет ему.
Чуть уступает он, но, между прочим,
Лишь только деду, деду моему.
Они судьбу свою навек связали
С заводом нашим.

Он им — дом родной.
В войну, бывало,
прямо в цехе спали.
В их трудовых — по записи одной.
Отец в ту пору был меня моложе,
Им так хотелось поиграть в футбол.
Сперва — медаль

«За трудовую доблесть»,
А уж потом вступил он в комсомол.
Отца и деда всюду уважают.
Им сам директор руку подает.
А чем я хуже? Все, я поступаю
На наш металлургический завод!
...Гудок зовет, зовет меня в дорогу.
И вот шагаем к первой проходной.
Теперь втроем, втроем шагаем в ногу.
А вслед березки машут мне листвою.

Юрий КАМИНСКИЙ,
слесарь, Кривой Рог

У ОБЕЛИСКА

Здесь, где отец навек покинул дом,
На линию огня шагнув с крылечка,
Ракетой на дежурстве боевом
Стоит гранитный обелиск
над речкой.

Здесь шелест трав печальной
и нежной,
Здесь далеко за горизонт я вижу,
Здесь тишина огромной и полней,
Здесь небо выше, а вот звезды —
ближе.

Здесь вольным птахам вечно
распевать
Над павшими, чьи души не убиты.
И никому не двинуть время вспять
От этого высокого гранита.

И будут, чтоб отцы не гибли впредь,
Какие б ни прошли на свете сроки,
Как шрамы воспаленные гореть
Имен солдатских бронзовые строки.

Юрий ВАРКЕНТИН,
штурман, Рига

Каждый раз, возвращаясь с морей,
Проходя по знакомым причалам,
Словно старых и добрых друзей,
Я дома городские встречаю.

Я шагаю счастливый домой,
Скупю меряя шаг свой каждый.
Город вымахал над собой
В знак приветствия мне телебашню.

Здесь встречаю коллег-моряков,
С каждым третьим мы вроде
знакомы.
Вот кричит мне один — будь здоров!
А другой сунул «краба» —
с приходом!

Черт возьми,
может, в этом есть
смысл —
Безраздельно отдаться дороге;
И когда уже нет больше сил,
Возвращаться к родному порогу.

Любовь ЛЬДОВА,
студентка, Сумы

Любовью назвала меня Россия
устами нежной матери моей.
О, как беспечно имя я носила,
пока не поняла его корней.

Ему добро обязано истоками,
немыслимо утратить с ним родство.
Каков имя у меня высокое!
Как трудно дотянуться до него!

Алексей ОСТУДИН,
шурфист, Казань

ОТЛИВ

Клешней вращает краб на пирсе...
На лежаках — сухая соль.
Как хочет облако напиться,
макая в море луч косой!
Но море тает постепенно
медузой, в зареве стрекал
оно с шипеньем жарит пену
в расщелинах зеленых скал.
Вдоль пляжа — дно,
полоской узкой...
его отливом подмело.
И у малюсеньких моллюсков
от света челюсти свело!

Григорий ЭНШТЕЙН,
переплетчик, Москва

КЛОУН

Сколько у клоуна
Сказок?
Сказок у клоуна столько,
Сколько волшебных деревьев
Есть в заповедных лесах.

Сколько у клоуна
Песен?
Песен у клоуна столько,
Сколько тяжелых колосьев
Ветер качает в полях.

Сколько у клоуна
Шуток?
Шуток у клоуна столько,
Сколько безоблачной ночью
В небе рассыпано звезд.

Сколько у клоуна
Смеха?
Смеха у клоуна столько...
Только никто не узнает,
Сколько у клоуна
Слез...

Виктор ТИХОМИРОВ,
аппаратчик, Тихвин

ЗДЕСЬ Я ВЫРОС

Изда с колодцем у калитки.
Огромный тополь. Рядом лес.
Здесь солнца золотые слитки
Отвесно падают с небес.
Здесь лишь дома стоят да бани —
Я рядом с ними с детства рос
И с малых лет ходил с папаян
То по грибы, то на покос.
Мне в детстве часто доводилось
Шагать десятки верст пешком.
...Любить свой край душа училась
Не по программе средних школ.
Не по учебникам — по песням,
Что пели в кронах соловьи...
Пройдусь по чащам и по весям —
Везде найду следы свои!

ГИМНАСТИКА УМА

Пытаясь превратить кроссворд в школу знаний, мы предъявляем к нему иные требования, чем большинство других редакций. Повторяем эти требования по просьбе читателей.

Основа кроссворда — сетка (рисунок). Наш журнал остановился на ее классическом типе как наиболее понятном. Сетку читатель обязан придумать сам. Она не должна повторять в точности ни одну из появившихся в печати. Сетка должна быть:

1. Полностью или попарно-двусторонне симметричной (а также закрученной по спирали), изящной и не распадаться на отдельные части.

2. Размер — не более 21 клетки по горизонтали и вертикали (меньше — можно). Число позиций — от 40 до 75, но обычно не меньше 50.

3. Чем меньше черных (пустых) клеток, тем лучше. Недопустимы сочетания из двух и более черных клеток. Слова могут быть любой длины, начиная от двухбуквенных. Но слов из двух, трех и четырех букв не должно быть слишком много. Изящество и законченность кроссворду придают длинные слова.

Однако не следует усложнять сетку в ущерб содержанию. Стремитесь заполнить ее интересными и самыми разными тематическими словами. Причем простых слов обычно должно быть больше, чем сложных, редких. Не надо загадывать названия болезней, бытовых приборов, чисто религиозные слова, малые планеты, а также неблагозвучные слова.

Основные требования к лексикону:

1. Слова берут в единственном числе именительного падежа. Во множественном числе можно загадывать названия народов и жителей государств, городов и т. д., парные предметы, слова, у которых нет единственного числа. Названия произведений можно брать любые. В цитатах (в одном кроссворде их не должно быть много; причем цитаты надо брать афористические, познавательные, а не первые попавшиеся; источники цитат — произведения классиков) слова можно брать и во множественном числе, а также в любом падеже, если по написанию при этом они не отличаются от именительного.

2. Имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных слов. Начальные буквы слов должны как можно шире отражать алфавит. Причем на одну букву не берут больше 10 процентов от всех загаданных (если всего слов, скажем, 59, то на одну букву не больше 5). В ответах не может стоять больше двух слов подряд на одну букву. Личные имена берут только как персонажи произведений либо принадлежавшие замечательным людям.

3. Из населенных пунктов можно брать столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места. Из произведений классики можно брать любые населенные пункты.

4. Нельзя загадывать больше трех однородных понятий (скажем, птиц, химических элементов, цветов).

5. Слов с правильным чередованием (Анапа, базар, иней) не должно быть больше половины от всех загаданных.

6. Слова надо стремиться пересекать чаще на согласных, а не на глас-

ных. Это упрощает разгадывание. Нельзя пересекать «е» и «ё» — это разные буквы.

Настоящая творческая работа при составлении кроссворда начинается с толкования слов. Даже обычные определения чаще всего нельзя просто переписывать из словарей и энциклопедий, где они нередко слишком специальные или неоправданно растянутые. А в кроссворде определение должно быть универсальным, житейским, понятным каждому читателю.

Часть определений обязательно должна быть познавательной, занимательной, интригующей. Искать их надо прежде всего в научно-популярной литературе, газетах и журналах, других источниках. Проще сначала накопить достаточный запас таких определений, а затем уже слова под них загадывать в кроссворде. Поиски позволяют интересно зашифровать самое, казалось бы, простое слово. Скажем, это липа. Почти всегда ее определяют как лиственное дерево. Определение уже приелось, а главное, не сообщает ничего интересного. Между тем можно найти множество других определений: любимое дерево игрушечников; «медовое» дерево; дерево, под которым Левин нашел Кити с ребенком во время грозы («Анна Каренина»). И так без конца.

Все животные и растения в кроссворде обязательно должны быть определены оригинально, обычно познавательно. Недопустимы научные термины «отряд», «семейство» и т. д.

Никакое загаданное слово или однокоренное с ним не должно встречаться ни в одном определении. В определениях недопустимы неопределенные слова типа «что-либо», «где-нибудь» (их можно брать только в цитатах).

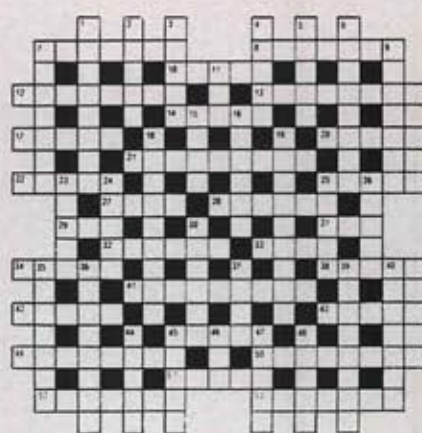
Кратко об оформлении. В редакцию надо присылать две аккуратно сделанные сетки с четко заштрихованными черными клетками. Одну заполняют цифрами, обозначающими позиции, вторую — загаданными словами.

Определения слов оформляйте так:

1. Камень — древнерусское название Уральских гор (Мезенин — 4).
Каждую новую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом на одной стороне листа разборчивым почерком слово на машинке. Если в определении больше одной строки, то вторая и последующие строки не должны заходить под загаданное слово.

В конце работы расшифруйте источники толкования, обязательные к каждому слову. В данном случае: Н. Мезенин. Уральский металл. М., Металлургия, 1981 (страница указана сразу). Указывать надо источник именно определения, а не просто загаданного слова. Может быть и несколько источников. Если вы указали источник, где слово стоит во множественном числе, то нужно указать и другой, где оно есть в единственном.

У этих непростых правил двойная цель. Во-первых, они позволяют составить по-настоящему интересный, познавательный кроссворд, а во-вторых, на справедливой, совершенно объективной основе отбирать работы для публикации в журнале. Иными словами, любой читатель, с достаточной полнотой выполнивший все пункты правил, может рассчитывать на публикацию своего кроссворда в «Смене».

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Предлагаем сетку, по которой надо составить кроссворд, ни в чем не отступая от правил, изложенных в «Гимнастике ума». В него можно включать любые дозволенные правилами слова, но при этом надо постараться загадать как можно больше слов на тему «История СССР». Правда, таковыми могут оказаться и самые обычные слова, только соответственным образом истолкованные. Скажем, мы включили в кроссворд слово «агат». Если вы определите его как самоцвет либо другим подобным образом, то, разумеется, к истории СССР оно относиться не будет. Но если определение будет, допустим, таким: камень, бусы из которого найдены близ Алушты в гробницах V века до нашей эры. — то это чистая история (этот пример в кроссворд брать не надо). Другими словами, участник конкурса обязан будет на совесть поработать над толкованием слов. Вообще кроссворду с очень интересными определениями слов жюри даст преимущество в десять очков перед работой с менее интересными определениями.

Победителей жюри определит по набранным очкам. Причем за каждое слово по истории СССР будет начислено одно очко, за каждое слово, связанное с завоеванием и освоением Сибири и Дальнего Востока (вплоть до наших дней). — три и за каждое историческое слово, связанное с Волгой и ее притоками, — пять очков.

В этой сетке при 53 позициях 56 слов. Значит, на одну букву нельзя брать больше пяти слов, слов с правильным чередованием гласных и согласных нельзя брать больше 28, а имен собственных — больше 18.

К своей работе каждый участник конкурса должен приложить сетку, заполненную загаданными словами, а ниже или выше крупно проставить общую сумму набранных очков. Эту же цифру надо проставить и на отдельном листе, где должны быть также в разных колонках перечислены слова в одно, три и пять очков и показана система подсчета. Допустим, читателю удалось включить в кроссворд 50 слов на тему «История СССР», причем из них 20 связаны с освоением Сибири и Дальнего Востока и 15 — с Волгой и ее притоками. Значит, за обычные слова по истории он получит 15 очков, за «сибирские» — 60 и за «волжские» — 75 очков, то есть всего 150 очков.

Одну или две лучшие работы «Смена» напечатает. Победителям и еще четырем участникам редакция предоставит возможность напечатать вне всякой очереди обычный кроссворд и наградит их дипломами. Дипломы журнала получат и еще пятеро участников конкурса.

Последний срок отсылки конкурсной работы — 15 мая. На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов-89», первое задание».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1480) ЯНВАРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 06.10.88.
Подписано к печати 27.12.88.
А 11848. Формат 70 × 108¹/₈.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 3498.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1989 г.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Живица. 8. Каштан. 10. Министр.
13. Аромат. 14. Рапсод. 15. Лаокоон. 16. Наука. 19. Домра. 21. Гарсия. 23. Пивка.
24. Ямщик. 25. Елец. 26. Орел. 27. Бино. 29. Оратор. 31. Гамаюн. 33. Отдел. 36. Кварц. 38. Солодка. 40. Гарпун. 41. Иранка. 42. Дансинг. 43. Платон. 44. Облако.

По вертикали:

1. Цикада. 2. Хамал. 3. Экран. 4. Цандер. 6. Иголка. 7. Шишка. 9. Шесток. 11. Италия. 12. Тропик. 17. Углевод. 18. Арсенал. 19. Дворжак. 20. Маслина. 22. Амбир. 23. Пирог. 27. Борона. 28. Манкин. 30. Рекрут. 32. Ювенал. 34. Тигель. 35. Фосса. 37. Ржанка. 38. Судно. 39. Аргон.

ШАГ К МНОГОЛИКОСТИ

Окончание. Начало на 20-й стр.

Ж. Орловская. Диалог.

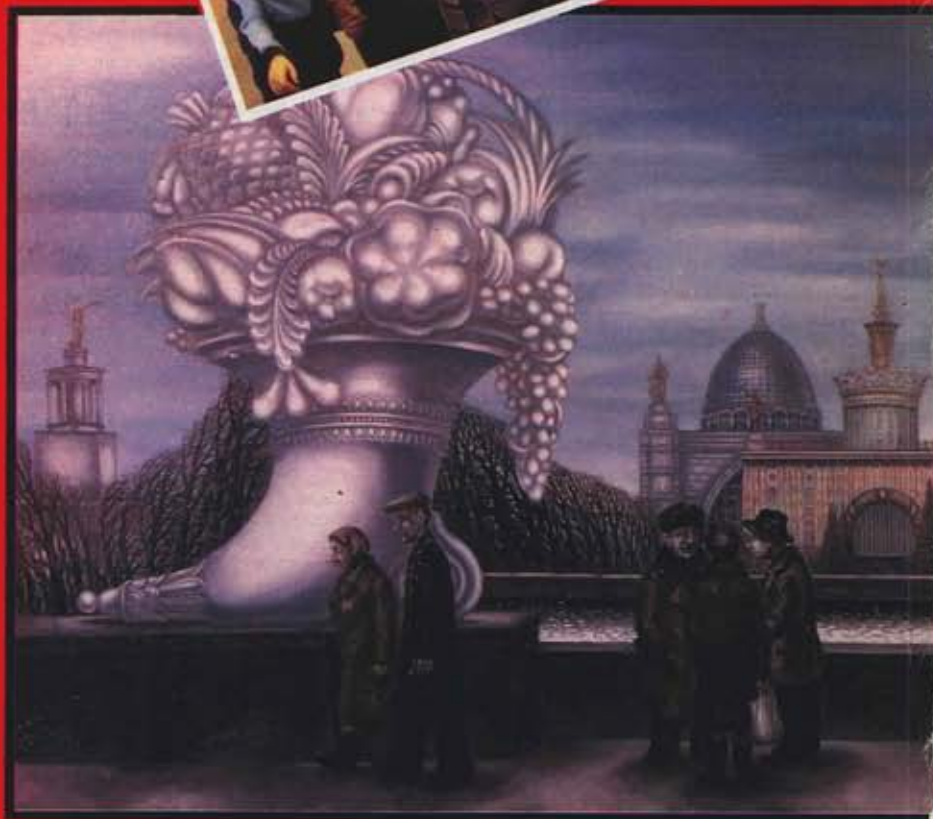

Тем самым еще раз продемонстрировано, что в Союзе художников те творческие профессии, которые не связаны напрямую со станковыми видами изобразительного искусства, на положении пасынков. А ведь это решение выносили не пресловутые бюрократы, не чиновники от искусства, а сами художники, из которых, правда, большинство — станковисты.

Но ведь как бы мы ни радовались, что художественные выставки стали привлекать тысячи людей, — миллионы либо не имеют такой возможности, либо проходят мимо. Что видят они на улицах городов, особенно в новостройках? Кто соразмерял разрушительную силу рок-музыки, о которой столько говорят, и разрушительную роль скопищ серых бумажных коробок, именуемых микро-районами? Какими вырастут дети в этом эстетическом вакууме? Не здесь ли проходит линия отрыва искусства от жизни, а вовсе не на полотне художника, как принято думать?

Так я рассуждал, вспоминая традиции Родченко и Татлина, давно умершие у нас и приходящие извне уже в перерожденном виде, сокрушаясь узости мышления, цеховости подходов к глобальным задачам искусства.

И подумалось: сделан важный шаг

С. Волков. Рог изобилия.

С. Бощров. Площадь.

И. Ромадина. Утро.

к возрождению многоликости нашего изобразительного искусства. Но молодые художники в поисках собственного «я» нуждаются, пожалуй, не столько в представительских парадах, сколько в условиях для нормального творческого роста. Этому

в большей степени способствовали бы регулярные персональные и групповые выставки, сеть магазинов-салонов, общение друг с другом и со зрителями в творческих клубах и объединениях, профессиональная критика «по гамбургскому счёту».